

Ф.Д. ДЖЕЙМС

СМЕРТЬ ПРИХОДИТ
В ПЕМБЕРЛИ

НЕВИННАЯ КРОВЬ

Ф. Д. Джеймс с/с

Филлис Дороти Джеймс

**Смерть приходит в
Пемберли. Невинная кровь**

«Издательство АСТ»

1980, 2011

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Джеймс Ф.

Смерть приходит в Пемберли. Невинная кровь / Ф. Джеймс —
«Издательство АСТ», 1980, 2011 — (Ф. Д. Джеймс с/с)

ISBN 978-5-17-139314-4

Вот уже шесть лет Элизабет и Дарси счастливы в браке. У них двое сыновей, рядом любящие друзья и родные. Но однажды в их дом приходит беда: муж сестры Элизабет, известный своим легкомыслием капитан Уикхем, становится главным подозреваемым по делу о жестоком убийстве своего приятеля. У него нет алиби, зато есть мотив. И на него же указывают все улики. На репутацию семьи брошена тень, Уикхема ждет смертная казнь, однако Дарси и Элизабет уверены, что Уикхем невиновен. Но где же найти доказательства?.. Филиппа, прелестная приемная дочь знаменитого ученого, стала наконец взрослой и сделала шокирующее открытие – ее настоящая мать совершила страшное преступление и вот-вот выйдет из заключения. Пока Филиппа строит планы встречи с матерью, на поиски этой же женщины отправляется еще один человек. Тот, кто решил посвятить себя мести и не остановится ни перед чем...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-139314-4

© Джеймс Ф., 1980, 2011
© Издательство АСТ, 1980, 2011

Содержание

Смерть приходит в Пемберли	6
Комментарий автора	6
Пролог. Семейство Беннет из Лонгборна	7
Часть первая. День перед балом	12
1	12
2	20
3	23
4	24
5	26
Часть вторая. Труп в лесу	30
1	30
2	33
3	37
4	41
5	45
Часть третья. Полиция в Пемберли	47
1	47
2	53
3	56
4	58
5	62
6	63
Часть четвертая. Следствие	66
1	66
2	71
3	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Филлис Джеймс
Смерть приходит в
Пемберли. Невинная кровь

P. D. James
Death Comes to Pemberley
Innocent Blood

© P. D. James, 1980, 2011
© Перевод. В. Бернацкая, 2022
Школа перевода В. Баканова, 2022
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Смерть приходит в Пемберли

Посвящается с любовью и признательностью Джойс Макленнан, другу и помощнице, печатавшей мои романы на протяжении тридцати пяти лет.

Комментарий автора

Я приношу свои извинения покойной Джейн Остен за то, что доставляю ее любимой Элизабет тягостные волнения, связанные с расследованием убийства; тем более что в последней главе романа «Мэнсфилд-Парк» мисс Остен прямо заявила: «Пусть другие пишут о чувстве вины и несчастье. Я стараюсь поскорее уйти от этих неприятных проблем и вернуть каждому, кто не слишком виноват, относительный покой и на том закончить». Не сомневаюсь, что, выслушав мои извинения, она сказала бы, что, будь у нее желание обращаться к столь неприятным вещам, она сама написала бы этот роман, сделав это гораздо лучше.

Ф. Д. Джеймс. 2011

Пролог. Семейство Беннет из Лонгборна

Женская половина Меритона пришла к единодушному мнению, что мистеру и миссис Беннет очень повезло – они выдали замуж четырех из пяти дочерей. Меритон, небольшой городок в Хартфордшире, не лежит на пути излюбленных туристических маршрутов, не отличается красотой пейзажей и не прославлен в истории; его единственная достопримечательность – Недерфилд-Парк при всем его великолепии не упоминается ни в одной книге об архитектурных шедеврах графства. В городе есть зал для собраний, где регулярно устраиваются балы, но нет театра, и основное развлечение здесь – поездки в гости, где скука за обедами и за карточными столами, где присутствуют одни и те же люди, оживляется лишь сплетнями.

Если мало других развлечений, семья с пятью дочерьми на выданье привлекает сочувственное внимание соседей, а положение Беннетов считалось особенно сложным. Сына у них не было, и потому усадьбу должен был унаследовать преподобный Уильям Коллинз, кузен мистера Беннета, который, как любила громко сокрушаться миссис Беннет, мог выгнать ее и дочерей из дома раньше, чем остынет в могиле тело ее мужа. Правда, мистер Коллинз пытался в меру сил исправить ситуацию. Преодолев некоторое неудобство, он с одобрения своей покровительницы, грозной леди Кэтрин де Бер, оставил на время свой приход в Хансфорде (Кент), чтобы навестить Беннетов с благородным намерением выбрать себе невесту из пяти дочерей. Это намерение миссис Беннет приняла с энтузиазмом, но предупредила священника, что старшая дочь почти помолвлена. Элизабет – вторая по старшинству и красоте – решительно отвергла предложение мистера Коллинза, и тому пришлось искать понимания у мисс Шарлотты Лукас, подруги Элизабет. Мисс Лукас сразу же с благодарностью приняла его предложение, определив таким образом будущее миссис Беннет и ее дочерей, что не вызвало особенного сожаления у соседей. Теперь, в случае смерти мистера Беннета, его кузен мог переселить их в один из коттеджей, где они получали бы душевное утешение от его праведного управления и телесное подкрепление в виде остатков пищи с кухни миссис Коллинз и дополнительными подачками – куском бекона или дичью.

Но от таких благоденствий семейство Беннет благополучно спаслось. К концу 1799 года миссис Беннет могла поздравить себя с тем, что стала матерью четырех замужних дочерей. Надо сказать, что замужество Лидии, младшей дочери, которой только исполнилось шестнадцать, трудно было назвать удачным. Она бежала с лейтенантом Джорджем Уикхемом, офицером полка, размещенного в Меритоне, и никто не сомневался, что эта ее шальная выходка закончится так, как заслуженно заканчиваются все такие приключения: Уикхем ее бросит, от дома оступившуюся дочь отлучат, общество отвергнет, что приведет к ее окончательному падению, о чем настоящим леди нельзя даже упоминать. Однако брак свершился, о чем первым узнал в городке Уильям Гулдинг: когда он ехал верхом, новобрачная, миссис Уикхем, проезжая мимо, опустила окно кареты и показала ему пальчик с обручальным кольцом. Миссис Филиппс, сестра миссис Беннет, усердно распространяла свою версию побега: влюбленные направлялись в Гретна-Грин¹, но ненадолго остановились в Лондоне, чтобы Уикхем мог сообщить крестной матери о предстоящем венчании, однако после приезда искавшего дочь мистера Беннета молодые люди согласились на предложение семьи провести более традиционную свадебную церемонию в Лондоне. Никто не верил в эту выдумку, но все согласились, что изобретательность миссис Филиппс заслуживает уважения. Конечно, Джорджу Уикхему закрыли доступ в лучшие дома Меритона, дабы он не смел бесчестить служанок и лишать владельцев

---

¹ Деревня на границе с Шотландией, где убежавшие влюбленные могли обвенчаться без соответствующих документов. – *Здесь и далее примеч. пер.*

магазинов прибыли, но что до миссис Уикхем, то она могла рассчитывать на терпимое отношение, какое ранее оказывалось ей как мисс Лидии Беннет.

Ходило много сплетен о том, как удалось добиться, чтобы запоздалая свадьба все-таки состоялась. Имение мистера Беннета приносило не больше двух тысяч фунтов в год, а мистер Уикхем, как все понимали, сдался не меньше чем за пятьсот, да еще с условием, чтобы до женитьбы оплатили его долги в Меритоне и все прочие. Должно быть, помог деньгами мистер Гардинер, брат миссис Беннет. Все знали о его доброте, но у него была семья, а ждать возврата долга от мистера Беннета не приходилось. Семейство Лукас взволновалось, как бы это событие не отразилось на будущем наследстве зятя, изрядно сократив его, но время шло, деревья никто не вырубал, землю не продавали, не увольняли служанок, и мясник по-прежнему еженедельно отпускал миссис Беннет ее заказ; тогда только Лукасы решили, что мистеру Коллинзу и дорогой Шарлотте опасаться нечего: как только мистера Беннета похоронят со всеми почестями, мистер Коллинз унаследует усадьбу Лонгборн в целости и сохранности.

Последовавшая вскоре после замужества Лидии помолвка мисс Беннет и мистера Бингли, хозяина Недерфилд-Парка, была всеми принята с одобрением. Это не стало неожиданностью. Джейн обворожила мистера Бингли в их первую встречу на балу. Все любили мисс Беннет за ее красоту, мягкость и наивную веру в людей, благодаря которой она ни о ком плохо не говорила. Однако в дни помолвки старшей дочери еще одна победа миссис Беннет стала достоянием гласности, хотя поначалу ее восприняли с недоверием. Мисс Элизабет Беннет, второй дочери миссис Беннет, сделал предложение мистер Дарси, владелец Пемберли, одного из крупнейших поместий в Дербишире; по слухам, его годовой доход составлял десять тысяч фунтов.

В Меритоне сложилось мнение, что мисс Лиззи терпеть не может мистера Дарси, эти ее чувства разделяли леди и джентльмены, присутствовавшие на первом балу, который посетили мистер Дарси и мистер Бингли с двумя сестрами и где мистер Дарси в полной мере продемонстрировал гордыню и высокомерное презрение к местному обществу, ясно дав понять (несмотря на уговоры своего друга мистера Бингли), что ни одна из присутствующих женщин не годится ему в партнерши по танцам. И действительно, когда сэр Уильям Лукас представил ему Элизабет, мистер Дарси не пригласил ее на танец, а позже сказал мистеру Бингли, что она не настолько хороша, чтобы его заинтересовать. Все пришли к выводу, что его жена не будет счастливой – особенно после слов Марии Лукас: «Кто захочет до конца дней видеть перед собой за завтраком вечно недовольное лицо?»

Однако не было причин упрекать мисс Элизабет Беннет в том, что у нее более благоразумный и оптимистичный взгляд на вещи. Нельзя иметь все, и девицы Меритона вынесли бы не только недовольное лицо за завтраком, но и многое другое за честь быть хозяйкой Пемберли и иметь десять тысяч фунтов дохода. Меритонские дамы, как и положено, проявляли сочувствие к больным и поздравляли тех, кому повезло, но во всем должна быть мера, а победа мисс Элизабет была неприлично блестящей. Хотя все признавали, что она достаточно красива и глаза у нее великолепные, но разве этого достаточно для мужчины с десятью тысячами? И вскоре в кругу самых влиятельных сплетниц родилось объяснение: мисс Лиззи решила обольстить мистера Дарси еще в их первую встречу. Раскусив ее планы, они пришли к согласию, что она действовала исключительно умно с самого начала. Хотя мистер Дарси не стал танцевать с Элизабет на балу, его глаза часто останавливались на ней, и ее подруга Шарлотта, которая после долгих лет, проведенных в поисках мужа, была особенно чутка к подобным знакам внимания, посоветовала Элизабет не проявлять явного расположения к привлекательному и популярному лейтенанту Джорджу Уикхему, чтобы не оскорбить чувства человека, влиятельнее лейтенанта в десять раз.

А затем произошел случай, когда мать настояла, чтобы приглашенная на обед в Недерфилд мисс Беннет отправилась туда верхом, а не в экипаже, в результате чего Джейн, как и предполагала хитрая мать, простудилась и вынуждена была провести в Недерфилде несколько

дней. Элизабет, конечно, не упустила такой шанс и отправилась пешком навестить сестру, и хорошо воспитанной мисс Бингли ничего не оставалось, кроме как предложить нежданной гостье погостить у них, пока не выздоровеет сестра. Почти целая неделя, проведенная в обществе мистера Дарси, увеличила шансы Элизабет на успех, и она выжала все, что только смогла, из этой вынужденной близости.

Затем, по настоянию младших дочерей семейства Беннет, мистер Бингли сам дал бал в Недерфилде, и на нем мистер Дарси действительно танцевал с Элизабет. Сидевшие в креслах у стен пожилые дамы внимательно, как и все остальные, следили в лорнетки за парочкой. Само собой, те почти не разговаривали, но сам факт, что мистер Дарси пригласил Элизабет на танец, а та не отказалась, представлял интерес и давал пищу для размышлений.

Следующим этапом в кампании, развернутой Элизабет, была ее поездка вместе с сэром Уильямом Лукасом и его дочерью Марией в пасторат Хансфорд. В обычное время от приглашения туда мисс Лиззи, конечно, отказалась бы. Какое удовольствие может получить разумная женщина от общения в течение шести недель с мистером Коллинзом? Все знали, что до того, как сделать предложение мисс Лукас, он добивался расположения Элизабет. Щекотливость ситуации требовала, чтобы та держалась подальше от Хансфорда. Но Элизабет, конечно, знала, что леди Кэтрин де Бер является соседкой и покровительницей мистера Коллинза, и мистер Дарси, ее племянник, конечно же, навестит тетку в Розингсе, пока она будет гостить в доме священника. Шарлотта, сообщавшая матери даже мельчайшие подробности своей супружеской жизни, включая информацию о здоровье коров, домашних птиц и мужа, написала ей, что мистер Дарси и его кузен полковник Фицуильям, тоже гостившие в Розингсе, часто навещали в пасторат, пока там жила Элизабет, а однажды мистер Дарси явился туда без кузена, и ее подруга приняла его, хотя находилась в доме одна. Миссис Коллинз не сомневалась, что этот поступок говорит о том, что он влюбился, и писала далее, что, по ее мнению, Элизабет позволила бы прийти к ней любому джентльмену в надежде, что тот сделает ей предложение. Однако мисс Лиззи вернулась домой без всяких перемен в судьбе.

Но все пошло как по маслу, когда миссис Гардинер и ее муж, приходившийся братом миссис Беннет, пригласили Элизабет поехать с ними летом отдыхать. Гардинеры предполагали добраться до Озерного края, но дела мистера Гардинера заставили сократить поездку, и они остановились в Дербишире. В Меритоне узнали эти новости от Китти, четвертой дочери Беннетов, однако никто в них не поверил. Богатому семейству, которое могло позволить себе путешествие из Лондона в Дербишир, не составило бы труда при желании доехать и до Озер. Не было сомнений, что миссис Гардинер, посвященная в матримониальные планы любимой племянницы, выбрала Дербишир, зная, что в Пемберли живет мистер Дарси; остановившись в гостинице, супруги и Элизабет навели справки, у себя ли хозяин поместья, и, конечно же, посетили его. Гардинеры представились; как воспитанный человек, мистер Дарси пригласил их к обеду, и если у Элизабет раньше были какие-то сомнения в разумности ее плана, то при виде Пемберли они полностью рассеялись, укрепив ее в намерении влюбиться в мистера Дарси как можно быстрее. В дальнейшем мистер Дарси и его друг мистер Бингли вновь посетили Недерфилд-Парк и, не теряя времени, отправились в Лонгборн, где счастье мисс Элизабет окончательно определилось. Несмотря на все великолепие, эта помолвка не доставила такого удовольствия жителям Меритона, как помолвка Джейн. Элизабет никогда особенно не любила: наиболее проницательные дамы даже предполагали, что в глубине души Лиззи посмеивается над ними. Они обвиняли ее в саркастичности, и хотя у них были сомнения относительно истинного значения слова, но одно они знали твердо: такое качество нежелательно иметь женщине, ибо джентльменам оно особенно не нравится. Соседи, чья зависть к такой победе превышала всякое удовлетворение от картины свадебных торжеств, могли утешаться мыслью, что гордыня и высокомерие мистера Дарси в сочетании с язвительным остроумием жены непременно сделают их жизнь несчастной, несмотря на Пемберли и десять тысяч ежегодного дохода.

После всех формальностей, без которых не обходятся пышные свадьбы, а именно – писания портретов, работы юристов, покупки новых экипажей и подвенечных платьев, на что потребовалось на удивление мало времени, венчание мисс Джейн с мистером Бингли и мисс Элизабет с мистером Дарси состоялось в один и тот же день в лонгборнской церкви. Этот день мог бы стать счастливейшим в жизни миссис Беннет, если б не дрожь, охватившая ее во время церемонии из-за страха, что в церковные двери войдет леди Кэтрин де Бер, грозная тетка мистера Дарси, и запретит венчание; только после заключительных слов благословения она почувствовала себя уверенно, как и подобает триумфатору.

Неизвестно, скучала ли миссис Беннет по своей второй дочери, но ее муж определенно скучал. Элизабет всегда была его любимицей. Она унаследовала отцовский ум, едкое остроумие; забавно подтрунивала над слабостями и непоследовательностью соседей; без нее в Лонгборне стало одиноко и скучно. Мистер Беннет был умен и много читал, библиотека была для него и убежищем, и местом, где он проводил самые счастливые часы. Он и Дарси быстро почувствовали друг к другу симпатию, и впоследствии, как часто бывает между друзьями, каждый объяснял разногласия как явное превосходство интеллекта другого. Мистер Беннет часто приезжал в Пемберли, когда его меньше всего ожидали, и почти все время проводил в библиотеке, одном из лучших частных книжных собраний, откуда его трудно было вытащить даже в часы приема пищи. Семейство Бингли в Хаймартене он навещал значительно реже: мистера Беннета раздражала чрезмерная забота Джейн о здоровье и комфорте мужа и детишек, и, кроме того, в их доме недоставало новых книг и журналов, которыми его можно было заманить. Состояние семьи было нажито торговлей, семейной библиотеки Бингли не унаследовал, и только после покупки Хаймартен-Хаус решил заняться ее составлением. В этом проекте Дарси и мистер Беннет охотно ему помогали. Мало найдется таких приятных занятий, как трата денег друга к своему удовольствию и к его пользе; и если время от времени помощников тянуло на экстравагантные приобретения, то их утешала мысль, что Бингли может себе это позволить. Хотя книжные полки, изготовленные по проекту Дарси, еще полностью не заполнились, Бингли мог гордиться превосходной расстановкой книг и блестящими кожаными переплетами, иногда он открывал какую-нибудь книгу и даже читал ее, если время года или погода не располагали к охоте, рыбной ловле или игре в мяч.

Миссис Беннет только дважды сопровождала мужа в поездках в Пемберли. Мистер Дарси проявлял в отношении к теще терпимость и доброту, но она испытывала перед зятем благоговейный трепет и боялась ездить чаще. Элизабет подозревала, что матери больше доставляет удовольствие хвастаться перед соседями чудесами Пемберли – размерами и красотой садов, великолепием дома, множеством слуг, роскошеством обедов, – чем созерцать их воочию. Мистер и миссис Беннет не любили возиться с внуками. Пять дочерей родились у них одна за другой, и в памяти родителей навсегда остались бессонные ночи, визг малышек, постоянное недовольство старшей няни и неповиновение ее младших помощниц. При осмотре каждого малыша вскоре после рождения мистер и миссис Беннет укрепляли родителей в убеждении, что ребенок исключительно красив и демонстрирует незаурядный интеллект, и после довольствовались регулярными описаниями его последующих достижений.

Миссис Беннет, к большому смущению двух старших дочерей, во всеуслышание заявила на балу в Недерфилде, что удачное замужество Джейн послужит примером для младших дочерей и они тоже найдут себе богатых женихов. И, к всеобщему удивлению, именно Мери послушно исполнила материнское пророчество. Никто не ожидал, что она вообще выйдет замуж. Мери – страстная любительница чтения – проглатывала книги без разбора, не вдумываясь в прочитанное; усердно играла на фортепьяно, не обладая талантом, и часто изрекала банальности, не говорившие ни об уме, ни об остроумии. И никогда не проявляла никакого интереса к мужчинам. Балы были для нее сущим наказанием, она их терпела, потому что там могла оказаться в центре внимания: заняв место за фортепьяно, она, оглушив гостей с помо-

щью разумно используемой педали, заставляла всех подчиниться себе. Но не прошло и двух лет после свадьбы Джейн, как Мери стала женой преподобного Теодора Хопкинса, священника из ближайшего к Хаймартену прихода.

Священник, служивший в Хаймартене, заболел, и мистер Хопкинс в течение трех недель проводил там воскресные службы. Этот худой меланхоличный холостяк тридцати пяти лет от роду произносил проповеди невероятной длины, напичканные богословской премудростью, и по этой причине заслужил репутацию исключительно умного человека, и хотя его нельзя было назвать богатым, тем не менее в придачу к жалованью он обладал более чем достаточным собственным доходом. Джейн в одно из воскресений представила ему после службы гостившую в Хаймартене Мери, которая сразу же произвела на него впечатление тем, что расхвалила проповедь, интерпретацию библейских цитат и частое упоминание в беседе проповедей Фордайса; затянувшаяся беседа заставила Джейн, торопившуюся с мужем на воскресный ленч с холодными закусками и салатом, пригласить священника пообедать у них на следующий день. Потом последовали дальнейшие приглашения, и не прошло и трех месяцев, как Мери стала миссис Теодор Хопкинс, однако к этому замужеству общество не проявило интереса, что и продемонстрировало на церемонии.

Появление хозяйки улучшило жизнь священника. Воспитывая дочерей, миссис Беннет особенное внимание уделяла значению хорошей еды в создании уютной домашней обстановки и привлечении гостей мужского пола. Паства надеялась, что желание викария поскорее вернуться к семейному очагу сократит время служб, однако хотя животик того постепенно округлялся, проповеди оставались такими же длинными. Пара жила в полном согласии, лишь в начале супружеской жизни Мери решительно потребовала комнату для собственной библиотеки, где она могла бы спокойно предаваться чтению. Для этого пришлось отвести одну свободную спальню для ее единоличного пользования, что способствовало миру в семье, но делало невозможным приглашать надолго родственников.

К осени 1803 года, когда миссис Бингли и миссис Дарси отмечали шестилетие своих счастливых супружеств, на руках у миссис Беннет оставалась только Китти, единственная незамужняя дочь, но это не беспокоило ни миссис Беннет, ни саму Китти. Последняя наслаждалась тем, что ей как единственной оставшейся в доме дочери доставалась вся забота и внимание, а если к этому прибавить регулярные поездки к Джейн, где она была кумиром у детей, то жизнь никогда еще не поворачивалась к ней такой приятной стороной. А вот визиты Уикхема и Лидии нельзя было назвать рекламой брака. Они появлялись шумные, в приподнятом настроении, миссис Беннет при встрече с ними тоже проявляла бурные эмоции: она всегда радовалась приезду любимой дочери. Но первоначальная идиллия быстро сменялась ссорами, взаимными обвинениями и раздраженными жалобами гостей на бедность и мизерную денежную помощь со стороны Элизабет и Джейн, и потому миссис Беннет так же радовалась их отъезду, как и очередному появлению дочери в следующий раз. Но присутствие в доме одной из дочерей было ей необходимо, и Китти, которая со времени бегства Лидии стала заметно мягче и услужливее, прекрасно справлялась с этой ролью. Так что в 1803 году миссис Беннет стала, насколько позволял ее характер, счастливой женщиной, и даже говорили, что теперь она способна выдержать обед из четырех перемен в обществе сэра Уильяма и леди Лукас, ни разу не заговорив о несправедливости майоратного наследования.

Часть первая. День перед балом

1

В пятницу, 14 октября 1803 года, в одиннадцать часов утра Элизабет Дарси сидела за столиком в своей гостиной на втором этаже. Небольшая комната дышала гармонией, а ее два окна выходили на реку. Элизабет комната сразу понравилась, и она обставила ее по своему вкусу, выбрав из сокровищ Пемберли приглянувшуюся мебель, шторы, ковры и картины и разместив все это по своему желанию. Дарси лично присматривал за работой, и радость на лице мужа при виде ее деятельности, а также желание всех ей в этом угодить открыли Элизабет глаза – больше, чем внешняя роскошь дома, – на права и привилегии хозяйки Пемберли.

В доме была еще одна комната, доставлявшая Элизабет не меньше радости, чем ее гостиная, – великолепная библиотека. Книги собирались поколениями, и теперь ее муж с увлечением и радостью пополнял эти богатства. В Лонгборне библиотека всецело принадлежала мистеру Беннету, и даже Элизабет, любимая дочь, допускалась туда по приглашению. Библиотекой в Пемберли она могла пользоваться наравне с Дарси, и при его тактичном ободрении Элизабет за последние шесть лет прочла гораздо больше, чем за пятнадцать предыдущих, осмыслив прочитанное ярче и полнее и тем углубив свое образование, которое, как она теперь понимала, находилось в зачаточном состоянии. Парадные обеды в Пемберли разительно отличались от тех, на которых она присутствовала в Меритоне, где одни и те же люди годами пересказывали одни и те же сплетни и говорили банальности; оживление в разговор вносил лишь сэр Уильям Лукас, когда вспоминал в подробностях какую-нибудь очаровательную деталь своего посвящения в рыцари в зале заседания английского правительства. Теперь она с сожалением переходила к дамам, оставляя общество мужчин. Для Элизабет было открытием, что существуют мужчины, которые ценят в женщине ум.

Следующий день был балом леди Энн. В течение последнего часа Элизабет и миссис Рейнолдс, экономка, проверяли, все ли в порядке, и, только убедившись, что все идет хорошо, Элизабет уединилась у себя в гостиной. Первый бал состоялся, когда Дарси был год. Его устроили в честь дня рождения матери, и с тех пор, за исключением времени траура по покойному мужу леди Энн, бал давали каждый год до смерти самой леди. День бала приходился на первую субботу после октябрьского полнолуния, и он всегда падал на один из дней, близко расположенных к годовщинам свадьбы Дарси и Элизабет, но этот праздник они всегда отмечали без помпы, в обществе лишь четы Бингли, венчавшейся в тот же день: такое слишком личное и дорогое событие нельзя праздновать на людях. А осенний бал по желанию Элизабет по-прежнему носил имя леди Энн. В графстве его называли самым значительным событием светской жизни года. Мистер Дарси выразил сомнение в уместности давать бал в преддверии войны с Францией, когда весь юг страны охвачен страхом в предчувствии вторжения Бонапарта. Кроме того, собрали плохой урожай, что тоже омрачало жизнь жителей графства. Кое-кто из джентльменов, отрывая встревоженные глаза от бухгалтерских книг, был готов согласиться, что лучше не проводить бал в этом году, но это вызвало яростное сопротивление жен, поселив в мужьях уверенность, что на протяжении по меньшей мере двух месяцев их ждут дома постоянные упреки. Мужьям пришлось согласиться, что ничто так не укрепляет боевой дух, как небольшое невинное развлечение, и что невежественный Париж будет только в восторге и воспримет духом, узнав, что бал в Пемберли отменен.

В жизни поместного дворянства не так много увеселительных зрелищ и сезонных развлечений, и соседи ждут их от хозяев большого имения, а женитьба мистера Дарси, после того как прошло первое удивление по поводу выбора жены, давала надежду на то, что он будет

появляться здесь чаще, а его супруга проникнется своим новым положением и ответственностью. После возвращения Элизабет и Дарси из свадебного путешествия, проведенного в Италии, соседи замучили их обычными в таких случаях официальными визитами, поздравлениями и болтовней, и все это молодожены вытерпели, стараясь, насколько их хватало, соблюсти все приличия. Дарси, знающий с детских лет, что на Пемберли возложена большая ответственность, переносил эти визиты с похвальным спокойствием, а Элизабет в глубине души забавлялась, видя, как ее новые соседи изо всех сил стремятся удовлетворить свое любопытство, стараясь, однако, не потерять репутацию хорошо воспитанных людей. Гости получали двойное удовольствие: положенные полчаса они наслаждались уютом и комфортом гостиной миссис Дарси, а затем обсуждали с соседями и выносили вердикт платью новобрачной, ее нраву и манерам, прикидывали, есть ли у супругов шанс обрести семейное счастье. Через месяц консенсус был достигнут: на джентльменов произвели большое впечатление красота и остроумие Элизабет, а на жен – ее элегантность, любезность и качество подаваемых закусок. Все согласились, что Пемберли, несмотря на неудачных родственников новой хозяйки, теперь обещает стать центром светской жизни графства, как было во времена леди Энн Дарси.

Элизабет была в достаточной степени реалисткой, чтобы понимать: ее прошлое никогда не забудется, и каждое новое семейство, которое поселится в их местности, будут развлекать рассказами об удивительном выборе мистера Дарси. Все знали его как гордого человека, который придает большое значение семейным традициям и репутации и чей отец высоко поднял планку, женившись на дочери графа. Казалось, нет на свете женщины, достойной стать миссис Фицуильям Дарси, он же взял в жены вторую дочь джентльмена, чье имение, обремененное майоратным наследованием, исключавшим права дочерей, было чуть больше парка для отдыха в Пемберли. Взял в жены молодую женщину, чей годовой доход, по слухам, составлял всего пятьсот фунтов, с двумя незамужними сестрами и крикливой, вульгарной матерью, которую невозможно принимать в приличном обществе. Хуже того, одна из ее младших сестер вышла замуж за Джорджа Уикхема, покрывшего себя позором сына старого слуги мистера Дарси; эта свадьба состоялась при таких обстоятельствах, что правила хорошего тона позволяли говорить о них только шепотом, и в результате мистер Дарси и его семья оказались в родстве с человеком, настолько презираемым хозяином, что имя Уикхема никогда не упоминалось в Пемберли и эту семью никогда там не принимали. Правда, саму Элизабет все уважали, и в конце концов даже скептики признали, что она недурна и глаза у нее красивые, но этот брак все равно вызывал изумление; особенно негодовали молодые леди, которые по совету матерей отказали нескольким достойным претендентам в надежде обрести этот великолепный приз, а теперь приближались к опасному тридцатилетнему возрасту без всяких перспектив впереди. Зная все это, Элизабет утешала себя, вспоминая отпор, данный ею леди Кэтрин де Бер, когда сестра леди Энн в ярости указала на опасности, подстерегающие Элизабет в случае, если она будет настолько самонадеянна, что помыслит стать миссис Дарси. «Да, это тяжелые испытания, но жена мистера Дарси будет располагать столькими неотъемлемыми от ее положения источниками счастья, что у нее вряд ли будет повод раскаиваться в своем решении».

Первый бал, на котором Элизабет стояла рядом с мужем наверху лестницы, приветствуя поднимающихся гостей, должен был стать для нее тяжелым испытанием, но она выдержала его с блеском. Она любила танцевать и могла теперь сказать, что бал доставил ей удовольствие не меньше, чем гостям. Леди Энн изящным почерком подробно описала программу праздника, и та в записной книжке в красивом кожаном переплете, украшенном гербом Дарси, по-прежнему оставалась основным указанием; этим утром книжка лежала, раскрытая, перед Элизабет и миссис Рейнолдс. Список гостей практически не изменился, к нему прибавились только имена друзей Дарси и Элизабет, включая ее тетю и дядю Гардинер и, конечно, Бингли и Джейн, которые на этот раз собирались привезти и своего гостя, Генри Элвестона, молодого адвоката,

красивого, умного и жизнерадостного человека, которому в Пемберли были так же рады, как и в Хаймартене.

Элизабет не сомневалась в успехе бала. Она знала, что все готово. Напилено достаточно дров, чтобы огонь постоянно поддерживался в каминах – особенно в танцевальном зале. Кондитер утром изготовит нежные фруктовые пирожные и прочие сладости, которые так нравятся дамам; для более плотных закусок, которых ожидают мужчины, забили и подвесили достаточное количество птицы и скотины. Из погребов принесли вино, натерли много миндаля, чтобы приготовить всеми любимый белый суп. Негус², улучшающий его вкус и аромат и значительно повышающий общее веселье, добавляют в последний момент. В оранжереях срезали цветы и травы, разместив их в ведрах в зимнем саду; завтра днем Элизабет и Джорджиана, сестра Дарси, проследят, чтобы все расставили в нужных местах; Томас Бидуэлл, чей коттедж стоит в лесу, уже сейчас сидит в буфетной, натирая до блеска подсвечники для танцевального зала, зимнего сада и малой гостиной, приготовленной для приглашенных дам. Бидуэлл был старшим кучером у покойного мистера Дарси, как и его отец был кучером у предыдущих хозяев. В настоящее время ревматизм в коленях и пояснице не позволял ему управлять лошадьми, но его руки по-прежнему были сильными, и он всю неделю вечерами протирал серебро, помогал выбивать пыль из дополнительных кресел для пожилых дам – словом, был незаменим. Завтра экипажи помещиков и наемные коляски не столь знатных людей подкатят к дому и извергнут из себя весело щебечущих дам в надежно укрытых от осенней прохлады муслиновых платьях и сверкающих головных уборах – все они в нетерпении ожидают незабываемые радости на балу леди Энн.

Миссис Рейнолдс была надежной помощницей Элизабет в подготовке к балу. Они познакомились, когда Элизабет с тетей и дядей посетили Пемберли, там их встретила экономка и провела по дому, познакомив с его красотами; она знала мистера Дарси с детских лет и усердно его расхваливала, как хозяина и как человека, и тогда Элизабет впервые задумалась, так ли справедливо ее предубеждение против него. Она не рассказывала миссис Рейнолдс всю предысторию, но они стали друзьями, и экономка, тактично оказывая помощь молодой хозяйке, стала незаменимой помощницей для Элизабет, которая еще до появления в Пемберли в роли новобрачной, понимала, что быть хозяйкой большого дома и отвечать за благополучие множества слуг – задача намного сложнее, чем та, которая стояла перед матерью в Лонгборне. Но ее доброта и неподдельный интерес к жизни слуг поселили в тех уверенность, что новая хозяйка принимает к сердцу их нужды, так что все сложилось проще, чем она ожидала; управлять Пемберли оказалось легче, чем хозяйничать в Лонгборне: ведь многие слуги работали здесь давно и были приучены миссис Рейнолдс и дворецким не причинять неудобств хозяевам, ожидавшим от них безукоризненной службы.

Элизабет не скучала по прошлой жизни, но часто мысли ее обращались к прислуге в Лонгборне: экономке Хилл, посвященной во все семейные секреты – даже в подробности печально известного бегства Лидии; кухарке Райт, мужественно выносящей не всегда разумные требования миссис Беннет; двум горничным, которые, помимо прочих дел, прислуживали Джейн и ей самой – в том числе делали прически перед танцами в городском собрании. Все они стали членами семьи, такую тесную близость невозможно представить в Пемберли, но Элизабет знала, что именно Пемберли, дом и имя Дарси объединяют хозяев и слуг в нерушимой взаимной верности. Многие из теперешних слуг были детьми и внуками людей, служивших здесь прежде, – поместье и его история вошли в их плоть и кровь. И еще она знала, что рождение двух красивых и здоровых сыновей – Фицуильяма, которому скоро будет пять, и Чарльза, которому только два, – стало ее окончательной победой, принесшей уверенность, что род не

---

² Род глинтвейна.

оборвется, что работы здесь хватит и на них с мужем, и на детей и внуков, а значит, Дарси и дальше будут продолжать жить в Пемберли.

Шестью годами раньше миссис Рейнолдс, обсуждая с Элизабет список гостей, меню и цветы для первого устраиваемого новой хозяйкой обеда, сказала: «Для всех нас, госпожа, день, когда мистер Дарси привез домой молодую жену, был радостным. Моя хозяйка мечтала дожить до того дня, когда ее сын женится. Увы, не получилось. А как она хотела увидеть его счастливым – и ради него самого, и ради процветания Пемберли».

Любопытство, охватившее Элизабет, было сильнее благоразумия. Перебирая бумаги на столе и не поднимая головы, она сказала как бы между прочим:

– Но возможно, она мечтала о другой жене. Разве леди Энн Дарси и ее сестра не договорились о браке между мистером Дарси и мисс де Бер?

– Не скажу, мадам, что у леди Кэтрин не было такого на уме. Она часто прихватывала с собой в Пемберли мисс де Бер, когда знала, что здесь мистер Дарси. Но этот брак был невозможен. Мисс де Бер, бедняжка, вечно болела, а леди Энн придавала большое значение здоровью будущей невестки. Известно, что леди Кэтрин надеялась, что другой кузен, полковник Фицуильям, сделает предложение ее дочери, но из этого тоже ничего не вышло.

Отгнав нахлынувшие воспоминания, Элизабет сунула записную книжку леди Энн в ящик письменного стола и, с трудом вырвав себя из атмосферы покоя и одиночества, которыми она теперь не сможет насладиться, пока не отгремит бал, подошла к одному из двух окон, из которого была видна длинная подъездная аллея и река, окаймленная знаменитым Пемберлийским древесным питомником. Он был посажен под руководством известного ландшафтного садовника несколько поколений назад. По краям лесной полосы стояли стройные красивые деревья в золотом осеннем убранстве, они располагались в некотором отдалении от основного массива, что подчеркивало их великолепие, дальше посадки шли гуще, властно притягивая взгляд в свою глубину, где пряно пахло землей и царило уединение. На северо-западе был еще один лес, побольше, где деревья и кусты росли как бог на душу положит, там Дарси играл мальчиком, скрываясь от опеки. Его прадед, войдя во владение поместьем, стал затворником и построил в этом лесу коттедж, где впоследствии застрелился, а сам лес, настоящий лес, называемый так в отличие от декоративных посадок, с тех пор вызывал суеверный страх у слуг и обитателей Пемберли, которые старались туда реже ходить. Проложенный в нем узкий путь вел к еще одному въезду в Пемберли, но им пользовались только торговцы, а приглашенные на бал гости уверенно подкатывали к дому по основной дороге; лошадей с экипажами отводили к конюшням, а возницы, пока шел бал, угощались на кухне.

Задержавшись у окна, Элизабет отвлеклась от дневных забот, любуясь знакомой и спокойной картиной, которая, однако, всегда поражала ее новой красотой. Солнце светило с размытой голубизны небес, несколько легких облачков растворялись в ней, как следы от дыма. Короткая утренняя прогулка с мужем, вошедшая у них в привычку, убедила ее в обманчивости осеннего солнца, а холодный ветер, к которому она не была готова, прогнал их вскоре домой. Теперь она видела, что ветер усилился. Поверхность реки наморщилась рябью, мелкие волны терялись в высокой траве и кустарнике, изломанные тени дрожали на возмущенной воде.

Из окна Элизабет увидела парочку, противопоставившую себя утренней прохладе; Джорджиана и полковник Фицуильям, гулявшие у реки, теперь свернули к лужайке и каменным ступеням, ведущим к дому. Полковник был в форме, красный мундир ярко выделялся на фоне бледно-голубой накидки Джорджианы. Они шли на небольшом расстоянии друг от друга, но Элизабет видела, что между ними установилось дружеское общение; иногда, когда Джорджиана удерживала шляпку, которую порывался унести ветер, они замедляли ход. Парочка приближалась, и Элизабет отпрянула от окна, боясь, как бы ее не заподозрили в слежке, и снова села за стол. Надо написать кое-какие письма, ответить на приглашения, понять, не нуждается

ли кто из слуг, живущих в коттеджах, не заболел ли кто, и в случае необходимости нанести визит, выразить сочувствие или оказать практическую помощь.

Не успела она взять в руки перо, как послышался легкий стук в дверь, и на пороге возникла миссис Рейнолдс.

– Простите, что беспокою, вас, госпожа, но только что вернувшийся с прогулки полковник Фицуильям спрашивает, не уделите ли вы ему несколько минут, если это не слишком вас затруднит.

– Я свободна, – ответила Элизабет. – Пусть войдет.

Элизабет подозревала, о чем полковник хочет поговорить, и с радостью уклонилась бы от разговора, который мог внести сумятицу в ее душу. У Дарси не много близких родственников, но его кузен, полковник Фицуильям, приезжал в Пемберли еще во времена детства мужа. В начале военной карьеры его визиты стали реже, но в течение последних полутора лет они, хоть и недолгие, участились, и Элизабет заметила, что в его отношении к Джорджиане произошли еле заметные, но несомненные перемены; в присутствии девушки он больше улыбался и выказывал более поспешную, чем раньше, готовность сидеть к ней ближе и занимать разговором. Со времени присутствия полковника в прошлом году на балу леди Энн в его положении произошли большие перемены. Его старший брат, унаследовавший графский титул, скончался за границей, и теперь к полковнику переходил титул графа Хартлепа вместе со всем состоянием. Он не назывался новым титулом – тем более в кругу друзей, – решив подождать официального введения в наследство и тогда уж принять новое имя и многочисленные обязанности. Пока же он оставался для всех полковником Фицуильямом.

Конечно, полковник хотел жениться, особенно теперь, когда Англия вела войну с Францией и он мог быть убит в бою, не оставив потомства. Хотя Элизабет никогда специально не изучала его родословную, она знала, что у полковника нет близких родственников мужского пола, и если он погибнет, не оставив сына, род утратит графский титул. Она не впервые задумалась: не ищет ли он жену в Пемберли, и если так, как отнесется к этому Дарси? Несомненно, ему будет приятно, если сестра в один прекрасный день станет графиней, а ее муж – членом палаты лордов и законодательного собрания. Все это послужит к укреплению семейной гордости, но хочет ли этого брака Джорджиана? Она уже взрослая женщина и не нуждается в опеке, но Элизабет знала, что Джорджиана будет глубоко опечалена, если брат не одобрит ее выбора, а тут еще возникло осложнение в лице Генри Элвестона. У Элизабет было много возможностей убедиться, что он влюблен в ее золовку или почти влюблен, но как относится к нему Джорджиана? Одно Элизабет знала точно: Джорджиана Дарси никогда не выйдет замуж без любви или без сильного влечения, привязанности и уважения, которое, она полагает, перерастет со временем в любовь. Разве не было бы этого достаточно для самой Элизабет, сделай полковник Фицуильям ей предложение, когда гостил у леди Кэтрин де Бер в Розингсе? Мысль, что она могла невольно потерять Дарси и нынешнее счастье, если бы приняла предложение его кузена, была еще более унижительной, чем воспоминание об ее увлечении печально известным Джорджем Уикхемом, и она решительно ее отбросила.

Полковник приехал в Пемберли вчера вечером как раз к ужину, но они не успели поговорить, только поздоровались. Сейчас, когда он, тихо постучав, вошел в комнату и сел по приглашению Элизабет напротив, у камина, ей показалось, что она впервые хорошо его разглядела. Полковник был на пять лет старше Дарси, но когда она впервые встретила с ним в гостиной Розингса, его веселый юмор и приятная живость в обращении подчеркивали молчаливость и замкнутость его кузена, и потому полковник казался моложе. Но это осталось в прошлом. Он очень возмужал, а серьезное выражение лица добавляло ему лет. Элизабет догадывалась, что это связано с армейской службой и тем чувством ответственности, которую он несет как командир, а изменение статуса придавало ему не только некоторую важность, но, как ей каза-

лось, более ярко выраженную фамильную гордость, даже со следами высокомерия, что было уже менее привлекательно.

Полковник заговорил не сразу, и на некоторое время в комнате воцарилось молчание: раз он просил о встрече, решила Элизабет, пусть первый и начинает. Похоже, тот думал, как лучше приступить к разговору, но не испытывал при этом ни смущения, ни неловкости. Наконец, слегка подавшись в сторону Элизабет, он произнес:

– Дорогая кузина, зная вашу наблюдательность и интерес к жизни и проблемам других людей, не сомневаюсь, что вы догадываетесь, о чем я хочу с вами поговорить. Как вы знаете, после смерти тетушки леди Энн Дарси я имел честь вместе с Дарси стать опекуном его сестры и, полагаю, ответственно относился к своим обязанностям, испытывая к своей подопечной теплые братские чувства, которые никогда не менялись. Сейчас они переросли в любовь, которую мужчина чувствует к женщине, которую мечтает видеть своей женой, и мое самое сокровенное желание услышать от Джорджианы «да». Я еще не обращался за официальным согласием к Дарси, но он не лишен проницательности, и, надеюсь, мое предложение получит его одобрение.

Элизабет подумала, что было бы разумнее не заострять на этом внимание: ведь Джорджиана совершеннолетняя и согласия брата не требовалось.

– А что думает Джорджиана? – спросила она.

– До согласия Дарси я чувствую себя не вправе ей открыться. Должен признать, до сих пор я не слышал от Джорджианы ничего, что давало бы мне повод надеяться. Она относится ко мне как всегда – дружелюбно, доверчиво и, верю, нежно. И надеюсь: если я проявлю терпение, ее доверие и признательность могут перерасти в любовь. Я знаю, что к женщине любовь часто приходит после замужества, и это кажется естественным и правильным. А я к тому же знаю ее с пеленок. Признаю, что может стать проблемой разница в возрасте, но я только на пять лет старше Дарси и не вижу в этом препятствия.

Элизабет почувствовала опасность ситуации.

– Возраст не препятствие, а вот симпатия к кому-нибудь...

– Вы имеете в виду Генри Элвестона? Да, он нравится Джорджиане, но я не заметил с ее стороны особенного к нему расположения. Он приятный, умный, прекрасный молодой человек. О нем говорят только хорошее. И он подает надежды. Естественно, что ему нужна богатая невеста.

Элизабет отвела глаза в сторону.

– Конечно, речь не идет о его алчности или неискренности, – поспешил прибавить полковник, – но при его чувстве ответственности, заслуживающем восхищения желании вернуть семейное состояние, активных попытках возродить поместье и восстановить один из красивейших домов в Англии он не может позволить себе жениться на бедной девушке. Это никому не принесет счастья и даже ввергнет в нищету.

Элизабет молчала. Ей вновь вспомнилась их первая встреча в Розингсе, послеобеденная беседа, музыка, смех, последовавшие за этим его частые визиты в дом священника и то особенное внимание к ней, которое нельзя было не заметить. Вечером в день обеда наблюдательная леди Кэтрин не могла не встревожиться. Элизабет помнила, как она окликнула их: «О чем вы там говорите? Я должна принять участие в вашей беседе». Элизабет даже стала задумываться, не с этим ли человеком она обретет счастье, но надежда (достаточно ли она была сильной, чтобы так называться) умерла, когда они вскоре повстречались (может быть, случайно, а может, намеренно с его стороны) во время ее прогулки по парку Розингса, и он проводил ее до дома священника. Полковник жаловался на бедность, и она поддразнивала его, спрашивая, какие трудности приносит бедность младшему сыну графа. Он ответил, что младшие сыновья «не женятся так, как им хотелось бы». Тогда она задала себе вопрос, не таится ли в этом признании предупреждение ей, и от такого предположения испытала смущение и, чтобы его скрыть, быстро перевела разговор на более отвлеченные темы. Воспоминание об этом случае было не

из приятных. Она и без предупреждения полковника Фицуильяма знала, на что может рассчитывать девушка без приданого, с четырьмя незамужними сестрами. Возможно, он подразумевал, что молодой человек из благополучной семьи может получать удовольствие от общества такой девушки, может даже слегка флиртовать с ней, но благоразумие подсказывает: нельзя, чтобы она надеялась на большее. Несомненно, такое предупреждение необходимо, но сделал он его неуклюже. Если он никогда серьезно не думал об их отношениях, было бы благороднее не так открыто проявлять свое расположение.

Ее молчание озадачило полковника Фицуильяма.

– Могу я надеяться на ваше одобрение?

Глядя ему в глаза, Элизабет твердо произнесла:

– Полковник, это не мое дело. Пусть Джорджиана сама решит, кто ей больше по сердцу. Могу только сказать: если она выберет вас, мы с мужем будем рады такому союзу. Но повлиять на ее выбор я не могу. Тут решать Джорджиане.

– Я подумал, возможно, она говорила с вами?

– Нет, Джорджиана со мной не делилась, а мне не стоит поднимать этот вопрос, пока она сама не сделает этого.

Казалось, такое объяснение удовлетворило полковника, но потом, словно по принуждению, он снова заговорил о человеке, который мог быть его соперником:

– Элвстон – красивый и приятный молодой человек, и язык у него хорошо подвешен. Со временем он повзрослеет, уйдет излишняя самоуверенность и свойственное молодости недостаточное уважение к старшим, что больно видеть в таком талантливом человеке. Не сомневаюсь, Элвстон желанный гость в Хаймартене, хотя удивительно, что он так часто навещает мистера и миссис Бингли. Успешные адвокаты берегут свое время.

Элизабет молчала, и полковник счел, что такая критика, и открытая, и подразумеваемая, не совсем справедлива.

– Впрочем, он обычно бывает в Дербишире по субботам и воскресеньям и в те дни, когда не проводятся судебные заседания. Полагаю, в свободные дни он пополняет свое образование, – прибавил он.

– Сестра говорит: ни один гость не проводит столько времени в библиотеке, как он, – сказала Элизабет.

Вновь воцарилось молчание, и затем, к ее удивлению и неловкости, полковник спросил:

– А что, Джорджа Уикхема по-прежнему не принимают в Пемберли?

– Нет, никогда. Ни мистер Дарси, ни я не видели его со дня появления в Лонгборне после женитьбы на Лидии.

Вновь возникла пауза, затянувшаяся дольше прежней, потом полковник Фицуильям опять заговорил:

– Жаль, что с Уикхемом так много возились в детстве. Он воспитывался вместе с Дарси, словно был ему братом. В детские годы это, возможно, благотворно сказывалось на обоих; учитывая привязанность покойного мистера Дарси к своему слуге, только естественно, что он после смерти последнего взял на себя ответственность за судьбу его сына. Но для мальчика склада Уикхема – корыстного, тщеславного, склонного к зависти – опасно пользоваться привилегиями, которые он утратит с окончанием детства. В университете они учились на разных факультетах, и, конечно, он не сопровождал Дарси в путешествии по Европе. Изменения в положении и перспективах произошли для него слишком неожиданно. У меня есть основание думать, что леди Энн предчувствовала опасность.

– Но Уикхем не мог ожидать, что его пригласят сопровождать мистера Дарси в путешествии по Европе.

– Понятия не имею, чего он ожидал, но его претензии всегда превышали его заслуги.

– Оказанные ему благодеяния были, возможно, в какой-то степени неблагоразумны, однако всегда легко осуждать других в делах, где мы недостаточно информированы, – отрезала Элизабет.

Полковник в смущении заерзал на стуле.

– Но предательскую попытку Уикхема соблазнить мисс Дарси простить нельзя. Это подлость, которую не оправдаешь разницей в положении и воспитании. Как один из опекунов мисс Дарси я был извещен об этом позорном поступке самим Дарси, но постарался о нем забыть. Я никогда не напоминаю о нем Дарси и прошу прощения, что заговорил об этом сейчас. Уикхем отличился в ирландской кампании и сейчас чуть ли не национальный герой, но это не смывает прошлые грехи, хотя и дает ему шанс занять в будущем уважаемое и выгодное положение. Не считаю это разумным, но, кажется, он вышел в отставку, сохранив, впрочем, друзей среди военных, – например, мистера Денни, который ввел его в меритонское общество. Но наверное, мне не следует упоминать его имя в вашем присутствии.

Элизабет промолчала; после короткой паузы полковник встал, поклонился и вышел из комнаты. Было ясно, что этот разговор никому не доставил радости. Полковник Фицуильям не получил горячего одобрения и заверений в поддержке, на что он в душе надеялся, а Элизабет боялась, что в случае неуспеха у Джорджианы испытанное унижение и смущение могут разрушить многолетнюю дружбу, которой, она знала, муж очень дорожит. Она не сомневалась, что Дарси будет рад видеть полковника Фицуильяма мужем Джорджианы. Больше всего он желал для сестры надежного брака, а жизнь с полковником была гарантией надежности; даже разницу в возрасте тут можно рассматривать как преимущество. В свое время Джорджиана будет графиней, а деньги никогда не станут предметом заботы ее счастливого мужа. Элизабет всем сердцем хотела, чтобы эта проблема как-то разрешилась. Может быть, все определится завтра на балу, где можно уединиться в уголке, пошептаться во время танцев; известно, что именно там приходят к завершению счастливые и несчастные истории. Элизабет надеялась, что все заинтересованные стороны получают что хотят, но, подумав, она улыбнулась своему желанию: такое вряд ли возможно.

Ее радовали перемены в Джорджиане, наступившие после женитьбы брата. Поначалу ту удивляли, даже шокировали поддразнивания молодой жены, ответные острые шутки брата и последующий общий смех. До приезда Элизабет смех редко звучал в Пемберли, но при тактичном и мягком поощрении невестки Джорджиана в какой-то степени избавилась от свойственной всем Дарси робости. Теперь она уверенно принимала участие в их развлечениях, с большей готовностью высказывала свое мнение за столом. По мере того как Элизабет больше узнавала золовку, она прониклась уверенностью, что под ее внешней сдержанностью и застенчивостью таится присущее всем Дарси свойство – сильная воля. Но насколько это понимает ее муж? Не привык ли он подсознательно считать ее по-прежнему ранимой пятнадцатилетней девочкой, которая нуждается в неусыпной любовной опеке брата, словно ее подстерегает несчастье? Не то чтобы он подвергал сомнению ее представления о девичьей чести или добродетели – такая мысль была бы сродни богохульству, – но насколько он доверял ее здравомыслию? А Джорджиана после смерти отца воспринимала Дарси как главу семьи, мудрого и надежного старшего брата, унаследовавшего авторитет отца, брата, которого она горячо любила и не боялась: ведь любовь не дружит со страхом, она внушает благоговение. Джорджиана не выйдет замуж без любви, но она также не выйдет замуж без благословения брата. И что будет, если ей придется выбирать между полковником Фицуильямом, кузеном и другом детства любимого брата, унаследовавшим графский титул, галантным офицером, который знает ее с младенчества, и красивым и обаятельным молодым адвокатом, подающим, по общему признанию, большие надежды, но о котором мало что известно? Элвестон унаследует титул барона и имение, а когда у него будет достаточно денег, он реставрирует старинный замок, и Джорджиана будет хозяйкой одного из самых красивых домов Англии. Но у Дарси своя фамильная гордость, а

сомневаться в том, какой претендент может предложить большую надежность и более блистательное будущее, не приходилось.

Визит полковника нарушил покой Элизабет, внеся в ее душу сумятицу и тревогу. Он был прав, говоря, что ему не следовало упоминать имя Уикхема. Дарси не имел с ним никаких контактов со времени венчания Уикхема и Лидии – венчания, которого могло не быть, если бы не щедрые денежные вливания Дарси. Элизабет не сомневалась, что в эту тайну полковник не посвящен, но он, естественно, знал о свадьбе и, должно быть, догадывался о ее подоплеке. Не пытался ли он удостовериться, что Уикхем никак не причастен к их жизни в Пемберли и что Дарси купил молчание Уикхема, дабы никто не мог сказать, что у мисс Дарси из Пемберли подмоченная репутация? Визит полковника лишил Элизабет спокойствия, она ходила взад-вперед по комнате, стараясь побороть страх – беспричинный, надеялась она – и вернуть прежнее безмятежное состояние.

Ленч, на котором присутствовали только четыре человека, быстро закончился. У Дарси была назначена встреча с управляющим, и он вернулся в свой кабинет. Элизабет условилась с Джорджианой пойти в зимний сад, чтобы осмотреть цветы и зеленые побеги, принесенные главным садовником из оранжереи. Леди Энн любила сложные цветовые сочетания, однако Элизабет решила добавить к зеленому только два цвета и расставить растения в многочисленных больших и маленьких вазах так, чтобы в каждой комнате благоухали цветы. Предпочтение было отдано белому и розовому, и Элизабет и Джорджиана, советуясь друг с другом, отбирали остро пахнущие розы с длинными стеблями и розовую герань. В душливой влажной атмосфере зимнего сада тяжело дышалось, и Элизабет испытала внезапное желание вдохнуть свежий воздух и почувствовать дуновение ветра на щеках. Возможно, такое желание было вызвано волнением от присутствия Джорджианы и воспоминанием о признании полковника, лежащем на ней тяжелым бременем.

Неожиданно перед ними возникла миссис Рейнолдс.

– Госпожа, к дому подъезжает экипаж мистера и миссис Бингли. Если вы поторопитесь, то успеете встретить их у дверей, – объявила она.

Элизабет издала восторженный возглас и в сопровождении Джорджианы помчалась к наружной двери. Стаутон уже был там, чтобы распахнуть дверь, как только экипаж остановится. Элизабет выбежала наружу, подставив себя холодному порыву усиливающегося ветра. Приехала ее любимая Джейн, и беспокойство сразу улетучилось, сменившись радостью от встречи.

2

После свадьбы Бингли недолго жили в Недерфилде. Несмотря на исключительную терпимость и добродушие Бингли, Джейн понимала, что близкое соседство с ее матерью не принесет мужу радости, а ей самой душевного покоя. У Джейн от природы было нежное сердце, она преданно любила свою семью, но счастье Бингли ставила на первое место. Супруги мечтали поселиться поблизости от Пемберли, и когда закончился срок аренды Недерфилда, они некоторое время гостили у миссис Херст, сестры Бингли, а затем с облегчением перебрались в Пемберли, откуда было удобнее подыскивать постоянное жилье. В этих поисках активное участие принял Дарси. Он учился с Бингли в одной школе, но из-за разницы в возрасте – пусть всего на два года – они тогда мало общались. Друзьями они стали в Оксфорде. Дарси – гордому, сдержанному и уже тогда чувствующавшему себя неловко в компании – пришлось по душе добросердечие Бингли, легкость в общении и веселая уверенность, что жизнь обязательно повернется к нему хорошей стороной, а Бингли так уверовал в высшую мудрость и интеллект Дарси, что не предпринимал никаких важных решений без одобрения друга.

Дарси посоветовал Бингли не строить, а купить дом, а так как Джейн уже носила их первого ребенка, стоило поторопиться и найти такой дом, куда можно переехать без особых хлопот. Именно Дарси, проявивший ради друга большую активность, нашел Хаймартен, который с первого взгляда привел в восторг Джейн и ее мужа. Этот красивый современный дом стоял на холме – из всех его окон открывался великолепный вид; поместье подходило для семейной жизни: старательно разбитый аккуратный парк и просторные уголья, где Бингли мог охотиться в компании друзей, не вызывали ощущения второсортности в сравнении с Пемберли. Доктор Мерфи, бывший в течение многих лет домашним врачом семейства Дарси и остальных обитателей Пемберли, специально приехал в Хаймартен и объявил, что место здесь здоровое, вода чистая, и после этого все формальности с покупкой поместья были быстро улажены. Осталось только купить мебель и благоустроить жилище; Джейн вместе с Элизабет получили большое удовольствие, бродя по дому и решая, какой цвет обоев, краски или занавесей подойдет той или другой комнате. Уже через два месяца Бингли въехали в новый дом, и счастье сестер было теперь полным.

Оба семейства часто общались, в редкие недели не курсировали экипажи между Хаймартеном и Пемберли. Джейн редко расставалась больше чем на ночь со своими детьми – четырехлетними близнецами Элизабет и Марией и Чарльзом Эдвардом, которому было почти два, – однако знала, что всегда может оставить их на опытную и умелую миссис Меткаф, няню, вырастившую ее мужа. В этот раз она была рада провести два вечера в Пемберли и побывать на балу без тех хлопот, которые неизбежны, если берешь с собой трех детей и няню на столь непродолжительный срок. Как всегда, она приехала без горничной: Белтон, молодая и ловкая горничная Элизабет, с радостью ухаживала за обеими сестрами. Уилкинсону, кучере Дарси, поручили позаботиться об экипаже и кучере Бингли, и после обычных бурных приветствий Элизабет и Джейн рука об руку поднялись по лестнице в комнату, которую всегда отводили Джейн, рядом с которой была и гардеробная. Белтон уже раскрыла чемодан Джейн и развешивала ее вечернее платье и платье для бала; через час она должна была присоединиться к сестрам, чтобы помочь одеться и причесаться к вечеру. Сестры, разделявшие в Лонгборне одну спальню, были с детства очень близки, и у Элизабет не было секретов от Джейн, на скромность которой она всегда могла положиться, как и на ее советы, всегда исходящие от доброго и любящего сердца.

Поговорив с Белтон, они, по обыкновению, сначала отправились в детскую – потискать и побаловать леденцами Чарльза, поиграть с Фицуильямом и послушать, как он читает (скоро ему предстояло покинуть детскую и начать заниматься с гувернером), – немного, но с удовольствием поболтали с миссис Донован. Та уже пятьдесят лет находилась в дружеских отношениях с миссис Меткаф, оба великодушных деспота давно установили крепкий союз, оборонительный и наступательный, и неограниченно царили в детских, обожаемые подопечными и всецело доверявшими им родителями. Элизабет, впрочем, подозревала, что, по мнению миссис Донован, мать нужна только для производства очередного малыша для детской, как только предыдущий научится писать буквы. Джейн рассказала об успехах Чарльза Эдварда и близнецов, все вместе обсудили их распорядок дня в Хаймартене, и миссис Донован горячо его одобрила, что было неудивительно: он полностью совпадал с ее собственными установками. Оставался только час до прихода Белтон и подготовки к обеду, поэтому сестры направились в комнату Элизабет, чтобы там спокойно поболтать о домашних мелочах, от которых так зависит семейное счастье.

Для Элизабет было бы большим облегчением поделиться с Джейн серьезной заботой – намерением полковника предложить руку и сердце Джорджиане. И хотя он не просил ее молчать, но, конечно, ожидал, что она первым делом поговорит с мужем, и еще Элизабет чувствовала, что нравственные устои Джейн будут оскорблены, если она передаст эту новость ей раньше, чем расскажет Дарси. Но Элизабет не терпелось поговорить о Генри Элвестоне, и она

была рада, когда Джейн сама произнесла его имя, сказав: «Очень мило, что вы не забыли о мистере Элвестоне. Я знаю, как много значит для него приглашение в Пемберли».

– Он очаровательный гость, и мы оба всегда рады его видеть, – сказала Элизабет. – Прекрасные манеры, умный, живой, привлекательный внешне – просто образцовый молодой человек. Напомни, как случилось, что вы близко сошлись. Кажется, мистер Бингли познакомился с ним в конторе своего лондонского юриста?

– Да, полтора года назад, когда Чарльз навещал мистера Пека, чтобы обсудить вопрос об инвестициях. Элвестона тогда тоже пригласили в контору, чтобы предложить представлять в суде клиента мистера Пека; оба посетителя приехали чуть раньше и некоторое время вместе находились в приемной, позже мистер Пек их познакомил. Молодой человек очаровал Чарльза, они вместе пообедали, и за обедом Элвестон посвятил мужа в свой план по восстановлению семейного состояния и поместья в графстве Сюррей; семья владела им с 1600 года, Элвестон привязан к этому месту и, как единственный сын, чувствует свою обязанность возродить родовое гнездо. Потом они встретились в клубе Чарльза, и тогда муж, обратив внимание на усталый вид молодого человека, пригласил его от имени нас обоих провести несколько дней в Хаймартене. С тех пор мистер Элвестон стал нашим постоянным и желанным гостем и навещает нас всякий раз, когда его не задерживают дела в суде. Мы знаем, что его отцу, лорду Элвестону, восемьдесят лет, он болеет и уже несколько лет не способен целиком посвящать себя делам поместья, но их баронство – одно из старейших в графстве, семья эта очень уважаемая. От мистера Пека и других Чарльз узнал, как высоко ценят мистера Элвестона в «Миддл темпл»³, да и мы сами за это время успели к нему привязаться. В глазах младшего Чарльза Эдварда он герой, а близнецы его обожают и всегда встречают восторженным визгом.

Хорошее отношение к ее детям – верный путь к сердцу Джейн, но Элизабет также понимала и притягательность Хаймартена для Элвестона. Жизнь загруженного работой холостяка в Лондоне не очень-то привлекательна, и Элвестон, несомненно, находил в красоте миссис Бингли, ее доброте, нежном голосе и в уютной атмосфере ее дома приятный контраст с жесткой конкуренцией и общественными требованиями столицы. Элвестон, как и Дарси, рано взвалил на себя груз ответственности и семейных надежд. Его решимость восстановить фамильное состояние вызвала восхищение, и Олд-Бейли⁴ с его испытаниями и победами был как бы прообразом личной борьбы.

После недолгого молчания Джейн прибавила:

– Надеюсь, дорогая сестренка, его присутствие здесь не вызывает твоего или Дарси недовольства. Должна признаться, видя, какое взаимное удовольствие приносит ему и Джорджиане общество друг друга, я подумала, не влюблен ли он, но если это неприятно Дарси или Джорджиане, мы, конечно, положим конец этим визитам. Правда, он достойный молодой человек, и если мои предположения верны и Джорджиана отвечает ему взаимностью, не сомневаюсь, что они будут счастливы. Однако у Дарси, возможно, другие планы относительно будущего сестры, и если так, то будет мудрее и лучше для Элвестона не ездить в Пемберли. Когда я была здесь последний раз, то заметила перемену в отношении полковника Фицуильяма к своей кухне: он охотнее с ней беседовал и старался держаться поближе. Это был бы отличный союз, в котором она будет лучшим украшением, но будет ли она счастлива в огромном северном замке? Я видела его на картинке в одной из книг нашей библиотеки. Он похож на крепость из гранита, а волны Северного моря чуть ли не бьются о его стены. Он так далеко от Пемберли. Уверена, Джорджиана будет тосковать вдали от брата и от любимого дома.

– Подозреваю, что Пемберли и у Дарси, и у Джорджианы на первом месте, – сказала Элизабет. – Помнится, когда я впервые с дядей и тетей посетила его и Дарси спросил, как

---

³ Одно из четырех английских учебных заведений, готовящих барристеров.

⁴ Лондонский центральный уголовный суд.

мне нравится дом, мое очевидное восхищение доставило ему удовольствие. Прояви я меньше энтузиазма, кто знает, женился ли он на мне.

Джейн рассмеялась:

– Думаю, женился бы, дорогая. Но нам стоит на этом остановиться. Сплетни о чувствах других людей, в которых мы не разбираемся, и, возможно, они сами в них толком не разбираются, до добра не доведут. Наверное, я зря заговорила о полковнике. Я знаю, дорогая Элизабет, как сильно ты любишь Джорджиану, и, живя рядом с тобой как сестра, она стала значительно уверенней в себе и превратилась в настоящую красавицу. Если есть два претендента на ее руку, то выбор, конечно, за ней, но я не могу представить, чтобы она пошла против желания брата.

– Положение может серьезно обостриться после бала, и, признаюсь, меня это беспокоит, – сказала Элизабет. – Я действительно очень привязалась к Джорджиане. Но отложим этот разговор. Надо готовиться к семейному обеду. Наши тревоги, которые могут быть необоснованными, не должны испортить его ни нам, ни нашим гостям.

Больше они на эту тему не говорили, но Элизабет знала, что для Джейн все предельно ясно. Она твердо верила, что только естественно, если двое привлекательных молодых людей, которые явно тянутся друг к другу, влюбятся и эта любовь закончится свадьбой. Финансовых проблем не предвидится: Джорджиана богата, Элвестон преуспевает на профессиональном поприще. Но деньги мало что значат для Джейн; если их хватает, чтобы семья ни в чем не нуждалась, какое имеет значение, кто их принес? Джейн также не придает значения вещам, важным для многих: полковник – граф, и его жена будет носить титул графини, а Элвестон может стать только бароном – не больше. Для себя Элизабет решила, что постарается не заикливаться на возможных проблемах, а сразу после бала найдет возможность поговорить обо всем с мужем. Оба были так заняты, что она с утра практически его не видела. У нее нет права обсуждать с ним чувства Элвестона до тех пор, пока сам Элвестон или Джорджиана не заговорят о них, но о намерениях полковника она должна рассказать Дарси как можно скорее. Элизабет не понимала, почему мысль об этом союзе, таком блестящем, если подумать, вызывала у нее внутреннее беспокойство, и, не сумев в этом разобраться, предпочла выбросить из головы тревожные мысли. Пришла Белтон – для нее и Джейн наступило время одеваться к обеду.

3

Накануне бала обед подавали, как принято в светских кругах, в половине седьмого, но если людей было не много, его сервировали в небольшой комнате, примыкавшей к парадной столовой, где за круглым столом могли удобно расположиться до восьми человек. В прошлые годы этой комнаты не доставало: на бал в Пемберли приезжали Гардинеры, иногда заглядывали сестры Бингли, но теперь мистеру Гардинеру было трудно оставить без присмотра бизнес, а его жене – детей. Больше всего они любили приезжать летом: мистер Гардинер с головой уходил в рыбалку, а жена ничто так не любила, как осматривать окрестности, разъезжая с Элизабет в открытой коляске. Обеих женщин соединяла долгая нежная дружба, и Элизабет всегда ценила советы тетушки. Как хотела она сейчас получить ее совет!

Хотя обед не был формальным, в столовую вошли парами. Полковник поспешил предложить руку Элизабет, Дарси подошел к Джейн, Бингли с шутливой галантностью предложил руку Джорджиане. Увидев, что Элвестон замыкает шествие в одиночестве, Элизабет пожалела, что не предусмотрела пары для него, но так трудно быстро найти достойную одинокую даму, да и особого ритуала для подобных обедов накануне бала не существовало. Место рядом с Джорджианой пустовало, и, когда Элвестон сел на него, Элизабет заметила, что по его лицу пробежала довольная улыбка.

Когда все уселись, полковник сказал:

– Значит, миссис Хопкинс опять не с нами. Ведь она второй раз пропускает бал? Ваша сестра не любит танцевать или его преподобие имеет теологические возражения против бала?

– Мери никогда не любила танцы и просила ее извинить; что касается ее мужа, то он, конечно, не возражал против ее поездки. Когда они последний раз здесь обедали, он сказал, что, на его взгляд, бал в Пемберли, на котором присутствуют друзья и знакомые семьи, никак не может плохо повлиять на мораль и манеры, – ответила Элизабет.

– Его слова показывают, что он никогда не пробовал здесь белый суп, – шепнул Джорджиане Бингли.

Это замечание вызвало улыбки и смешок за столом. Но веселое настроение продолжалось недолго. Не было обычного оживленного разговора, и даже жизнерадостная болтовня Бингли не могла вывести гостей из апатии. Элизабет старалась не смотреть на полковника, а когда все же смотрела, то видела, что его взгляд часто останавливается на молодой паре напротив. Элизабет казалось, что Джорджиана в скромном платье из белого муслина и с ниткой жемчуга в темных волосах никогда не выглядела лучше, но взгляд полковника был не столько восхищенный, сколько изучающий. Молодые люди вели себя безупречно: Элвстон уделял Джорджиане внимания не больше обычного, а Джорджиана общалась одинаково приветливо и с Элвстоном, и с Бингли, в точности следуя светскому этикету, словно юная девушка, впервые попавшая на званый обед. Однако был один момент, который, Элизабет надеялась, полковник не заметил. Элвстон смешивал для Джорджианы воду с вином, на секунду их руки соприкоснулись, и от Элизабет не скрылся легкий румянец, на мгновение окрасивший щеки девушки.

Когда Элизабет увидела Элвстона в вечернем костюме, ее в очередной раз поразила исключительная красота молодого человека. Он, несомненно, знал, что не может войти в комнату, чтобы взгляды всех находившихся в ней женщин не устремились бы на него. Густые каштановые, зачесанные назад волосы, прямые брови, карие глаза, выразительное, открытое лицо, не позволявшее назвать его просто красавчиком, уверенность и изящество в движениях. Обычно общительный и веселый, сегодня даже он подпал под общее настроение и был словно не в своей тарелке. Может быть, все устали, подумала Элизабет. Бингли и Джейн проехали всего восемнадцать миль, но встречный ветер задержал их в пути, а она с мужем всегда в хлопотах в день перед балом.

Буря за окном не способствовала созданию веселой атмосферы. Когда в трубе завывал ветер, огонь как живой шипел и ворчал в камине; иногда вспыхивало горящее полено, рассыпая сверкающие искры и бросая красный отблеск на лица людей за столом, и тогда казалось, что их лихорадит. Слуги неслышно входили и уходили, но Элизабет испытала большое облегчение, когда обед подошел к концу, и она, перехватив взгляд Джейн, поднялась и вышла из-за стола с ней и Джорджианой, и они втроем отправились в музыкальный салон.

4

Пока в маленькой столовой обедали, Томас Бидуэлл чистил серебро в буфетной. Это стало его обязанностью после того, как четыре года назад боли в спине и коленях не позволили ему больше служить кучером; новой работой он гордился, особенно в вечер перед балом леди Энн. Из семи больших канделябров, разложенных по длине стола, пять он уже почистил, а оставшиеся два собирался привести в порядок сегодня вечером. Работа трудоемкая, длительная и на удивление изматывающая, он понимал, что к концу дня спину, плечи и руки будет ломить от боли. Но горничным или молодым слугам с такой работой не справиться. А такой ответственный человек, как дворецкий Стаутон, занят подбором вин и наблюдением за подготовкой к балу; он не прикасался даже к самым ценным серебряным предметам, вменив себе в обязанность только осмотр уже вычищенного серебра. Предполагалось, что в течение недели перед балом Бидуэлл, надев фартук, почти все дни и вечера проведет в буфетной за сто-

лом, заваленным фамильным серебром семьи Дарси – ножами, вилками, ложками, канделябрами, серебряными сервировочными тарелками, блюдами для фруктов. Натирая канделябры, он представлял себе, как горящие длинные свечи отбрасывают свет на драгоценности в женских прическах и подрагивающие бутоны в цветочных вазах.

Бидуэлл никогда не боялся оставлять своих домашних одних в лесном коттедже, да и они не испытывали страха в лесу. Коттедж долгое время стоял заброшенный, пока отец Дарси не привел его в порядок, чтобы там мог жить кто-нибудь из слуг. Но хотя размерами он превосходил обычное помещение для прислуги и там можно было наслаждаться уединением и спокойствием, не многие выражали желание жить в этом коттедже. Его построил прадедушка Дарси, затворник, проведший большую часть жизни в одиночестве, разделяемом лишь собакой по кличке Солдат. Здесь он стряпал себе незатейливую еду, читал и просто сидел, глядя на мощные стволы деревьев и на густой кустарник, отделявшие его от остального мира. Когда Джорджу Дарси исполнилось шестьдесят, Солдат заболел, стал беспомощным и очень страдал. Дедушка Бидуэлла (тогда еще мальчик, помогавший на конюшне), как обычно, привез хозяину свежее молоко, но нашел того мертвым. Дарси застрелил Солдата и потом застрелился сам.

До Бидуэлла в коттедже жили его родители. Ни его, ни их не смущала история дома. Разговоры о привидении в лесу пошли после не столь давней истории, случившейся вскоре после того, как владеть поместьем стал дед нынешнего хозяина. Молодой человек, единственный сын в семье, работавший помощником садовника в Пемберли, был уличен в незаконной охоте на оленя в поместье мирового судьи, сэра Селвина Хардкасла. Браконьерство тогда не считалось таким уж страшным преступлением, и многие судьи в голодные годы относились к нему снисходительно, но похищение оленя каралось смертной казнью, и отец сэра Селвина настаивал на исполнении закона. Мистер Дарси просил проявить в данном случае милосердие, но сэр Селвин был непреклонен. Не прошло и недели со дня казни, как повесилась мать юноши. Хотя мистер Дарси сделал все, что мог, бедная женщина считала во всем виноватым именно его. Она прокляла род Дарси, и тогда в округе пошел слух, что ее призрак, издавая горестные вопли, бродит по лесу; его видят те, кто по неосмотрительности осмеливается пойти туда в темноте. Появление мстительного призрака всегда предвещало смерть в поместье.

Бидуэлл не обращал внимания на эти глупости, но на прошлой неделе ему рассказали, что две горничные, Бетси и Джоан, сообщили по секрету остальным слугам, что видели в лесу привидение. Он посоветовал девушкам не распускать пустые слухи: если они дойдут до миссис Рейнолдс, им несдобровать. Хотя его дочь Луиза не работала больше в Пемберли, а сидела дома, помогая ухаживать за больным братом, он боялся, как бы до домашних не дошла эта история. Впрочем, и она, и ее мать проявляли достаточную осторожность и тщательно запирались на ночь, а он, возвращаясь поздно вечером из Пемберли, подавал условный сигнал: три раза стучал громко и четыре тише – и только потом вставлял ключ.

О коттедже шла дурная слава, но несчастья коснулись семьи лишь недавно. Бидуэлл помнил ясно, словно это было вчера, тот горький момент, когда он окончательно снял красивую ливрею первого кучера семьи Дарси и простился с любимыми лошадьми. А теперь, вот уже год, медленно и мучительно умирает его единственный сын, надежда всей его жизни.

Но мало этого: старшая дочь, от которой никто – ни он, ни жена – никогда не ждали неприятностей, доставила им большое беспокойство. У Сары всегда все шло хорошо. Она вышла замуж за сына владельца трактира «Кингз-Армс» в Ламтоне, честолюбивого молодого человека, который перебрался в Бирмингем и на деньги, оставленные дедом, открыл там свечную лавку. Дело процветало, однако Сара уставала и все глубже погружалась в депрессию. За эти четыре года она родила троих детей и ждала четвертого, материнские заботы и работа в лавке так ее вымотали, что она послала домой отчаянное письмо, умоляя о помощи сестру Луизу. Жена без слов отдала Бидуэллу письмо, но он знал, что она разделяет его беспокойство: еще бы, их разумная, веселая, пышущая здоровьем Сара попала в такую переделку. Прочитав

письмо, он вернул его со словами: «Уилл будет тосковать по Луизе. Они очень привязаны друг к другу. А ты сможешь ее отпустить?»

– Надо. Если Сара написала такое письмо, значит, она в отчаянии. Не похоже на нашу Сару.

Поэтому Луиза провела пять месяцев в Бирмингеме до рождения очередного малыша, помогая ухаживать за остальными детьми, и после родов осталась еще на три месяца, дав Саре прийти в себя. Недавно она вернулась домой и привезла с собой малыша Джорджи, чтобы разгрузить сестру и дать матери и смертельно больному брату Уиллу посмотреть на него. Сам Бидуэлл был не в восторге от ее поступка. Он не меньше жены хотел видеть внука, но считал, что дом, где ухаживают за умирающим, не место для младенца. Уилл был слишком болен, чтобы испытывать стойкий интерес к новорожденному, а детский плач по ночам беспокоил его. И еще Бидуэлл видел, как несчастна Луиза. Она места себе не находила и, несмотря на осеннюю прохладу, старалась с ребенком на руках уйти в лес, а не оставаться дома с матерью и Уиллом. Она словно нарочно отсутствовала даже в тот день, когда к Уиллу пришел часто его навещавший почтенный и ученый священник Персивал Олифант, что было особенно странно: она любила старого священника, а он принимал участие в Луизе с самого детства, приносил книги и предлагал ей изучать латынь в группе частных учеников. Бидуэлл отказался от его предложения, боясь, что Луиза возомнит о себе невесть что, но тем не менее такое предложение было сделано. Конечно, девушки обычно нервничают и чувствуют тревогу по мере приближения свадьбы, но почему сейчас, когда Луиза вернулась, Джозеф Биллингс не приходит к ним так часто, как раньше? Его почти не видно. Может, пришло в голову Бидуэллу, забота о ребенке заставила Луизу и Джозефа задуматься, какую ответственность и риск берут они на себя, вступив в брак, и они решили повременить? Однако он надеялся, что это не так. Джозеф целеустремленный и серьезный, некоторые считают, что в свои тридцать четыре он староват для Луизы, но, похоже, девушка любит его. Они будут жить в Хаймартене, в семнадцати милях от них с Мартой, и войдут в семейство, где хозяйка заботливая, а хозяин щедрый; их будущее обеспечено, жизнь расписана – стабильная, благополучная, честная. Зачем женщине латынь, если у нее такое будущее?

Возможно, все наладится, когда Джорджи отвезут к матери. Завтра Луиза пустится с ним в обратный путь; сначала ее доведут в двуколке до «Кингз-Армс» в Ламтоне, откуда она на почтовых лошадях доберется до Бирмингема, где ее встретит и доставит домой Майкл Симпкинс, муж Сары. Уже на следующий день Луиза в почтовом экипаже вернется в Пемберли. Без ребенка жене и Уиллу будет легче, а вот ему после того, как он поможет привести в порядок после бала дом и придет домой, будет не хватать пухлых ручонков Джорджи, протянутых ему навстречу.

Эти тревожные мысли не мешали Бидуэллу работать, однако незаметно для себя он сбавил темп и впервые задумался, не слишком ли утомительно для него чистить серебро в одиночку. Решительно пододвинув к себе последний канделябр, он взял чистую тряпку и, расправив ноющие члены, продолжил работу.

5

Джентльмены не заставили себя долго ждать в музыкальном салоне, и когда все удобно расположились на диванах и в креслах, атмосфера стала более раскованной. Дарси открыл крышку рояля, на инструменте зажгли свечи. Когда все успокоились, Дарси повернулся к Джорджиане и, почти официально, словно она была гостьей, сказал, что для всех было бы удовольствием, если б она согласилась что-нибудь сыграть и спеть. Девушка встала, бросила быстрый взгляд на Генри Элвестона, и он последовал за ней к роялю. Обращаясь к присутствующим, Джорджиана сказала:

– Среди нас есть тенор, и, мне кажется, будет приятно послушать дуэт.

– Конечно! – воскликнул с энтузиазмом Бингли. – Прекрасная мысль. Послушаем дуэт. На прошлой неделе мы с Джейн пытались петь дуэтом, правда, любимая? Но я не предлагаю повторить этот эксперимент сегодня. Я пел ужасно, не так ли, Джейн?

Та рассмеялась:

– Неправда. Ты пел хорошо. Боюсь, это я мало практиковалась после рождения Чарльза Эдварда. Не будем испытывать терпение наших друзей, тем более что в лице Джорджианы имеем такую талантливую исполнительницу, с какой ни ты, ни я не можем конкурировать.

Элизабет старалась отдаться музыке, но ее глаза и мысли были прикованы к паре у фортепьяно. После первых двух песен все стали требовать продолжения; последовала пауза – Джорджиана взяла другие ноты и показала их Элвестону. Тот полистал страницы и указал девушке на некоторые места, которые, по-видимому, считал трудными, а может, не знал, как текст звучит по-итальянски. Та подняла на него глаза, потом наиграла правой рукой несколько тактов, и молодой человек улыбкой дал согласие. Оба, казалось, забыли о слушателях. Этот момент близости погрузил их в особый мир, где личность растворялась в любви к музыке. Глядя, как отблеск огня играет на их восторженных лицах, как они улыбаются, радуясь найденному решению, и Джорджиана садится за рояль, Элизабет почувствовала, что между ними не мимолетное влечение от физического соседства и даже не от взаимной любви к музыке. Безусловно, они влюблены друг в друга или находятся в преддверии любви, этом волшебном периоде взаимных открытий, ожиданий и надежд.

Сама она не испытала этого блаженства. У нее до сих пор вызывало изумление то, что между первым, оскорбительным, предложением руки и сердца, сделанным Дарси, и вторым – полным раскаяния и мольбы о любви, которое было ею принято, они провели наедине меньше получаса. Один раз, когда она в обществе Гардинеров осматривала Пемберли, неожиданно вернулся его хозяин, и они прошли вдвоем по саду, и еще раз – на следующий день, когда она, обливаясь слезами, читала письмо Джейн, сообщавшей о бегстве Лидии, а Дарси приехал верхом к гостинице в Ламтоне, где она остановилась. Он провел у нее всего несколько минут, и Элизабет не думала, что они еще когда-нибудь встретятся. Ни один самый талантливый писатель не смог бы убедительно описать, как за такой короткий срок можно смирить гордость и преодолеть предубеждение. Позже, когда Дарси и Бингли вернулись в Недерфилд и Дарси стал ее женихом, период до свадьбы был одним из самых сложных и мучительных в ее жизни: она всеми силами старалась отвлечь внимание Дарси от громких и преувеличенных поздравлений матери, которая чуть ли не благодарил его за то, что он снизошел до ее дочери. Ни Джейн, ни Бингли не испытывали таких мук. Добродушный и влюбленный по уши Бингли не замечал вульгарности будущей тещи или смирился с ней. А вышла бы она за Дарси, будь он бедным викарием или юристом не у дел? Трудно представить бедняком владельца Пемберли, мистера Фицуильяма Дарси, и Элизабет честно призналась себе: она не создана для грустной жизни в бедности.

Ветер становился все сильнее, его рев и завывания в трубе вместе со вспышками огня в камине создавали дополнительный аккомпанемент пению молодых людей; наружный шум казался голосом природы, вторившей красоте двух слившихся голосов и вносившей еще больший беспорядок в мысли Элизабет. Раньше ее никогда не тревожили сильные порывы ветра, они только усиливали чувство безопасности и уюта от пребывания в доме в то время, когда ветер бессмысленно бушевал в Пемберлийском лесу. Однако сейчас он казался злобной силой, старавшейся проникнуть в каждую трубу, пролезть в каждую щель. У Элизабет не было развито воображение, она пыталась отогнать неприятные видения, но неведомое ранее чувство не покидало ее. Она думала: «Вот мы сидим здесь в начале нового столетия, граждане самой цивилизованной европейской страны, в окружении роскоши, предметов искусства и книг, хранящих высокую мудрость, а за окном другой мир, и его богатства, воспитание и привилегии

сокрыты от нас, в том мире мужчины дикие и свирепые, как звери. Возможно, даже самые счастливые из нас не смогут вечно не замечать его и держать в узде».

Она старалась вернуть первоначальное спокойствие и слушать только дуэт, однако была рада, когда пение закончилось и пришло время позвонить и заказать чай.

Чай принес Биллингс, один из лакеев. Весной ему предстояло покинуть Пемберли и, если все пойдет хорошо, заменить дворецкого у Бингли, который из-за преклонного возраста уходил на покой. Повышение по службе было очень кстати: ведь еще на прошлую Пасху состоялась его помолвка с Луизой, дочерью Томаса Бидуэлла, которая, предполагалось, тоже переберется с ним в Хаймартен в качестве старшей горничной. В первые месяцы пребывания в Пемберли Элизабет удивляло, насколько тесно семья вовлечена в жизнь слуг. Во время редких поездок в Лондон они с мужем останавливались в своем городском доме или у миссис Херст, сестры Бингли, и ее мужа, живших на широкую ногу. У тех прислуга существовала настолько обособленно от хозяев, что миссис Херст не всегда знала имя того, кто ей прислуживал. Супруги Дарси тоже не вникали в хозяйственные проблемы, но были события – свадьбы, помолвки, смены работы, болезни или уход на пенсию, – поднимавшиеся над рутинным течением дел, обеспечивающих нормальное существование семьи, и для Дарси и Элизабет было важно, чтобы эти переходные моменты в жизни (по большей части закрытой от них) людей, от которых во многом зависело их благополучие, были отмечены и торжественно отпразднованы.

Биллингс особенно бережно поставил перед Элизабет поднос с чаем, как бы демонстрируя Джейн, что он стоит обещанного повышения. Элизабет подумала, что ему и его будущей жене повезло. Как и предсказывал ее отец, Бингли оказались добрыми хозяевами – спокойными, мягкими и придирчивыми только в тех случаях, когда дело касалось здоровья детей или их самих.

Как только Биллингс покинул комнату, полковник Фицуильям поднялся и подошел к Элизабет:

– Вы не возражаете, миссис Дарси, если я отправлюсь на вечернюю прогулку? Хочу проехать верхом на Талботе вдоль реки. Жаль разрушать такой милый семейный вечер, но я плохо сплю, если не подышу перед сном свежим воздухом.

Элизабет заверила полковника, что ему не в чем оправдываться. Он поднес ее руку к губам, что было для него необычно, и направился к двери.

Генри Элвстон сидел на диване подле Джорджианы. Он поднял глаза и сказал:

– Лунный свет на воде – волшебное зрелище, полковник, хотя им лучше любоваться с кем-нибудь вместе. Но вас с Талботом ждет трудная прогулка. Не завидую – придется бороться с сильным ветром.

Полковник повернулся в дверях, посмотрел на молодого человека и холодно произнес:

– Тогда остается радоваться, что вам не надо меня сопровождать.

И, отвесив на прощание поклон, он вышел из салона.

Последовало молчание, все обдумывали слова полковника и оригинальность столь поздней прогулки, но смущение и замешательство удерживали от комментариев. Казалось, только Элвстон ничего не заметил, но, бросив на молодого человека быстрый взгляд, Элизабет не сомневалась, что тот не пропустил колких слов полковника.

Разрядил обстановку Бингли:

– Пожалуйста, Джорджиана, если ты не очень устала, поиграй еще. Но сначала допей чай. Мы не должны пользоваться твоей добротой. Помнишь, когда мы обедали здесь летом, ты играла ирландские народные песни? Не пой – хватит и музыки, ты должна беречь голос. Помню, мы даже танцевали, правда? Но тогда с нами были Гардинеры, мистер и миссис Херст – целых пять пар, и Мери играла для нас.

Джорджиана вернулась к инструменту, Элвстон встал рядом, чтобы переверачивать страницы, и веселые мелодии на какое-то время подняли всем настроение. Когда музыка закон-

чилась, завязался беспредметный разговор, присутствующие обменивались банальными фразами, вспоминали всем известные случаи из жизни. Через полчаса Джорджиана первая пожела всем спокойной ночи и потянула за ленту звонка, вызывая горничную; Элвестон зажег и вручил ей свечу, проводив до дверей. После ее ухода Элизабет показалось, что у всех остальных просто недостает сил, чтобы подняться и пойти спать. Потом Джейн сделала над собой усилие и, глядя на мужа, прошептала, что пора идти. Признательная Элизабет вскоре последовала ее примеру. Призвали лакея, он принес и зажег всем свечи, а те, что стояли на рояле, задул. Присутствующие направились к дверям, но тут стоящий у окна Дарси воскликнул:

– Бог мой! Что творит этот осел? Он перевернет коляску! Безумие! И кто это, черт возьми, едет? Элизабет, мы еще кого-то ждем?

– Никого.

Элизабет и все остальные сгрудились у окна и увидели вдали легкий экипаж, который, кренясь и раскачиваясь, мчался по лесной дороге к дому, боковые фонари горели ярко, как крошечные языки пламени. Воображение дорисовывало то, что нельзя увидеть на таком расстоянии, – бьющиеся на ветру гривы лошадей, их безумные глаза, вздыбленные загривки, кучера, крепко сжимающего вожжи. Издали не было слышно стука колес, и Элизабет казалось, что в лунной ночи беззвучно плывет карета-призрак, ужасный вестник смерти.

– Бингли, оставайся здесь с дамами, а я посмотрю, что там такое, – сказал Дарси.

Но его слова утонули в новом зловещем завывании ветра, и все, покинув салон, двинулись за ним – вниз по парадной лестнице к холлу. Стаутон и миссис Рейнолдс были уже там. Дарси жестом попросил Стаутона открыть дверь. В холл мгновенно ворвался ветер; ледяная сила, которой невозможно сопротивляться, захватила дом, загасив с первой попытки все свечи, кроме тех, что горели на люстре под потолком.

Коляска все еще неслась на большой скорости; лихо свернув с лесной дороги, она приближалась к дому. Элизабет не исключала возможности, что коляска с грохотом промчится мимо. Но теперь все слышали крики кучера – тот с силой натягивал вожжи. Наконец ему удалось сдержать лошадей, и те, резко остановившись, нервно заржали. Тут же, не успев кучер сойти на землю, дверь коляски распахнулась, и в луче света, пробившемся из дверей Пемберли, все увидели женщину; она с визгом, смешавшимся с воем ветра, почти выпала из коляски. Ленты удерживали на шее женщины болтавшуюся шляпку, волосы разметались по ее лицу, а сама она казалась жутким порождением ночи или сумасшедшей, сбежавшей из заточения. На какое-то мгновение Элизабет окаменела, не в силах думать или двигаться. Но потом она осознала, что этот пронзительно визжавший призрак был Лидией, и бросилась на помощь. Но та ее оттолкнула и с истошным воплем повисла на Джейн, чуть не сбив ту с ног. Бингли бросился к жене, и они вдвоем чуть ли не внесли Лидию в дом. Женщина кричала, билась в их руках и как будто не понимала, кто ее держит, и, только укрывшись от ветра в доме, они смогли разобрать обрывки фраз:

– Уикхем мертв! Денни его застрелил! Почему вы его не ищете? Они там, в лесу. Сделайте же что-нибудь! О Боже, я знаю, его убили!

Затем рыдания сменились стонами, и она затихла в объятиях Джейн и Бингли, а те осторожно повели ее к ближайшему креслу.

Часть вторая. Труп в лесу

1

Инстинктивно Элизабет двинулась к сестре, но та оттолкнула ее, на удивление сильно, с криком: «Только не ты! Не ты!» Приблизившись, Джейн опустилась перед креслом на колени и, взяв руки Лидии в свои, нежно шептала ей слова ободрения и участия, в то время как потрясенный Бингли беспомощно стоял рядом. Слезы Лидии перешли в судорожные, неестественные всхлипывания, словно ей не хватало воздуха, эти почти нечеловеческие звуки было мучительно слушать.

Стаутон оставил входную дверь слегка раскрытой. Стоявший рядом с лошадьми возница, казалось, окаменел от ужаса, и Элвстон со Стаутоном сами вытащили из коляски чемодан и внесли его в холл.

– А что делать с остальным багажом, сэр? – обратился Стаутон к Дарси.

– Оставь в коляске. Мистер Уикхем и капитан Денни, возможно, продолжат путешествие после того, как мы их найдем, так что нет смысла его извлекать. И будь добр, Стаутон, приведи Уилкинсона. Разбуди, если он спит. Скажи, чтобы он привез доктора Мерфи. Пусть возьмет экипаж. Негоже, если доктор поедет верхом в такой ветер. Попроси передать доктору мои извинения и объяснить, что в Пемберли приехала миссис Уикхем, которая нуждается в его помощи.

Оставив с Лидией женщин, Дарси быстро направился к продолжавшему стоять у лошадей кучеру. Тот тревожно поглядывал на парадную дверь, но при виде Дарси подобрался и застыл – весь внимание. Облегчение, которое он испытал, было почти осязаемым. В чрезвычайной ситуации он сделал все, что мог, но теперь, вернувшись к нормальной жизни, стал прежним – стоял у лошадей и ждал распоряжений.

– Кто ты? Я тебя знаю? – спросил Дарси.

– Джордж Пратт, сэр, из «Грин-Мэн».

– Конечно. Ты кучер мистера Пиггота. Скажи, что случилось в лесу. Кратко и ясно. Мне нужно знать все, но только быстро.

Пратту явно не терпелось облегчить душу, и он тут же затараторил:

– Мистер Уикхем с женой и капитан Денни сегодня днем приехали в гостиницу, но меня при этом не было. Около восьми вечера я вернулся, и мистер Пиггот велел, когда леди будет готова, отвезти ее, мистера Уикхема и капитана в Пемберли по лесной дороге. Миссис Уикхем нужно в поместье, она собиралась быть на балу – так она сказала миссис Пиггот. Оставив ее в Пемберли, следовало отвезти двух джентльменов в «Кингз-Армс» в Ламтоне и успеть вернуться в гостиницу. Я слышал, как миссис Уикхем сказала миссис Пиггот, что джентльмены на следующий день поедут дальше, в Лондон, где мистер Уикхем надеется получить место.

– Где сейчас мистер Уикхем и капитан Денни?

– Точно не скажу, сэр. Когда мы углубились в лес, капитан Денни стуком потребовал остановить экипаж и вышел. Он кричал что-то вроде того: «С меня хватит! Больше я в этом не участвую!» – и побежал в лес. Мистер Уикхем пошел за ним, кричал, чтобы тот вернулся и не был дураком, и тут миссис Уикхем заголосила, стала просить, чтобы муж ее не оставлял, тоже вышла из коляски, но одумалась и забралась обратно. Она страшно кричала, лошади занервничали, я с трудом сдерживал их, и тогда мы услышали выстрелы.

– Сколько?

– Точно не скажу, сэра. Все пошло кувыркком после того, как сначала капитан, а потом мистер Уикхем скрылись из виду, и еще леди непрерывно кричала, но один выстрел я слышал наверняка, а потом еще один или два.

– Сколько времени прошло от исчезновения джентльменов до выстрелов?

– Минут пятнадцать, сэра, может, чуть больше. Время тянулось медленно – мы все ждали, что джентльмены вернуться. Но я хорошо слышал выстрелы. Миссис Уикхем сразу же завопила, что нас убьют, и приказала мчаться в Пемберли как можно быстрее. Это казалось лучшим решением, учитывая, что джентльменов рядом не было. Я подумал, что они могли заблудиться, но искать их не пошел: миссис Уикхем все кричала об убийстве, а лошади нервничали.

– Ты правильно сделал. А стреляли близко?

– Довольно близко, сэра. Думаю, в сотне ярдов.

– Ясно. Сейчас мы отправимся к тому месту, где джентльмены вошли в лес. Ты нас туда отвезешь, и мы начнем поиски.

Очевидно, что Пратту такой план пришелся не по душе, и он попробовал сопротивляться:

– Мне нужно ехать дальше в «Кингз-Армс» в Ламтоне, сэра, и потом еще успеть вернуться в «Грин-Мэн». Так мне приказали, сэра. Да и лошади испуганы, они побоятся опять войти в лес.

– Без Уикхема и капитана Денни тебе нет никакого смысла ехать в Ламтон. Теперь будешь слушать меня. Мои приказы будут простыми. Твое дело – лошади. Успокой их и жди здесь. А с мистером Пигготом я все улажу. Делай, что скажу, и у тебя не будет неприятностей.

В доме Элизабет тихо обратилась к миссис Рейнолдс:

– Надо уложить миссис Уикхем. В южной гостевой комнате на втором этаже готова постель?

– Да, госпожа. И камин там разожгли. Эта комната и еще две приготовлены к балу леди Энн на тот случай, если повторится октябрьская ночь 1797 года, когда выпало много снега, и те гости, что далеко жили, не смогли вернуться домой. Так мы поместим туда миссис Уикхем?

– Да, это лучше всего. Но сейчас ее нельзя оставлять одну. Кому-то нужно спать с ней.

– В соседней гардеробной стоят удобный диван и односпальная кровать, – сказала миссис Рейнолдс. – Можно внести этот диван в комнату и принести одеяла и подушки. Думаю, Белтон еще не спит и ждет вас. Она, должно быть, поняла, что не все в порядке, но тактично не вмешивается. Мы с ней можем по очереди спать на диване в комнате миссис Уикхем.

– Вам с Белтоном надо провести спокойную ночь, – возразила Элизабет. – Я и миссис Бингли обо всем позаботимся.

Вернувшись в холл, Дарси увидел, что Лидию ведут под руки вверх по лестнице Бингли и Джейн под предводительством миссис Рейнолдс. Ее рыдания сменились тихим всхлипыванием, но при виде Дарси она вырвалась из рук Джейн и бросила на него гневный взгляд:

– Почему ты еще здесь? Почему не ищешь его? Говорю, я слышала выстрелы. Боже, он может быть ранен или убит! Возможно, Уикхем умирает, а ты здесь стоишь. Иди же, ради бога!

– Мы сейчас поедem, – холодно ответил Дарси. – Как только будут новости, я тебе сообщу. Нет оснований ждать худшего. Мистер Уикхем и капитан Денни могут идти сюда пешком. Постарайся отдохнуть.

Бормоча слова утешения, Джейн и Бингли наконец прошли с Лидией лестничный марш и, следуя за миссис Рейнолдс, повели ее по коридору, пока не скрылись из виду.

– Боюсь, как бы Лидии не стало плохо, – выразила озабоченность Элизабет. – Нужно пригласить доктора Мерфи, он даст ей что-нибудь успокоительное.

– Я уже послал за ним экипаж, а мы направляемся в лес искать Уикхема и Денни. Лидия сумела объяснить, что случилось?

– Она с трудом, сквозь рыдания, поведала о главном, а потом потребовала, чтобы внесли и распаковали ее чемодан. Кажется, она все еще собирается танцевать на балу.

Дарси показалось, что огромный холл в Пемберли с великолепной мебелью, изящной витой лестницей, ведущей наверх, и с семейными портретами вдруг стал чужим, словно он впервые его увидел. Естественный порядок вещей, который с детства служил для него опорой, был грубо нарушен, и на какое-то время Дарси почувствовал себя беспомощным, словно перестал быть хозяином в своем доме; абсурдность такой ситуации он преодолел, дав волю раздражению из-за мелочей. Ни Стаутону, ни Элвестону не следовало носить багаж, а Уилкинсон, согласно давней традиции, единственный из слуг, не считая Стаутона, получал распоряжения непосредственно от хозяина. Но по крайней мере что-то было сделано. Внесли багаж Лидии, а за доктором Мерфи отправили коляску. Инстинктивно Дарси подошел к жене и нежно пожал ее руку. Рука была холодна как лед, но ответное, ободряющее пожатие успокоило его.

К этому времени Бингли уже спустился вниз, и к нему присоединились Элвестон и Стаутон. Дарси кратко пересказал услышанное от Пратта, но оказалось, что и Лидия, несмотря на шок, сумела, задыхаясь от рыданий, рассказать самое главное.

– Нужно, чтобы Пратт показал, где вышли Денни и Уикхем, поэтому едем в экипаже Пиггота. Чарльз, тебе лучше остаться с женщинами, а Стаутон постережет у дверей. Если вы, Элвестон, согласны, присоединяйтесь ко мне, – сказал Дарси.

– Я готов делать все, что потребуется, сэр, – ответил Элвестон.

Дарси повернулся к Стаутону:

– Нам могут понадобиться носилки. Кажется, они лежат в комнате рядом с помещением, где хранятся охотничьи ружья.

– Да, сэр, на них еще переносили лорда Инстоуна, когда он на охоте сломал ногу.

– Тогда принеси их, пожалуйста. Еще нам нужны одеяла, бренди, вода и фонари.

– Я помогу, – предложил Элвестон, и оба быстро удалились.

Дарси казалось, что на разговоры и приготовления ушло слишком много времени, но, взглянув на часы, он понял, что с момента драматического появления Лидии прошло только пятнадцать минут. Послышался стук копыт, и, обернувшись, Дарси увидел всадника, скакавшего во весь опор вдоль реки. Это возвращался полковник Фицуильям. Он еще не успел спешиться, как из-за угла показался Стаутон с носилками на плечах, а за ним – Элвестон и слуга с двумя сложенными одеялами, бутылками с бренди и водой и тремя фонарями. Дарси поспешил сообщить полковнику, что произошло вечером и какие сейчас у них планы.

Фицуильям выслушал его в молчании, а затем произнес с иронией:

– Внушительная экспедиция, чтобы успокоить одну истеричную женщину, – осмелюсь предположить, что эти идиоты, скорее всего, заблудились в лесу или кто-то из них споткнулся о корень и растянул лодыжку. Возможно, именно сейчас они ковыляют по направлению к Пемберли или «Кингз-Армс», но, если кучер слышал выстрелы, лучше вооружиться. Я возьму пистолет и тоже сяду в коляску. Если понадобятся носилки, лишний человек будет кстати, а вот конь помешает углубиться в лес, если это потребуется. Еще захвачу карманный компас. Когда теряются двое взрослых мужчин, это глупо, но если потеряются пятеро, это уже курам на смех.

Полковник вновь сел на коня и поскакал к конюшням. Он никак не объяснил свое долгое отсутствие, а Дарси из-за сумятицы вечерних событий не обратил на это внимания. Подумав, он пришел к выводу, что, где бы ни был Фицуильям, его возвращение нестати: он задерживал поиски и требовал информации и объяснений, которые никто не мог пока предоставить; впрочем, еще один человек мог пригодиться. Бингли позаботится о женщинах, на Стаутона и миссис Рейнолдс тоже всегда можно положиться: они проследят, чтобы все двери и окна были плотно закрыты, и сумеют противостоять любопытству слуг. Однако кузен, появившись через несколько минут, их не задержал; он с Элвестоном прикрепил носилки к коляске, трое мужчин сели в экипаж, а Пратт занял место на козлах.

Именно тогда к ним подбежала Элизабет.

– Мы совсем забыли о Бидуэлле. Если в лесу беспокойно, ему надо быть с семьей. Может быть, он уже там. Стаутон, ты не знаешь, ушел он домой?

– Нет, госпожа. Он еще чистит серебро. И до воскресенья домой не пойдет. Кое-кто из домашней челяди еще работает.

Прежде чем Элизабет успела открыть рот, полковник выпрыгнул из экипажа со словами:

– Сейчас приведу его. Я знаю, он в буфетной. – И быстро ушел.

Взглянув на мужа, Элизабет увидела, что тот нахмурился, и поняла, что он удивлен не меньше ее. С появлением полковника стало ясно: он решил взять абсолютно все в свои руки; неудивительно, говорила она себе, ведь он привык командовать в критические моменты.

Полковник быстро вернулся – Бидуэлла с ним не было.

– Он расстроился, что не закончит работу, и я не стал настаивать. Обычно в ночь перед балом Стаутон оставляет его в Пемберли. Завтра он будет работать весь день, и жена не ждет его домой до воскресенья. Я обещал, что мы проверим, все ли в порядке у него дома. Надеюсь, я не превысил своей власти.

Так как полковник вообще не имел никакой власти над прислугой в Пемберли, превысить ее он никак не мог, поэтому Элизабет сочла за лучшее просто промолчать.

Наконец экипаж тронулся, провожаемый взглядами стоящих на крыльце Элизабет, Джейн, Бингли и двух слуг. Все молчали, и когда через несколько минут Дарси обернулся, массивная дверь Пемберли была закрыта, а сам дом – спокойный и величественный в лунном свете – казался необитаемым.

2

В Пемберли не было заброшенных мест, но в отличие от питомника лес на северо-западе не получал, да и не требовал особенного внимания. Иногда в нем валили дерево-другое на зимнее топливо или на стройматериалы для ремонта коттеджей, очищали дорогу от наступавшего кустарника или срубали мертвое дерево и ствол отвозили. Узкая дорога с колеями от повозок, в которых к черному ходу доставляли провизию, вела от сторожки у ворот в просторный внутренний двор на задворках Пемберли, за которым располагались конюшни. Из внутреннего двора через черный ход можно было пройти в коридор, в оружейную комнату и служебное помещение.

Экипаж с тремя пассажирами, носилками и вещами Уикхема и капитана Денни медленно продвигался вперед; трое мужчин сидели в полном молчании, а у Дарси молчание походило на необъяснимый ступор. Внезапно коляску тряхнуло, и она остановилась. Заставив себя приподняться, Дарси выглянул наружу и почувствовал, как по лицу ударили резкие струи начавшегося дождя. Казалось, прямо над ним навис изборожденный трещинами скалистый утес, который вот-вот рухнет. Когда усилием воли ему удалось вернуться в действительность, трещины в утесе разошлись, оказавшись проходом между близко растущими деревьями, и он услышал, как Пратт понукает заупрямившихся лошадей, отказывающихся ехать по лесной тропе.

Они медленно двигались в пахнущей сырой землей тьме. Путь освещал зловещий свет полной луны, плывущей впереди призрачным спутником – то исчезающим, то вновь появлявшимся. Вскоре Фицуильям обратился к Дарси:

– Отсюда лучше идти пешком. На память Пратта полагаться нельзя, а нам нужно не пропустить место, где Уикхем и Денни углубились в лес и где могли из него выйти. Вне экипажа мы будем лучше видеть и слышать.

Захватив фонари, они вышли из коляски, и, как и предполагал Дарси, полковник пошел впереди. Опавшая листва заглушала шаги, и Дарси слышал только поскрипывание едущей поодаль коляски, тяжелое дыхание лошадей и потрескивание натянутых вожжей. Кое-где сучья над головой образовывали плотные арки, почти не пропускавшие лунный свет, и тогда в искус-

ственно созданной укромной тьме единственным свидетельством ветра был слабый шелест верхних веток, словно в них по-прежнему, как весной, жили певчие птицы.

Как всегда, когда он попадал в этот лес, мысли Дарси обратились к прадеду. Должно быть, главная прелесть леса для давно почившего Джорджа Дарси крылась в его многообразии, тайных тропах и неожиданных видах. Здесь, в своем уединенном, затерянном среди деревьев убежище, где свободно селились птицы и мелкие животные, он верил, что соединился с природой, дышал с ней одним воздухом и был руководим одним духом. В детстве, играя в лесу, Дарси чувствовал симпатию к прадеду: он рано понял, что этот редко упоминаемый родственник был в семье белой вороной, ведь он снял с себя всю ответственность перед поместьем и домом. Перед тем как застрелить Солдата, а потом и себя, он написал краткую записку, в которой просил похоронить его в одной могиле с собакой, но семейство не выполнило эту нечестивую просьбу: Джорджа Дарси положили в фамильный склеп на сельском кладбище, где покоились его предки, а Солдата закопали в лесу и на этом месте поставили гранитный камень с выбитой кличкой и датой смерти. С детских лет Дарси ощущал отцовский страх перед возможным наследственным пороком в семье и рано воспитал в себе чувство ответственности, которое со временем должно было лечь и на его плечи, ответственности за поместье и за тех, кто трудится в нем, – ни один старший сын не может снять его с себя.

Полковник Фицуильям задал медленный темп, он водил перед собой фонарем и иногда останавливался, чтобы лучше рассмотреть листву под ногами и убедиться, что там нет следов. Дарси подумал, что полковник, возможно, наслаждается ролью командира, хотя и осудил себя за столь низкую мысль. Сам он устало тащился впереди Элвестона, пребывая в отвратительном настроении, в которое время от времени врывался гнев, словно волны близкого прибоя. Неужели ему никогда не освободиться от Джорджа Уикхема? В этом лесу они играли мальчишками. Это время казалось ему раньше беззаботным и счастливым, но была ли та детская дружба настоящей? Не испытывал ли еще тогда юный Уикхем зависть, чувство обиды и неприязнь? Не вкладывал ли он в грубые мальчишеские игры и шуточные бои, после которых Дарси оставался в синяках, больше пыла, чем было необходимо? В сознании всплывали разные обидные замечания, которые он не вспоминал долгие годы. Как давно Уикхем задумал месть? Сознание того, что сестра избежала позора и стыда только потому, что ему удалось купить молчание потенциального соблазнителя, было настолько болезненным, что он чуть не застонал. Счастливая семейная жизнь на какое-то время вытеснила из головы пережитое унижение, но сейчас оно вернулось, только обострившись за прошедшие годы; невыносимый груз стыда и отвращения к себе усиливался от сознания того, что Уикхем женился на Лидии Беннет исключительно благодаря деньгам Дарси. Его щедрость была рождена любовью к Элизабет, но именно брак с ней ввел Уикхема в семью, дав тому право называть Дарси братом, а Фицуильяма и Чарльза племянниками. Дарси мог не принимать Уикхема в Пемберли, но не мог стереть из своей памяти.

Минут через пять они дошли до тропы, ведущей от дороги к Лесному коттеджу. Эту тропу так натоптали, что, несмотря на узость, обнаружить ее не составляло труда. Не успел Дарси открыть рот, как полковник, держа в руке фонарь, уже ступил на тропу. Он передал пистолет Дарси со словами:

– Лучше поддержи его у себя. Не думаю, что он мне понадобится, а вот напугать миссис Бидуэлл и ее дочь может. Я посмотрю, все ли у них в порядке, и попрошу миссис Бидуэлл запереть дверь и ни в коем случае никого не впускать. И еще скажу, что в лесу, возможно, заблудились два джентльмена и мы их ищем. Думаю, больше ей знать не надо.

Полковник отошел и почти сразу скрылся из виду, звук его шагов потерялся в чащобе. Дарси и Элвестон стояли в молчании. Время текло медленно; услышав треск раздвигаемых ветвей, Дарси взглянул на часы и увидел, что полковник отсутствовал почти двадцать минут.

Забрав пистолет у Дарси, полковник отрывисто и резко произнес:

– Все в порядке. Миссис Бидуэлл и ее дочь слышали выстрелы; по их словам, стреляли недалеко, но не вблизи коттеджа. Они тут же заперли дверь и больше ничего не знают. Девушка – ее вроде зовут Луиза? – была на грани истерики, но матери удалось ее успокоить. Неудачно, что именно сегодня Бидуэлла нет дома. – И обратился к кучеру: – Смотри в оба и остановись там, где капитан Денни и мистер Уикхем вышли из коляски.

Полковник вновь занял свое место во главе маленького отряда, и они медленно продолжили путь. Время от времени Дарси и Элвестон поднимали высоко фонари, рассматривая, не помяты ли кусты, и чутко вслушивались в тишину. Через пять минут коляска качнулась и остановилась.

– Думаю, где-то здесь, сэр. Я помню этот дуб слева и красные ягоды, – объявил Пратт.

Еще до того, как полковник заговорил, Дарси спросил у кучера:

– В какую сторону пошел капитан Денни?

– Налево, сэр. Там вроде тропы нет, но он бросился в лес напролом, как будто там нет кустарника.

– А как скоро за ним последовал мистер Уикхем?

– Не прошло и двух секунд. Я уж говорил, сэр, что миссис Уикхем вцепилась в него и пыталась остановить, а потом долго кричала вслед. Но он не вернулся, и когда она услышала выстрелы, то приказала мне как можно скорее ехать в Пемберли. Всю дорогу, сэр, она истошно вопила, повторяя, что всех нас убьют.

– Жди нас здесь, – велел Дарси, – и не отходи от коляски. – И обратился к Элвестону: – Нам лучше взять с собой носилки. Конечно, это будет выглядеть глупо, если ничего не случилось и они просто заблудились, но стрельба настораживает.

Элвестон отвязал и спустил вниз носилки.

– Еще глупее, если мы сами заблудимся, – сказал он. – Однако полагаю, вы знаете этот лес, сэр.

– Надеюсь, достаточно хорошо, чтобы найти дорогу домой, – ответил Дарси.

С носилками нелегко продираться сквозь заросли, и после недолгих переговоров Элвестон скатал и взвалил их себе на плечи, и они углубились в лес.

Пратт ничего не ответил на приказ Дарси никуда не отлучаться, но он явно боялся остаться в одиночестве; его страх передался лошадям, чьи нервные переступания с ноги на ногу и ржание показались Дарси подходящим звуковым сопровождением предприятия, которое стало казаться ему неразумным. Мужчины шли друг за другом, прокладывая путь сквозь почти непроходимый кустарник; полковник возглавлял процессию, осторожно помахивая фонарем из стороны в сторону и замирая всякий раз, когда ему мерещились недавние следы, а Элвестон с трудом протискивал ручки носилок под вислыми ветвями деревьев. Пройдя несколько шагов, они всякий раз останавливались, кричали, но никто не отзывался. Притихший ветер внезапно совсем замолк, и в тишине стало казаться, что тайная жизнь леса замерла из-за их незваного вторжения.

Поначалу по надломленным и свисающим веткам кустарника и нескольким вмятинам, которые можно было принять за отпечатки ног, у группы появилась надежда, что они на правильном пути, но уже через несколько минут деревья и кустарник поредели, на крики никто не отвечал, и мужчины остановились, чтобы уяснить, как действовать дальше. До этого момента, чтобы никто не потерялся, они не отходили друг от друга больше чем на несколько шагов и направлялись на запад. Теперь было решено вернуться к коляске, двигаясь на восток по направлению к Пемберли. Понятно, что трем людям невозможно исследовать такое большое лесное пространство, и если смена направления не принесет результата, они постановили вернуться домой и в случае невозвращения до рассвета Уикхема и Денни собрать всех слуг и прибегнуть к помощи полиции, чтобы организовать более тщательные поиски.

Все трое с трудом потащились дальше, но вскоре в зарослях обнаружился просвет – перед ними предстала залитая лунным светом поляна в окружении стройных серебристых берез. С новыми силами они рванулись вперед – к свободе и свету, сокрушая кустарник и радуясь возможности выбраться из его цепких пут. Здесь не было балдахина из свисающих ветвей, и лунный свет, окрашивая серебром тонкие стволы, создавал прекрасную картину, больше похожую на сон.

И вот они на поляне. Медленно, почти в благоговейном страхе пройдя между двумя стройными деревьями, они словно вросли в землю, потеряв от ужаса дар речи. Перед ними разительным контрастом к нежному, мягкому свету открылась резко проступившая жесткая картина смерти. Все молчали. Потом осторожно двинулись разом вперед, держа высоко фонари. Они высветили ярко-красный цвет офицерского мундира и обращенное к ним навещающее ужас окровавленное лицо и неподвижный взгляд.

Капитан Денни лежал на спине, его правый глаз был залит кровью, а невидящий взгляд левого был обращен к далекой луне. Уикхем с окровавленными руками стоял перед ним на коленях, его забрызганное кровью лицо казалось маской. Хриплым, гортанным голосом он, однако, довольно отчетливо произнес:

– Он мертв! Боже, Денни мертв! Мой друг, мой единственный друг, и я убил его! Я его убил! Это моя вина.

Никто еще не успел ничего сказать, как Уикхем подался вперед и со страшными рыданиями, рвущимися из горла, упал на труп; два окровавленных лица почти соприкасались.

Полковник склонился к Уикхему и тут же выпрямился.

– Мертвецки пьян, – сказал он.

– А Денни? – спросил Дарси.

– Мертв. Нет, лучше его не трогай. Я могу по одному виду определить смерть. Положим тело на носилки, я помогу нести. А вы, Элвестон, как самый сильный из нас, могли бы довести Уикхема до коляски?

– Думаю, да, сэр. Он не очень тяжелый.

Дарси и полковник молча подняли тело Денни и опустили на брезентовые носилки. Затем полковник помог Элвестону поставить Уикхема на ноги. Тот покачивался, но не сопротивлялся. Захлебывающиеся рыдания распространяли в чистом воздухе мерзкий алкогольный перегар. Элвестон был выше ростом и, закинув правую руку Уикхема на свое плечо, поддерживал виснушую ношу и кое-как тащил на себе.

Полковник снова нагнулся и тут же выпрямился, держа в руке пистолет. Понюхав дуло, он сказал:

– Возможно, стреляли из этого оружия.

Полковник и Дарси взяли за ручки носилок и с трудом их подняли. Скорбная процессия пустилась в горестный обратный путь. Носилки несли впереди, а за ними в нескольких шагах Элвестон почти волок Уикхема. Они шли по своим же следам – здесь трудностей не возникло, однако возвращение было медленным и тягостным. Держась за задние ручки носилок, Дарси шагал за полковником, пребывая в убийственном настроении: самые разные страхи и тревоги теснились в его сознании, мешая трезво мыслить. Он никогда не позволял себе задумываться, насколько близки были Элизабет и Уикхем в дни их дружбы в Лонгборне, но сейчас его охватили ревнивые подозрения, хотя он и понимал, насколько они неосновательны и постыдны. В какой-то ужасный момент он захотел, чтобы тяжелый груз на носилках был трупом Уикхема, и сознание того, что – пусть и на секунду – он пожелал смерти своему врагу, испугало Дарси.

Пратт испытал явное облегчение при их приближении, но, увидев носилки, задрожал от страха и только после грозного оклика полковника занялся лошадьми, которые заволновались, почуяв кровь. Дарси и полковник опустили носилки на землю, и Дарси, достав из коляски одеяло, накрыл тело Денни. Присмиривший на время в лесу Уикхем теперь вдруг взбунтовался,

и только с помощью полковника Элвестону удалось запихнуть его в коляску и самому сесть рядом. Полковник и Дарси вновь взялись за носилки, и, когда поднимали тело, натруженные плечи заныли. Пратт наконец успокоил лошадей, и Дарси с полковником молча, испытывая огромную физическую и душевную усталость, двинулись вслед за коляской в сторону такого далекого Пемберли.

3

Как только немного успокоившуюся Лидию уговорили лечь в постель, Джейн решила, что может доверить ее заботам Белтон, и присоединилась к Элизабет. Вместе они поспешили к парадному входу, откуда следили за отъездом поисковой группы. Туда еще до них пришли Бингли, миссис Рейнолдс и Стаутон, и они впятером вглядывались в темноту, пока коляска не скрылась из виду, некоторое время еще мигая двумя далекими колеблющимися огоньками. Стаутон стал запирать и закрывать на засов дверь.

– До приезда доктора Мерфи я посижу у миссис Уикхем, мадам, – предложила миссис Рейнолдс. – Думаю, он даст ей успокоительное, от которого она заснет. А вам с миссис Бингли советую вернуться в музыкальный салон, там зажжен камин, и вам будет удобно. Стаутон подежурит у дверей и сразу даст знать, как только появится экипаж. Если они встретят по дороге мистера Уикхема и капитана Денни, то им тоже найдется место в коляске, хотя придется немного потесниться. Джентльменам, думаю, стоит после возвращения съесть чего-нибудь горячего, однако не уверена, что мистер Уикхем и капитан Денни захотят остаться. Когда мистер Уикхем узнает, что его жена в безопасности, он вместе с другом захочет продолжить путешествие. Пратт ведь сказал, что они направляются в «Кингз-Армс» в Ламтоне.

Последнее Элизабет было особенно приятно слышать, и она даже подумала, не сознательно ли миссис Рейнолдс ее обнадежила. Ее грызла мысль, что Уикхем или капитан Денни могли сломать или вывихнуть лодыжку, продираясь сквозь заросли, и тогда их придется приютить, пусть и на одну ночь. Муж никогда не откажется предоставить ночлег пострадавшему, но его будет мучить сознание, что Уикхем ночует в Пемберли, и она боялась думать, к чему это может привести.

– Я прослежу, мадам, чтобы все слуги, занятые подготовкой к балу, легли спать. Если Белтон нужна, она будет рада и ночь просидеть, Бидуэлл тоже еще работает, но он умеет держать язык за зубами. Никто не должен знать до утра о ночных приключениях, да и тогда только самое необходимое.

Они уже ступили на лестницу, когда Стаутон объявил, что возвращается посланный за доктором Мерфи экипаж, и Элизабет задержалась в холле, чтобы встретить врача и рассказать о случившемся. Доктора Мерфи в доме всегда ожидал теплый прием. Этот средних лет вдовец, потерявший молодую жену, оставившую ему изрядное состояние, мог позволить себе разъезжать в экипаже, однако предпочитал объезжать пациентов верхом. Его часто можно было видеть на дорогах и тропах Ламтона и Пемберли с прикрепленным к седлу массивным кожаным саквояжем. Годы, проведенные в седле в любую погоду, огрубили его черты, и хотя его нельзя было назвать красивым, но открытое и умное лицо в сочетании с твердостью и доброжелательностью очень подходило сельскому врачу и, казалось, было предназначено ему самой природой. Его врачебная философия заключалась в том, что человеческий организм обладает естественной тенденцией к самоисцелению, если пациенты и врачи не мешают этому, но, понимая, что человеческая натура не может обходиться без таблеток и микстур, он сам изготавливал лекарства, в целебное действие которых пациенты безоглядно верили. Он рано понял, что родственники больных чувствуют себя значительно лучше, если заняты уходом за ними, и изобретал такие снадобья, эффективность которых состояла в прямой зависимости от времени их приготовления. Теперешнюю пациентку он хорошо знал, ведь миссис Бингли вызывала его

всякий раз, как у ее мужа, детей, гостей или слуг были хотя бы легкие признаки недомогания, и он стал другом семьи. Все испытали большое облегчение, когда он приехал: Лидия встретила доктора новым всплеском скорбных причитаний, но быстро успокоилась, как только он подошел к ее постели.

Теперь Элизабет и Джейн могли расположиться в музыкальном салоне, где из окон хорошо просматривалась дорога в лес, и оттуда следить за событиями. Они хотели отдохнуть на диване, но поминутно то одна, то другая вставала, подходила к окну или расхаживала по комнате. Элизабет знала, что они обе делают в уме одни и те же подсчеты, и наконец Джейн облекла их в слова:

– Дорогая Элизабет, нельзя ждать их обратно слишком скоро. Предположим, Пратту потребуется пятнадцать минут, чтобы найти то место, где капитан Денни и Уикхем вошли в лес. Еще пятнадцать минут или более того уйдут на поиски заблудившихся джентльменов, потом какое-то время – на путь к экипажу и возвращение домой. И нужно помнить, что кто-то должен зайти в Лесной коттедж и убедиться, что с миссис Бидуэлл и Луизой все в порядке. Да мало ли что еще может их задержать! Нужно проявить терпение. Я подсчитала, что до их возвращения может пройти час. И есть вероятность того, что Уикхем и капитан Денни выйдут на дорогу и решат вернуться в гостиницу.

– Вряд ли они так поступят, – возразила Элизабет. – Слишком далеко идти, и к тому же они предупредили Пратта, что, оставив Лидию в Пемберли, отправятся в «Кингз-Армс» в Ламтоне. Да и вещи им нужны. И Уикхем захочет убедиться, что Лидия благополучно добралась до места. Однако пока экипаж не вернется, мы ничего не узнаем. Есть надежда, что эту парочку встретят уже на дороге, и тогда коляска сразу повернет назад. А тем временем нам лучше постараться хоть немного отдохнуть.

Но отдых был невозможен – они постоянно подходили к окну. Через полчаса сестры потеряли надежду на скорое возвращение спасательного отряда и замолчали, охваченные мрачными предчувствиями. Помня о выстрелах, они больше всего боялись увидеть экипаж, ползущий медленно, как катафалк, и идущих позади Дарси и полковника с нагруженными носилками. В лучшем случае то мог быть Уикхем или Денни без тяжелых увечий, но не в состоянии перенести тряски экипажа. Обе сестры старались, как могли, вытеснить из сознания картину целиком закрытого тела и ужасную перспективу объявления потерявшей от горя раскусок Лидии, что ее худшие опасения подтвердились и ее муж действительно мертв.

Прождав час и двадцать минут, сестры устали стоять и отошли от окна, и как раз в эту минуту в комнату вошли Бингли и доктор Мерфи.

– Миссис Уикхем ослабела от волнения и непрерывных рыданий, и я дал ей успокоительное, – сказал доктор Мерфи. – Скоро она заснет мирным сном и, надеюсь, проспит несколько часов. С ней горничная Белтон и миссис Рейнолдс. Я расположусь в библиотеке и позже еще раз осмотрю миссис Уикхем. Обо мне заботиться не нужно.

Элизабет тепло поблагодарила доктора и сказала, что он сделал все, что было необходимо сестре. Доктор в сопровождении Джейн покинул комнату, а Элизабет и Бингли снова подошли к окну.

– Нельзя терять надежды на лучшее, – сказал Бингли. – Стрелять могли браконьеры по кроликам, или Денни разрядил ружье, чтобы спугнуть кого-то, кто крался в лесу. Мы не должны давать волю нашему воображению и не рисовать картины, которые рухнут при первой же трезвой оценке разума. В лесу нет ничего, что могло бы склонить кого-то замыслить нехорошее против Уикхема или Денни.

Элизабет промолчала. Сейчас даже знакомый и любимый пейзаж казался чужим; изгиб реки выглядел под луной застывшим серебром, лишь изредка порыв ветра, пробегая по поверхности реки, оживлял ее. Что до дороги, то она протянулась там, где царила, казалось, вечная пустота – призрачный пейзаж, таинственный и зловещий, где не могло существовать или дви-

гаться ничто человеческое. В тот момент, когда Джейн вновь вошла в комнату, вдали наконец показался экипаж – вначале в виде неопределенного движущегося объекта, обозначенного тусклым мерцанием дальних огоньков. Преодолевая искушение немедленно броситься вниз, к дверям, сестры напряженно ждали.

Элизабет не смогла скрыть прозвучавшее в голосе отчаяние:

– Экипаж едет медленно. Будь все хорошо, он катился бы быстро.

Эта мысль не позволила ей продолжать стоять у окна, и она побежала вниз по лестнице; Джейн и Бингли последовали ее примеру. Стаутон, должно быть, увидел экипаж из окна первого этажа, потому что входная дверь была уже открыта.

– Не лучше ли будет, мадам, вернуться в музыкальный салон? Мистер Дарси сразу поднимется к вам и сообщит все новости. Ждать снаружи холодно, а пока коляска не подъехала, мы ничем не можем помочь.

– Миссис Бингли и я предпочитаем ждать здесь, Стаутон.

– Как вам угодно, мадам.

Вместе с Бингли сестры вышли в ночную тьму и стояли, застыв в ожидании. Никто не произнес ни слова, пока коляска не оказалась в нескольких ярдах от крыльца и они не увидели того, чего так боялись, – укрытую одеялом ношу на носилках. Внезапный порыв ветра разметал по лицу волосы Элизабет. Она почувствовала, что падает, и вцепилась в Бингли, который поддержал ее за плечи. Тот же порыв приподнял угол одеяла, и все увидели край алого офицерского кителя.

Полковник Фицуильям прямо заявил Бингли:

– Скажите миссис Уикхем, что ее муж жив. Но сейчас его лучше не видеть. Капитан Денни мертв.

– Убит? – спросил Бингли.

– Не из ружья, – ответил Дарси. И обратился к Стаутону: – Принеси ключи от оружейной комнаты. Мы с полковником Фицуильямом пронесем тело через северный дворик и положим его на оружейный стол. – Затем он сказал Бингли: – Пожалуйста, уведи в дом Элизабет и миссис Бингли. Они ничем не могут помочь, а нам нужно извлечь из коляски Уикхема. Не стоит им видеть его в теперешнем состоянии. Надо скорее уложить его в постель.

Элизабет не понимала, почему муж и полковник не положат носилки на землю: они стояли как вкопанные, пока Стаутон не вернулся с ключами. Затем, почти церемонно, с идущим впереди Стаутоном, похожим на участника похоронной процессии, они прошли двор и повернули к задней части дома, где располагалась оружейная комната.

Коляска теперь сильно раскачивалась, и когда порывы ветра стихали, до Элизабет доносились дикие, бессвязные крики Уикхема, бранившего своих спасителей и упрекавшего Дарси и полковника в трусости. Почему они не схватили убийцу? У них было оружие. И пользоваться им они умеют. Сам он сделал один или два выстрела, и если б не они, он и сейчас был бы там. Последовала серия ругательств, худшие из которых унес ветер, а затем сидящий в коляске Уикхем разразился рыданиями.

Элизабет и Джейн вошли в дом. Уикхем тем временем вывалился из коляски; Бингли и Элвстон вдвоем поставили его на ноги и ввели, а скорее, втащили в холл. Элизабет взглянула мельком на безумное, запачканное кровью лицо и отошла, а Уикхем в это время тщетно пытался освободиться из сильных рук Элвстона.

– Нужна комната с крепкой дверью, которая запиралась бы на ключ, – сказал Бингли. – Что вы можете предложить?

Вернувшаяся миссис Рейнолдс взглянула на Элизабет:

– Думаю, самая подходящая комната, мадам, Голубая, в конце северного коридора. Там только два небольших окна, и еще она далеко отстоит от детской.

Бингли по-прежнему помогал удерживать Уикхема.

– Доктор Мерфи в библиотеке, – привлек он внимание миссис Рейнолдс. – Скажите ему, что он здесь нужен. Невозможно совладать с мистером Уикхемом в его теперешнем состоянии. Мы будем в Голубой спальне.

Бингли и Элвестон, ухватив Уикхема за плечи, стали втаскивать его вверх по лестнице. Теперь он держался тише, но продолжал рыдать; на последней ступеньке он вырвался из их рук и, сверкая глазами, прокричал, глядя вниз, последние проклятия.

– Я лучше вернусь к Лидии, – сказала Джейн сестре. – Белтон давно с ней сидит и, наверное, нуждается в отдыхе. Надеюсь, Лидия теперь будет крепко спать, но, как только она проснется, надо будет сразу сообщить, что с ее мужем все в порядке. По крайней мере есть хоть что-то хорошее. Дорогая Лиззи, если б я только могла избавить тебя от всего этого.

Сестры на мгновение прильнули друг к другу, и затем Джейн ушла. В холле воцарилась тишина. Элизабет охватила дрожь; внезапно почувствовав головокружение, она села на ближайший стул. Ощущая себя потерянной, она с нетерпением ждала возвращения Дарси из оружейной комнаты. Вскоре он появился, тут же подошел к ней и, приподняв со стула, нежно привлек к себе.

– Дорогая, давай уйдем отсюда, и я все тебе расскажу. Ты видела Уикхема?

– Да, видела, как его вводили в дом. Ужасное зрелище. Хорошо, Лидии при этом не было.

– Как она?

– Надеюсь, спит. Доктор Мерфи дал ей успокоительное. А сейчас доктор в сопровождении миссис Рейнолдс пошел помочь Уикхему. Мистер Элвестон и Чарльз отвели Уикхема в Голубую спальню в северном коридоре. Думается, там самое подходящее место для него.

– А что с Джейн?

– Она с Лидией и Белтон. Джейн проведет ночь в комнате Лидии, а Бингли расположится в соседней гардеробной. Мое общество Лидия не выносит. Придется остаться Джейн.

– Тогда пойдем в музыкальный салон. Я должен какое-то время побыть с тобой наедине. Сегодня мы почти не виделись. Я расскажу тебе все, что знаю, но ничего хорошего ты не услышишь. И еще я должен этим же вечером сообщить сэру Селвину Хардкаслу о смерти капитана Денни. Он мировой судья и ближе других живет к нам. Понятно, что сам я вести дело не могу, придется потрудиться Хардкаслу.

– А нельзя немного подождать, Фицуильям? Ты так устал. Сэр Селвин сможет приехать сюда с полицией только после полуночи. И что он сделает до следующего утра?

– Сэру Селвину необходимо все доложить без промедления. Он ждет именно этого, и тут он прав. Судья захочет перевезти тело Денни и, возможно, повидаться с Уикхемом, если тот настолько протрезвеет, что его можно будет допрашивать. В любом случае, любимая, тело капитана Денни должно быть вывезено как можно скорее. Не хочу показаться черствым или равнодушным, но лучше, если это будет сделано до того, как проснутся слуги. Им нужно все рассказать, но для нас всех будет легче, и особенно для слуг, если трупа в доме уже не будет.

– Но ты можешь хотя бы что-то поесть перед поездкой? Мы обедали так давно.

– У меня пять минут на то, чтобы выпить кофе и убедиться в том, что Бингли все правильно понимает, но потом я должен ехать.

– Но скажи, что случилось с капитаном Денни? Все лучше, чем неопределенность. Чарльз говорит, что это несчастный случай. Это так?

– Любимая, надо подождать медицинского заключения, только врачи скажут нам, от чего умер капитан Денни. Пока все – только домыслы.

– Значит, несчастный случай тоже не исключен?

– Хочется надеяться на это, но я верю своему первому впечатлению: когда я впервые увидел тело в лесу, я понял, что капитан Денни убит.

4

Спустя пять минут Элизабет, стоя вместе с Дарси у дверей, дождалась, когда мужу подведут коня, и не входила в дом, пока не увидела, как Дарси пустил коня галопом и оба не растворились в серебристом ночном мраке. Поездка не обещала быть легкой. За разбушевавшимся ветром последовал сильный косой дождь, но Элизабет понимала, что не ехать нельзя. Дарси был одним из трех мировых судей, обслуживающих Пемберли и Ламтон, но сам он не мог вести это расследование, и потому одного из его коллег нужно было известить о смерти Денни как можно скорее. Она надеялась, что труп увезут из Пемберли до утра, и тогда они с Дарси смогут рассказать проснувшимся слугам о трагическом случае в общих чертах. Нужно объяснить присутствие миссис Уикхем, да и сама Лидия вряд ли проявит сдержанность. Дарси – прекрасный наездник, и даже в плохую погоду ночная скачка вдали от дома ему не страшна, но, напрягая глаза, чтобы увидеть прощальные обрывки тени от пустившегося галопом коня, она старалась победить иррациональный страх: а вдруг на пути к Хардкаслу произойдет нечто ужасное и она никогда снова не увидит мужа?

Для самого Дарси ночной галоп был прорывом в недолгую свободу. Хотя плечи еще ныли от тяжелых носилок и не проходила чудовищная физическая и душевная усталость, ощущение ветра и бьющего в лицо холодного дождя казалось освобождением. Сэр Селвин Хардкасл – единственный мировой судья, который всегда дома, – жил в восьми милях от Пемберли; он, несомненно, возьмется за дело, и сделает это с удовольствием, однако при других обстоятельствах Дарси выбрал бы не его. К сожалению, Джосайя Клитероу, третий мировой судья, сражен подагрой, и сражен этой жестокой болезнью несправедливо: ведь доктор хоть и питал пристрастие к хорошему обеду, но никогда не прикасался к портвейну, который считается главной причиной этой ведущей к инвалидности болезни. Доктор Клитероу – известный юрист, признанный далеко за пределами родного Дербишира, считался украшением любого суда, несмотря на его говорливость, проистекавшую из убеждения, что юридическая основательность вынесения приговора находится в прямой зависимости от времени, проведенного за его обсуждением. Каждый нюанс дела, которым он занимался, тщательно исследовался, поднимались и обсуждались предыдущие дела и подбирался соответствующий закон. И если цитата из античного философа, особенно Платона или Сократа, могла прибавить вес аргументу, к ней прибегали. Но несмотря на, казалось бы, ненужные затяжки, окончательные решения юриста были неизменно разумными, и ответчики даже чувствовали дискриминацию, если доктор Клитероу не дарил им, когда они к нему обращались, по крайней мере час малопонятных ученых рассуждений.

Для Дарси болезнь доктора Клитероу была особенно некстати. Он и сэр Селвин Хардкасл профессионально уважали друг друга, но работать вместе им было некомфортно; более того, пока отец Дарси не унаследовал поместье Пемберли, их семьи враждовали. Ссора возникла при деде Дарси: тогда молодого слугу из Пемберли, Патрика Рейли, обвинили в краже оленя из парка сэра Селвина и впоследствии повесили.

Эта смерть вызвала возмущение жителей Пемберли, однако считалось, что мистер Дарси пытался спасти юношу; он и сэр Селвин как бы оказались во власти навязанных имиджей: один – сострадательный судья, другой – твердый хранитель закона, даже фамилия Хардкасл⁵ тут оказалась подходящей. Слуги последовали примеру хозяев, враждебность и чувство обиды между семьями передавались от отца к сыну. Только с переходом Пемберли к отцу Дарси стали предприниматься попытки наладить отношения, и решающая была предпринята, когда отец уже лежал на смертном одре. Тот попросил сына сделать все возможное, чтобы восстано-

⁵ Твердыня (англ.).

вить былое согласие, подчеркнув, что существующая враждебность не служит ни интересам закона, ни добрым отношениям двух семейств. Дарси – частично из-за врожденной сдержанности, частично из-за убеждения, что открытым выяснением отношений можно только усугубить положение, – выбрал более тонкий ход. Последовали приглашения на охоту, на семейные обеды, которые были приняты Хардкаслом. Возможно, он тоже все явственнее ощущал опасность застарелой вражды, но возобновление соседских отношений не переросло в дружеские. Дарси знал, что в сложившейся ситуации Хардкасл поведет себя как добросовестный и честный судья, но не как друг.

Конь, казалось, не меньше всадника радовался свежему воздуху и возможности поразмяться, и уже через полчаса Дарси спешил у дома Хардкасла. Предок сэра Селвина получил титул баронета во времена короля Якова I, тогда же возвели и дом – большое, беспорядочно построенное здание, издали привлекавшее внимание семью высокими тюдоровскими трубами: иначе дом было бы трудно заметить из-за окружавших его плотной стеной рослых вязов. Внутри дома было темно из-за маленьких окон и низких потолков. Отец нынешнего баронета, пораженный великолепием некоторых расположенных по соседству зданий, сделал элегантную пристройку к дому, которая, однако, не гармонировала с остальным, и ею редко пользовались, отведя под жилье для слуг. Сэр Селвин предпочитал старую часть здания, несмотря на многочисленные неудобства.

Дарси потянул за железный звонок, который вдруг произвел такой резкий металлический звук, что мог разбудить мертвого; через несколько секунд дверь открыл Бакл, дворецкий сэра Селвина, который, как и хозяин, похож, мог обходиться без сна: его можно было застать на ногах в любое время суток. Сэр Селвин и Бакл были неразлучны; считалось, что место дворецкого в семействе Хардкасл передается по наследству: и отец, и дед Бакла тоже были дворецкими. Удивительным казалось и семейное сходство: каждый Бакл имел квадратную плотную фигуру, длинные руки и лицо добродушного бульдога. Бакл взял у Дарси его шляпу, плащ для верховой езды и, хотя хорошо знал гостя, обратился с просьбой назвать имя, что входило в обязательный ритуал, и попросил подождать, пока он доложит о нем. Время тянулось медленно, но вот послышалась тяжелая поступь дворецкого, шаги приближались, и наконец он объявил:

– Сэр Селвин в курительной комнате, прошу следовать за мной, сэр.

Они миновали просторный холл со сводчатым потолком, окнами с рамами, внушительной коллекцией доспехов и висящей в оправе головой оленя-самца, обветшавшей от времени. Здесь же находились фамильные портреты многих поколений семейства Хардкасл; это собрание ценилось соседями за многочисленность и размеры картин, так что репутацию ему создало количество портретов, а не качество. Каждый баронет завещал своему потомку по крайней мере одно предубеждение или наставление, и среди прочего то, что было высказано впервые в семнадцатом веке сэром Селвином: приглашать дорогих художников для создания портретов жен баронетов – лишняя трата денег. Чтобы удовлетворить тщеславие мужей и их жен, надо всего лишь сделать простужку хорошенькой, хорошенькую – красавицей и потратить больше краски и времени на расписывание одежды, чем лица. Так как мужчины семейства Хардкасл отдавали предпочтение одному типу женской красоты, то канделябр с тремя подсвечниками, который высоко нес Бакл, освещал длинный ряд плохо нарисованных лиц с недовольно поджатыми губами и злыми, вытаращенными глазами, за атласом и кружевом следовал бархат, шелк сменял атлас и, в свою очередь, уступал место муслину. На мужчин тратились больше. Их лица с несколько крючковатыми носами, кустистыми бровями – темнее волос на голове, – крупными ртами с бесцветными губами самоуверенно взирали сверху вниз на Дарси. Можно было подумать, что известные живописцы на протяжении столетий увековечили одного лишь нынешнего сэра Селвина в разных ипостасях – ответственного землевладельца и хозяина, отца семейства, покровителя бедных, капитана дербиширских волонтеров в пышной униформе с орденой лентой и последнего из мировых судей – сурового, беспристрастного и справедли-

вого. Мало кто из посетителей сэра Селвина, занимавших скромное положение, за время пути не проникнулся всем этим и к моменту появления перед хозяином не чувствовал свое полное ничтожество.

Теперь Бакл вел Дарси по узкому коридору в заднюю часть дома, в конце коридора дворецкий, не постучав, открыл тяжелую дубовую дверь и объявил зычным голосом:

– Сэр Селвин, к вам мистер Дарси из Пемберли.

Селвин Хардкасл не поднялся. Он продолжал сидеть у камина на стуле с высокой спинкой, в шапочке для курения, на круглом столике перед ним лежал парик, стояли бутылка портвейна и бокал с вином. На коленях лежала толстая книга, он ее читал, но теперь с явным сожалением закрыл, аккуратно положив закладку на нужное место. Эта сцена была почти ожившей копией портрета сэра Селвина в облике мирового судьи, и Дарси не удивился бы, увидев тактично мелькнувшую в двери тень живописца. В камин, очевидно, недавно подбросили дров, и сейчас огонь в нем ярко разгорелся; стараясь, чтобы его речь не заглушил треск и шипение поленьев, Дарси извинился за столь поздний визит.

– Не стоит беспокоиться. Я редко заканчиваю чтение раньше часу ночи. Но вы чем-то встревожены. Думаю, это связано с какой-то неожиданностью. Какое несчастье обрушилось на приход – браконьерство, подстрекательство к бунту, мятеж? Или Бони⁶ наконец высадился в Англии? Или опять совершили налет на домашнюю птицу миссис Филлимор? Пожалуйста, присаживайтесь. Говорят, вот этот стул с резной спинкой удобный и выдержит ваш вес.

Так как Дарси обычно сидел именно на этом стуле, то в последнем сомнений не было. Он сел и рассказал всю историю достаточно полно, но без подробностей – только факты, никаких комментариев. Сэр Селвин молча его выслушал, а потом заговорил:

– Значит, если я вас правильно понял, мистер и миссис Джордж Уикхем и капитан Денни выехали в наемном экипаже в Пемберли, где миссис Уикхем собиралась провести ночь и потом веселиться на балу леди Энн. Капитан Денни в какой-то момент, когда они уже ехали через лес, вышел из экипажа, очевидно после ссоры, и Уикхем последовал за ним, призывая вернуться. Никто из джентльменов не вернулся, и это стало предметом беспокойства. Миссис Уикхем и Пратт, кучер, рассказали, что минут через пятнадцать услышали выстрелы, и тогда миссис Уикхем, впад в истерику, приказала кучеру гнать лошадей в Пемберли. Когда она в большом волнении прибыла в поместье, то вы, полковник виконт Хартлеп и уважаемый Генри Элвестон создали поисковую группу и обнаружили в лесу труп капитана Денни, перед которым стоял на коленях пьяный и рыдающий Уикхем, его лицо и руки были обагрены кровью. – После демонстрации своей исключительной памяти судья немного помолчал, отхлебнул портвейна и продолжил: – Выходит, миссис Уикхем пригласили на бал?

Вопрос был неожиданный, но Дарси принял его спокойно.

– Нет. Но в Пемберли ее примут и без приглашения в любое время.

– Не приглашаемая, но принимаемая – в отличие от мужа. Все знают, что Джорджу Уикхему нет доступа в Пемберли.

– У нас не сложились отношения, – ответил Дарси.

Сэр Селвин торжественно водрузил книгу на стол.

– Его характер хорошо знают в наших краях, – сказал он. – Хорошие задатки в детстве, но потом крен в сторону разгула и вседозволенности – естественный результат воспитания молодого человека в условиях, которых ему никогда не добиться своим трудом, с товарищами из общества, где ему никогда не быть своим. Ходят слухи, что есть еще одна причина вашей взаимной неприязни – что-то относящееся к его женитьбе на сестре вашей жены?

– Это всего лишь слухи. Его неблагодарность, неуважение к памяти моего отца, а также разница в наших характерах и интересах – достаточная причина, чтобы объяснить отсутствие

---

⁶ Уничжительное прозвище Наполеона в Англии.

между нами близких отношений. Но мы не забыли о причине моего визита? Между смертью капитана Денни и моими отношениями с Джорджем Уикхемом нет никакой связи.

– Простите, Дарси, но я не соглашусь с вами. Связь есть. Убийство капитана Денни, если это убийство, свершилось на вашей территории, и оно может быть на совести вашего сводного родственника, про которого известно, что вы с ним в размолвке. Когда к делу примешиваются такие важные вещи, я должен их высказать. У вас деликатное положение. Ведь вы понимаете, что не можете принять участие в расследовании?

– Поэтому я здесь.

– Нужно поставить в известность главного констебля. Если это еще не сделано, я сам займусь этим.

– Я подумал, что важнее скорее связаться с вами.

– Правильно. Я сам сообщу об этом сэру Майлсу Калпепперу и буду подавать ему обстоятельные доклады по мере ведения расследования. Однако сомневаюсь, что он проявит к ним достаточный интерес. После брака с молодой невестой он больше тратит времени на лондонские развлечения, чем на местные дела. Я его не осуждаю. Положение главного констебля в каком-то смысле незавидное. Как вы знаете, в его обязанности входит обеспечивать соблюдение законов, осуществлять решение судей по текущим вопросам, а также приглядывать за рядовыми констеблями и руководить ими. Так как он не обладает над констеблями формальной властью, трудно представить, как это может делаться эффективно, но, как и многое в нашей стране, система на уровне местного самоуправления работает удовлетворительно. Вы, конечно, помните сэра Майлса. Мы с вами – те двое судей, которые поручились за него два года назад на квартальной сессии. Я также вступлю в контакт с доктором Клитероу. Вряд ли он сможет активно помогать расследованию, но в области законодательства ему цены нет, а мне не хочется брать на себя всю ответственность. Да, думаю, вдвоем мы отлично справимся. Сейчас я вместе с вами отправлюсь в Пемберли в своем экипаже. Пока тело не трогали, нужно прихватить и доктора Белчера, а также перевозку и двух констеблей. Вы знаете обоих – Томаса Браунрига, которому нравится, чтобы его считали старшим и тем подчеркивали его большой стаж, и молодого Уильяма Мейсона.

Не дожидаясь ответа, судья встал и, потянувшись к звонку, резко дернул за него.

Бакл появился мгновенно, что заставило Дарси предположить, что слуга ждал за дверью.

– Мое теплое пальто и шляпу, Бакл, и подними Постгейта, если он в постели, в чем я сомневаюсь, – приказал хозяин. – Нужно подготовить мой экипаж. Я еду в Пемберли, но по пути захвачу двух констеблей и доктора Белчера. Мистер Дарси будет сопровождать нас верхом.

Бакл растворился в темноте коридора, излишне сильно захлопнув тяжелую дверь.

– Сожалею, что моя жена не сможет принять вас, – сказал Дарси. – Надеюсь, она и миссис Бингли уже легли, но прислуга старшего ранга все еще на ногах, и доктор Мерфи у нас в доме. Когда миссис Уикхем добралась до Пемберли, она была охвачена паникой, и мы с женой решили, что ей нужна срочная медицинская помощь.

– Я тоже считаю правильным, чтобы доктор Белчер, всегда оказывающий помощь полиции в медицинских делах, призывался на самой ранней стадии. Он уже привык, что его будят по ночам. Доктор Мерфи осмотрел вашего заключенного? Я так понимаю, что Джордж Уикхем находится под замком.

– Не то чтобы под замком, но его охраняют. Когда я уезжал, с ним были дворецкий Стаутон и мистер Элвестон. Доктор Мерфи осмотрел его, и, возможно, мистер Уикхем сейчас спит и может проспять еще несколько часов. Наверное, было бы удобнее приехать после рассвета.

– Удобнее для кого? – спросил сэр Селвин. – Неудобство в основном касается меня, но это не имеет значения, когда речь идет о долге. А доктор Мерфи не трогал тело капитана Денни? Я понял, что вы постарались, чтобы никто не прикасался к нему до моего приезда.

– Труп капитана Денни лежит на столе в оружейной комнате, запертой на ключ. Я подумал, что до вашего приезда все должно оставаться как есть.

– И были правы. Плохо, если решат, что с трупом совершали какие-то действия. В идеале его стоило оставить в лесу до приезда полиции, но понимаю, что это показалось вам неудобным.

Дарси так и подмывало сказать, что ему и в голову не приходило оставить тело в лесу, но он счел, что будет благоразумнее промолчать.

К этому времени вернулся Бакл. Сэр Селвин надел парик, который он неизменно носил, исполняя официальную обязанность мирового судьи; слуга помог ему надеть пальто и вручил шляпу. Полностью готовый к исполнению ожидаемых от него обязанностей, он даже стал казаться выше и значительнее – само олицетворение закона.

Бакл подвел их к выходу, и Дарси слышал, пока они ждали в темноте экипаж, как слуга поочередно закрывает три тяжелых засова. Сэр Селвин не проявлял никакого нетерпения из-за задержки. Он только спросил:

– Джордж Уикхем что-нибудь сказал, когда вы наткнулись на него, стоящего на коленях перед трупом?

Дарси знал, что этот вопрос зададут раньше или позже – и не только ему.

– Он был очень взволнован, даже плакал, говорил невразумительно. Очевидно, до этого онпил – возможно, много. Казалось, он думает, что каким-то образом в ответе за эту трагедию – предположительно, потому, что не отговорил друга не покидать экипаж. Лес достаточно густой, там легко спрятаться преступнику, и предусмотрительный человек не станет в нем бродить после темноты.

– Я хотел бы, Дарси, слышать точные слова. Думаю, они запечатлелись в вашем мозгу.

Так оно и было, и Дарси повторил то, что помнил:

– Он сказал: «Я убил моего лучшего друга, моего единственного друга. Это моя вина». Может, порядок слов не тот, но смысл передан точно.

– Выходит, у нас есть признание? – спросил Хардкасл.

– Вряд ли. Мы не знаем, что Уикхем имел в виду на самом деле и в каком он был тогда состоянии.

Старый огромный, но производящий впечатление экипаж, громыхая, вывернул из-за угла. Перед тем как забраться в него, сэр Селвин повернулся к Дарси со словами:

– Мне сложности не нужны. Мы оба несколько лет работаем мировыми судьями и, полагаю, понимаем друг друга. Я уверен, вы, как и я, знаете, в чем состоит ваш долг. Я простой человек, Дарси. Когда человек делает признание не под давлением, я склонен ему верить. Но посмотрим, посмотрим. Не будем строить теории, пока не ознакомимся с фактами.

В течение нескольких минут Дарси привели его коня, он вскочил в седло; тут и карета, заскрипев, пришла в движение. Они пустились в путь.

5

Было уже больше одиннадцати. Элизабет не сомневалась, что сэр Селвин выехал в Пемберли, как только ему рассказали об убийстве, и решила, что ей стоит проведать Уикхема. Вряд ли он проснулся, но ей не терпелось убедиться, что все в порядке.

У самых дверей она в нерешительности остановилась: честность заставила ее признать неожиданно раскрывшуюся истину. Причина, по которой она пришла сюда, более сложная и интригующая, чем обычная ответственность хозяйки дома, и объяснить ее гораздо труднее. Сомнений не оставалось: сэр Селвин Хардкасл арестует Уикхема, и у Элизабет не было никакого желания видеть, как его уведут отсюда в сопровождении полицейских и, возможно, в наручниках. Хоть бы от этого унижения его избавили. Маловероятно, что потом они когда-

нибудь встретятся; и для нее была невыносима мысль, что в ее памяти вместо красивого, галантного Джорджа Уикхема навсегда останется его последний образ – забрызганного кровью позорного пьяницы, выкрикивающего ругательства, когда его втаскивали в Пемберли.

Элизабет решительно двинулась вперед и постучала в дверь. Ей открыл Бингли, и она с удивлением увидела в комнате у кровати Джейн и миссис Рейнолдс. Рядом на стуле стоял тазик с окрашенной кровью водой, и Элизабет обратила внимание, что миссис Рейнолдс вытерла тряпкой руки и повесила ее на край тазика.

– Лидия все еще спит, но я знаю, что стоит ей проснуться, как она сразу потребует, чтобы ее привели к Уикхему, и я не хочу, чтобы она видела, каким его привели сюда, – сказала Джейн. – У Лидии есть право находиться рядом с мужем, даже если он без сознания, но будет ужасно, если его лицо будет по-прежнему в крови капитана Денни. Здесь есть и его кровь: две царапины на лбу и еще несколько на руках, довольно слабые – возможно, следы от колючего кустарника.

Элизабет сомневалась, что умывание Уикхема было разумным поступком. Сэр Селвин ожидает увидеть Уикхема в том состоянии, в каком его нашли, когда он склонился над трупом. Но действия Джейн ее не удивили, как не удивила и поддержка, оказанная Бингли. Несмотря на благородство и мягкость, в сестре была и решимость, и если она не сомневалась в правильности своего поступка, никакие аргументы не могли заставить ее изменить решение.

– Доктор Мерфи приходил? – спросила Элизабет.

– Он осмотрел Уикхема полчаса назад, и придет снова, когда тот проснется. Мы рассчитываем, что к тому времени Уикхем успокоится и сумеет что-нибудь съесть до приезда сэра Селвина, но доктор в этом сомневается. Ему еле удалось дать Уикхему лекарство, весьма сильное, и доктор надеется, оно подарит больному несколько часов крепкого сна.

Элизабет подошла к кровати и остановилась, глядя на Уикхема. Лекарство доктора Мерфи действительно оказалось эффективным: ушло тяжелое, в винных парах, дыхание, он спал, как ребенок, грудь его еле вздымалась, – можно было подумать, что он неживой. Теперь, когда лицо его очистилось, темные волосы разметались на подушке, а расстегнутая рубашка открывала нежную линию шеи, он казался юным раненым рыцарем, измученным схваткой. Глядя на него сверху вниз, Элизабет пережила целую гамму эмоций. Против воли в ее сознании всплыли переживания настолько болезненные, что она почувствовала отвращение к себе. Ведь она чуть не влюбилась в него. Если б он был богат, а не гол как сокол, могла бы она выйти за него? Конечно, нет; теперь она понимала: то чувство не было любовью. Он, любимец Меритона, прекрасный незнакомец, в которого влюбились все девушки, выбрал ее. Все было замешено на тщеславии, опасной игре, в которую играли они оба. Она поверила и – что еще хуже – поделилась с Джейн голословными утверждениями Уикхема о вероломстве Дарси, уничтожившего его шансы на будущее, предавшего их дружбу и нарушившего обязательства отца по отношению к Уикхему. Только со временем она поняла, как неуместно звучали эти откровения в устах малознакомого человека.

Глядя теперь на лежащего мужчину, Элизабет почувствовала, как возвращается прежний стыд и чувство унижения – как могла она быть такой глупой и недаленовидной, как могла до такой степени не разбираться в характерах других людей, а ведь она гордилась своей проницательностью. И все же что-то осталось, чувство, близкое к жалости, которое заставляло страшить его возможного конца. Даже теперь, когда Элизабет знала о нем самое худшее, она не верила, что Уикхем убийца. Как бы то ни было, женившись на Лидии, он стал частью семьи, частью ее жизни, так же как и ее замужество сделало его частью жизни Дарси. А теперь каждая мысль о нем была омрачена ужасными видениями: ревущая толпа, внезапно затихающая при виде появившейся на пороге тюрьмы фигуры в наручниках, виселица и петля. Она хотела, чтобы он исчез из их жизни, но не таким путем – Боже, не таким!

Часть третья. Полиция в Пемберли

1

Когда экипаж сэра Селвина и катафалк въехали в главные ворота Пемберли, Стаутон тотчас открыл двери дома. Возникла небольшая задержка, пока один из конюхов не взял под уздцы коня Дарси и не переговорил со Стаутоном; наконец оба пришли к согласию, что карета сэра Селвина и катафалк будут не так заметны из окон, если их перевезти ближе к конюшням и заднему двору, где можно быстро и по возможности незаметно погрузить труп Денни. Элизабет решила, что с официальной точки зрения правильнее лично встретить этого позднего и вряд ли желанного гостя, но сэр Селвин сразу дал понять, что ему не терпится немедленно приступить к работе. Он задержался только, чтобы поклониться Элизабет и коротко извиниться за столь поздний и причинивший массу беспокойства визит, и после тотчас объявил, что начнет с посещения Уикхема в сопровождении доктора Белчера и двух полицейских – старшего констебля Томаса Браунрига и констебля Мейсона.

Уикхема охраняли Бингли и Элвестон, сразу открывшие дверь на стук Дарси. Комната вполне могла служить камерой. В просто и скудно обставленном помещении под одним из высоких окон стояли кровать, тазик для умывания, небольшой гардероб и два деревянных стула с прямыми спинками. Для тех, кому придется нести тут ночную вахту, принесли два дополнительных удобных стула и поставили по разные стороны двери. Сидевший справа у кровати доктор Мерфи встал при появлении Хардкасла. Сэр Селвин познакомился с Элвестоном на одном из обедов в Хаймартене и, уж конечно, хорошо знал доктора Мерфи. Кивнув в знак того, что узнал обоих, и, отвесив поклон, сэр Селвин подошел к кровати. Переглянувшись, Элвестон и Бингли поняли, что им следует удалиться, и тихо покинули комнату; Дарси остался, держась несколько в стороне. Браунриг и Мейсон заняли позицию у дверей, глядя прямо перед собой и всем своим видом показывая, что хотя сейчас они не участвуют непосредственно в расследовании, но комната и охрана подозреваемого доверены им.

Доктор Белчер был медицинским экспертом, при случае его вызывал главный констебль или мировой судья для помощи в расследовании, и как человек, больше привыкший препарировать мертвых, чем лечить живых, он обрел мрачную репутацию, подкрепляемую не самой удачной внешностью. Почти бесцветные, шелковистые, как у ребенка, волосы он зачесывал назад, открывая землистого цвета лицо, и смотрел на мир маленькими подозрительными глазами из-под низкого лба. Его длинные пальцы и ногти были тщательно ухожены, а отношение к нему публики хорошо выразила кухарка в Хаймартене: «Никогда не позволю доктору Белчеру прикоснуться к себе. Кто знает, где раньше были его руки?»

Его репутация зловещего эксцентрика только усиливалась созданием в маленькой комнате на втором этаже лаборатории, где он, по слухам, проводил эксперименты по свертыванию крови при разных обстоятельствах, а также скорости возникновения необратимых процессов в организме после смерти. При огромной практике у него было только два пациента – старший полицейский и сэр Селвин Хардкасл, а так как никто из них никогда не болел, то способствовать росту его популярности они не могли. Сэр Селвин и другие джентльмены, проводившие в жизнь законы, высоко его ценили: ведь в суде он высказывал свое мнение как известный специалист. Все знали, что он поддерживает связь с Королевским обществом, а также переписывается с другими специалистами, проводящими научные эксперименты, и наиболее просвещенные из соседей гордились его общественной репутацией, прощая небольшие взрывы, сотрясающие время от времени его лабораторию. Он редко говорил, и только после длитель-

ного размышления, и сейчас, подойдя близко к кровати, стоял и, не говоря ни слова, смотрел на спящего мужчину.

Легкое дыхание Уикхема практически не было слышно, рот чуть приоткрыт. Он лежал на спине – левая рука откинута, правая – согнута на подушке.

– Он явно не в том виде, в каком, по вашему описанию, его сюда доставили, – сказал Хардкасл Дарси. – Кто-то его умыл.

После некоторого молчания Дарси посмотрел Хардкаслу в глаза и твердо ответил:

– Я отвечаю за все, что здесь произошло, после того как мистера Уикхема привели в мой дом.

Реакция Хардкасла была неожиданная. Его большой рот мгновенно искривился и принял выражение, которое у любого другого человека сочли бы снисходительной улыбкой.

– Очень благородно, Дарси, – сказал он, – но, полагаю, здесь приложили ручки дамы. Разве они не считают своим долгом разгрести завалы, которые мы устраиваем в своих комнатах, а иногда и в своей жизни? Не важно, будет достаточно показаний слуг, видевших, в каком виде доставили Уикхема в дом. На теле не видно никаких особых следов повреждений, кроме небольших царапин на лбу и руках. Значит, кровь на его лице и руках принадлежала в основном капитану Денни. – Хардкасл обратился к Белчеру: – Полагаю, Белчер, ваши ученые коллеги еще не научились отличать кровь одного человека от крови другого? Мы бы это приветствовали: у нас с Браунригом и Мейсоном было бы меньше работы.

– К сожалению, нет, сэр Селвин. Мы не боги.

– Нет? Рад это слышать. А я было думал... – И, словно почувствовав, что разговор принимает nepозволительно игривый тон, Хардкасл обратился к доктору Мерфи строгим голосом судьи: – Что вы ему дали? Он выглядит не спящим, а скорее находящимся в бессознательном состоянии человеком. Вы разве не знали, что он главный подозреваемый и мне необходимо его допросить?

– Для меня, сэр, он прежде всего мой пациент, – спокойно отозвался Мерфи. – Поначалу он был сильно пьян, взбешен и совсем не контролировал себя. Позже, когда лекарство еще не совсем подействовало, его охватил страх, он выкрикивал в ужасе что-то бессвязное. Ему мерещились виселицы, повешенные с вытянутыми шеями. У него был кошмар наяву.

– Виселицы? – переспросил Хардкасл. – Неудивительно, учитывая его положение. А какое лекарство вы дали? Что-то из разряда успокоительных?

– Я готовлю микстуру сам и прописываю ее в ряде случаев. Уикхема я убедил выпить лекарство, чтобы снять стресс. В том состоянии, в каком он находился, от него все равно не было толку.

– Сейчас толку тоже нет. Как вы думаете, когда он проснется и достаточно протрезвеет для допроса?

– Трудно сказать. Иногда после шока разум находит убежище в забытии, и тогда сон у пациента глубокий и долгий. Если исходить из данной ему дозы, он придет в себя к девяти утра, возможно, раньше, точно сказать не могу. Я с трудом убедил его сделать несколько глотков. Если мистер Дарси не возражает, я останусь, пока пациент не придет в себя. Я также несу ответственность за миссис Уикхем.

– Она, конечно, тоже под действием лекарства и не может давать показания?

– У миссис Уикхем от потрясения началась истерика. Она убедила себя, что муж погиб. Я помог несчастной женщине восстановить силы с помощью сна. Иначе она все равно ничего не сказала бы.

– Возможно, я бы докопался до истины. Думаю, доктор, мы понимаем друг друга. У каждого из нас свои обязанности. Я разумный человек. И у меня нет никакого желания беспокоить до утра миссис Уикхем. – И, повернувшись к доктору Белчеру, спросил: – Не хотите что-нибудь сказать, Белчер?

– Нет, сэра Селвина, разве что выразить удовлетворение, что доктор Мерфи дал успокоительное Уикхему. В том состоянии он все равно не мог давать показания, и если бы в дальнейшем его привлекли к суду, сказанные им в аффекте слова можно было бы оспорить.

Хардкасл обратился к Дарси:

– Тогда я вернусь к девяти утра. До этого времени здесь останутся на дежурстве старший констебль Браунриг и констебль Мейсон, и ключ будет у них. Если Уикхему потребуется помощь, они позовут доктора Мерфи, остальных в комнату до моего возвращения пускать не следует. Полицейским потребуются одеяла, еда и питье – закуски, хлеб, как обычно.

– Все необходимое будет сделано, – подтвердил Дарси.

В этот момент Хардкасл впервые обратил внимание на пальто Уикхема, брошенное на спинку стула, и на кожаный чемодан, стоящий рядом на полу.

– Другого багажа в экипаже не было?

– Кроме чемодана, шляпной коробки и сумки, принадлежащих миссис Уикхем, там были еще два чемодана, один с вензелем «Д.У.», а другой – с именем капитана Денни. По словам Прагга, коляску наняли, чтобы отвезти джентльменов в «Кингз-Армс» в Ламтоне; чемоданы находились в коляске, пока мы не вернулись с телом капитана Денни, и только потом их отнесли в дом.

– Их необходимо осмотреть. Чемоданы я забираю с собой за исключением вещей миссис Уикхем. А пока взглянем, что у него было при себе, – заявил Хардкасл.

Он взял в руки тяжелое пальто и энергично его потряс. Три сухих листа выскользнули из-под пелерины и опустились на пол, и еще несколько, как заметил Дарси, прилипли к рукавам. Хардкасл передал пальто Мейсону, а сам стал рыться в карманах. Из левого кармана он извлек небольшие вещицы, которые обычно берут с собой в поездку: карандаш, новую записную книжку, два носовых платка, фляжку, в которой, по словам открывшего ее Хардкасла, находилось виски. В правом кармане обнаружился более интересный предмет – кожаный бумажник. Раскрыв его, Хардкасл вытащил оттуда пачку аккуратно сложенных бумажных денег и пересчитал их.

– Ровно тридцать фунтов. В новых купюрах или почти новых. Я дам вам расписку на них, Дарси, пока мы не выясним, кто их законный владелец. На эту ночь положу деньги в мой сейф. Завтра утром я получу объяснение, как к Уикхему попала эта сумма. Есть вероятность, что он взял ее у убитого Денни, и в таком случае мы получим мотив преступления.

Дарси открыл было рот, собираясь протестовать, но решил, что сделает только хуже, и промолчал.

– А сейчас предлагаю осмотреть труп. Полагаю, его охраняют? – спросил Хардкасл.

– Охраны нет, – ответил Дарси. – Тело капитана Денни находится в оружейной комнате, дверь в нее заперта. Там подходящий стол. Ключи от комнаты и от шкафа с оружием и амуницией у меня; я не видел необходимости в дополнительной охране. Мы можем пойти туда сейчас. Если нет возражений, я хотел бы предложить доктору Мерфи нас сопровождать. Мне кажется, лишнее мнение при осмотре тела не повредит.

– Не вижу никаких препятствий к этому, – сказал Хардкасл после некоторого колебания. – Несомненно, вы тоже захотите присутствовать, мне понадобятся доктор Белчер и старший полицейский Браунриг, но больше нам никто не потребуется. Не будем делать из смерти спектакль. Но нам нужно много свечей.

– Я это предвидел, – успокоил его Дарси. – В оружейную принесли дополнительные свечи. Увидите, света будет достаточно.

– Пока Браунриг будет отсутствовать, Мейсону нужен кто-то в помощь. Стаутон, думаю, подойдет. Можете позвать его, Дарси?

Стаутон будто ждал приглашения за дверями. Войдя в комнату, он молча встал рядом с Мейсоном. Взяв свечи, Хардкасл и остальные покинули помещение, и Дарси слышал, как за ними щелкнул замок.

Повсюду было так тихо, что дом казался пустым. Миссис Рейнолдс приказала всем слугам, которые еще готовили еду для завтрашнего дня, все оставить и ложиться спать, бодрствовали только она, Стаутон и Белтон. Миссис Рейнолдс ожидала приказаний в холле рядом со столом, на котором стояли свечи в высоких серебряных подсвечниках. Четыре свечи горели, их ровное пламя, казалось, не освещало темноту просторного холла, а скорее подчеркивало ее.

– Может быть, здесь больше свечей, чем нужно, но я подумала: лишние не повредят, – сказала миссис Рейнолдс.

Каждый из мужчин взял и зажег по свече.

– Остальные оставьте, – посоветовал Хардкасл. – В случае чего констебль еще принесет. – И повернувшись к Дарси: – Вы говорили, что ключ от оружейной комнаты у вас и там уже заготовлено нужное количество свечей?

– Четырнадцать, сэр Селвин. Я принес их вместе со Стаутоном. Кроме нас, никто больше не входил в комнату после того, как туда внесли тело капитана Денни.

– Тогда пошли. Чем скорее осмотрим труп, тем лучше.

Дарси почувствовал облегчение, когда Хардкасл признал его право быть в составе группы. Денни привезли в Пемберли, и естественно, что хозяин дома присутствует при осмотре тела, даже если не может принести непосредственной пользы. Дарси возглавил процессию со свечами и, проведя мужчин в заднюю часть дома, достал из кармана два ключа на брелоке и тем, который был больше, открыл дверь оружейной комнаты, оказавшейся на удивление просторной. На стенах висели картины со сценами старинной охоты и убитой дичью, а также полка с документами в ярких кожаных переплетах (по меньшей мере столетней давности), в комнате также были письменный стол красного дерева, стул и запертый шкаф с оружием и амуницией. Узкий стол явно отодвинули от стены, и теперь он стоял посередине комнаты, а на нем лежал труп, накрытый чистой простыней.

Перед тем как ехать к сэру Селвину, чтобы известить того о смерти Денни, Дарси велел Стаутону подобрать подсвечники одинаковой длины и лучшие восковые свечи, хотя догадывался, что такая расточительность вызовет недовольство у Стаутона и миссис Рейнолдс. Такого рода свечи обычно ставились в столовой. Дарси и Стаутон поставили на стол подсвечники со свечами, суживающимися кверху, в два ряда, и когда Дарси зажег их, комната ожила, окрасив напряженные лица мужчин теплым светом и смягчив даже резкие черты Хардкасла; легкий дымок благовониями воспарял ввысь, его неуловимую нежность перебивал аромат пчелиного воска. Дарси вдруг представилось, что поверхность стола с мерцающими полосками света превратилась в богато украшенный алтарь; небрежно обставленная функциональной мебелью оружейная комната преобразилась в часовню, а пятеро мужчин участвуют в погребальном обряде какой-то таинственной, но реально существующей религии.

Они стояли вокруг тела, как нетрадиционно одетые помощники священнослужителя, и тут Хардкасл откинул простыню. Правый глаз покойника почернел от запекшейся на большей части лица крови, но левый, широко открытый, с устремленным вверх зрачком, смотрел на Дарси, стоящего прямо за головой Денни, и в нем не было мрака смерти, а скорее живая укоризна.

Доктор Белчер провел руками по лицу, рукам и ногам Денни и высказал свое мнение:

– Трупное окоченение уже коснулось лица. По предварительной оценке, он мертв около пяти часов.

Хардкасл сделал быстрый подсчет в уме и сказал:

– Это подтверждает наше предположение, что он умер вскоре после того, как покинул экипаж; приблизительно в то время, когда слышались выстрелы. Его убили около девяти часов вечера. А что скажете о ране?

Доктор Белчер и доктор Мерфи придвинулись ближе и передали свои свечи Браунригу, тот, поставив свою на стол, высоко поднял их свечи, и оба доктора стали внимательно вглядываться в запекшуюся кровь.

– Чтобы понять глубину раны, надо смыть кровь, но прежде необходимо занести в протокол, что после кровоизлияния к лицу прилип кусочек сухого листа и немного земли, – сказал доктор Белчер. – Должно быть, после удара он упал плашмя. Где вода? – Доктор огляделся, как будто ожидая, что вода материализуется из воздуха.

Дарси высунулся в коридор и попросил миссис Рейнолдс принести кувшин с водой и салфетки. Все доставили очень быстро, и Дарси решил, что экономка предусмотрела возможность такой просьбы и ждала у крана в соседнем помещении. Не входя в комнату, она вручила кувшин и салфетки Дарси, а доктор Белчер тем временем подошел к саквою с инструментами, извлек оттуда ватные шарики, тщательно протер ими кожу убитого и бросил покрасневшие шарики в воду. Он и доктор Мерфи поочередно внимательно осмотрели рану и исследовали кожу вокруг.

Первым заговорил доктор Белчер:

– Его ударили чем-то тяжелым, возможно, круглой формы, но так как кожа повреждена, не могу точно утверждать, какой точно формы и размера было орудие убийства. Но в одном я уверен: он погиб не от этого удара. Не знаю, согласен ли с этим мой коллега.

Доктор Мерфи молча жал на кожу вокруг раны, а спустя минуту произнес:

– Согласен. Рана поверхностная.

Тишину нарушил суровый голос Хардкасла:

– Тогда переверните его.

Денни был грузным мужчиной, но Браунриг с помощью доктора Мерфи перевернули тело одним движением.

– Прибавьте света, пожалуйста, – попросил Хардкасл; Дарси и Браунриг взяли по две свечи и, приблизившись к труп, держали в каждой руке по свече. Воцарилось молчание: никто из присутствующих не хотел констатировать очевидное. Наконец Хардкасл сказал: – Ну вот, джентльмены, перед вами причина смерти.

У основания черепа зияла рана около четырех дюймов длиной, однако ее подлинные размеры скрывали спутанные волосы, некоторые даже попали в рану. Доктор Белчер отошел к своему саквою и вернулся с тем, что выглядело как небольшой серебряный ножик; аккуратно приподняв волосы, он открыл взгляду присутствующих всю рану, ее ширина составляла около дюйма. Волосы ниже раны плотно слиплись, но было трудно понять, случилось это из-за крови или из-за других выделений из раны. Дарси заставлял себя не отводить глаз, но смесь ужаса и жалости вызвала тошноту, поднявшуюся по пищеводу. Раздался звук, похожий на невольно вырвавшийся стон, и Дарси удивился: неужели это он издал его?

Оба врача склонились над трупом. Доктор Белчер вновь заговорил не сразу:

– Его ударили тяжелым предметом, однако рана не рваная, что заставляет предположить, что предмет был хоть и тяжелый, но не заостренный. Рана характерна для тех серьезных травм головы, когда волосы, ткань и кровеносные сосуды как бы впечатываются в кость, но даже если череп остается целым, кровоизлияние кровеносных сосудов под черепной коробкой приводит к внутреннему кровотечению между черепом и оболочкой мозга. Мы имеем дело с ударом исключительной силы; нападавший был или выше жертвы, или такого же роста. Могу прибавить, что убийца правша, а орудие убийства может быть обухом топора, то есть тяжелым, но тупым. Если б удар нанесли лезвием топора или меча, рана была бы глубже, а голова почти снесенной.

– Итак, убийца сначала напал на жертву спереди, лишил ее возможности сопротивляться, а затем, когда капитан пошатнулся, инстинктивно пытаясь утереть залитые кровью глаза, ему нанесли удар вторично, на этот раз со спины, – подвел итог Хардкасл. – Мог орудием убийства быть большой острый камень?

– Не острый – рана не рваная, – возразил Белчер. – Но тяжелый, гладкий камень мог – их, несомненно, много валяется в лесу. Ведь камни и доски для ремонта поместья возят по этой дороге, разве не так? Какие-то камни могли упасть с телеги, позже их откинули с дороги в заросли, где они, возможно, пролежали скрытые от глаз много лет. Но если орудие убийства камень, то мужчина, нанесший такой удар, – исключительно сильный человек. Более вероятно другое: когда несчастный упал лицом вниз и лежал, беспомощный, ничком, убийца с силой бросил на него камень.

– Сколько можно жить с такой раной? – спросил Хардкасл.

– Трудно сказать. Смерть могла наступить в первые секунды; во всяком случае, агония длилась недолго.

Белчер вопросительно взглянул на доктора Мерфи, и тот сказал:

– Мне знакомы случаи, когда при падении на голову не было никаких особенных симптомов, кроме головной боли; человек жил обычной жизнью, а спустя несколько часов умирал. Но это не тот случай. Рана настолько серьезная, что после нее живут очень мало, если живут вообще.

Доктор Белчер наклонился, рассматривая рану.

– Я точнее скажу о повреждении мозга, когда проведу вскрытие, – сказал он.

Дарси знал, что Хардкасл терпеть не может посмертные вскрытия, и хотя доктор Белчер неизменно побеждал в спорах по этому поводу, Хардкасл и на этот раз не удержался:

– Так ли уж это необходимо, Белчер? Разве причина смерти не понятна? Ясно, что первый удар нападавший нанес в лоб стоявшей перед ним жертве. Кровь ослепила капитана Денни, он пытался убежать от убийцы, но тот настиг его, и удар в затылок оказался смертельным. Иностранцы на лбу говорят, что он упал лицом вниз. Помните, из вашего рассказа, Дарси, я понял, что вы нашли его лежащим на спине.

– Да, сэр Селвин, и мы не меняли положения, укладывая его на носилки. Тогда я впервые увидел эту рану.

Все снова помолчали, а затем Хардкасл обратился к Белчеру:

– Спасибо, доктор. Конечно, вы можете проводить любое обследование трупа, какое сочтете нужным. У меня нет ни малейшего желания препятствовать развитию научного знания. Здесь мы сделали все, что могли. Теперь можно увозить тело. – И, повернувшись к Дарси, произнес: – Ждите меня к девяти часам утра, тогда я надеюсь поговорить с Джорджем Уикхемом, членами семьи и прислугой, чтобы установить алиби на время смерти. Уверен, вы согласитесь с такой необходимостью. Как я распорядился, старший констебль Браунриг и констебль Мейсон останутся дежурить и будут нести ответственность за охрану Уикхема. Комнату запрут изнутри, и открывать ее можно только в случае крайней необходимости. Там все время будут два охранника. Не сомневаюсь, что эти условия будут соблюдены.

– Конечно, – подтвердил Дарси. – Могу я предложить вам или доктору Белчеру перекусить перед отъездом?

– Нет, благодарю вас. – Чувствуя, что надо сказать что-то еще, Хардкасл прибавил: – Сожалею, что такая трагедия случилась на вашей земле. Конечно, это большой шок, особенно для ваших дам. То, что вы и Уикхем не ладили, ничего не меняет. Как такой же мировой судья, вы понимаете меру моей ответственности в этом деле. Я пошлю донесение коронеру и надеюсь, что дознание проведут в Ламтоне в течение нескольких дней. Присяжные будут местные. Вам, естественно, надо будет присутствовать, равно как и остальным свидетелям, нашедшим труп.

– Я приеду, сэр Селвин.

– Надеюсь, на вашу помощь с носилками – надо донести тело до катафалка, – сказал Хардкасл и прибавил, повернувшись к Браунригу: – Приступайте к охране Уикхема, а нам пришлите Стаутона. А вы, доктор Мерфи, раз уж оказались здесь и, без сомнения, хотите быть полезным, не сообразовали ли помочь перенести труп?

В течение пяти минут тело Денни, с помощью тяжело пыхтящего доктора Мерфи, вынесли из оружейной комнаты и положили в катафалк. Спящего кучера разбудили, сэр Селвин и доктор Белчер сели в карету, а Дарси и Стаутон, стоя у открытой двери, провожали их взглядом до тех пор, пока те не скрылись из глаз.

Дарси сказал вслед Стаутону, собравшемуся вернуться в дом:

– Дай ключи, Стаутон. Я сам все запру. Хочется глотнуть свежего воздуха.

Ветер стих, но тяжелые капли дождя падали на ребристую поверхность реки под полной луной. Как часто стоял он здесь в одиночестве, вырвавшись из заполненного музыкой и шумной болтовней бального зала! Сейчас за его спиной дом погружен в тишину и мрак, а красота, бывшая его утешением всю жизнь, не трогала душу. Элизабет, наверное, в постели, но он сомневался, что она спит. Дарси испытывал потребность быть рядом с ней, но он понимал, как она измучена, и даже желание услышать ее голос, почувствовать поддержку и любовь не заставило бы его разбудить жену. Но когда он вошел в дом, повернул в замке ключ и набросил тяжелые засовы, краешком глаза он заметил слабый свет позади и, обернувшись, увидел Элизабет, которая со свечой в руке спускалась по лестнице и шагнула в его объятия.

После нескольких минут блаженного молчания она нежно высвободилась из его рук и сказала:

– Любимый, ты ничего не ел с обеда, и вид у тебя усталый. Ночь почти на исходе, и тебе надо что-то съесть. Миссис Рейнолдс кормит горячим супом в маленькой столовой. Полковник и Чарльз уже там.

Но ему не удалось заснуть в нежных объятиях Элизабет. В маленькой столовой Бингли и полковник уже ели, и полковник, как обычно, решительно настроился на руководство.

– Я предлагаю, Дарси, – сказал он, – провести ночь в библиотеке, она довольно близко расположена к входной двери, и у нас будет больше уверенности в безопасности. Я взял на себя смелость попросить миссис Рейнолдс обеспечить нас подушками и одеялами. Но если тебя больше манит удобная супружеская постель, я пойму.

Про себя Дарси подумал, что нет никакой необходимости сторожить запертую и закрытую на засовы дверь, но он не мог отказаться и позволить гостю испытывать неудобство, когда сам будет нежиться в постели. Понимая, что выбора нет, Дарси сказал:

– Не думаю, что убийца Денни будет настолько неосторожен, что попытается вломиться в Пемберли, но я, конечно, переночую с тобой в библиотеке.

– Миссис Бингли спит на диване в комнате миссис Уикхем, – сказала Элизабет. – Белтон и я по первому их зову придем на помощь. Перед тем как уйти к себе, я еще раз все проверю. А вам, джентльмены, могу только пожелать спокойной ночи и хотя бы несколько часов нормального сна. Так как сэр Селвин Хардкасл приедет к девяти, я закажу ранний завтрак. А теперь желаю всем доброй ночи.

2

Войдя в библиотеку, Дарси убедился, что Стаутон и миссис Рейнолдс сделали все, чтобы ему и полковнику было здесь как можно удобнее. В камине ярко горел огонь, каждый кусок угля для создания тишины был завернут в бумагу, у каминной решетки лежали приготовленные дрова, подушки и одеяла были в достаточном количестве. На некотором расстоянии от камина на круглом столике стояло накрытое салфеткой блюдо с аппетитными пирожными, графины с винами и водой, тарелки, бокалы и салфетки.

В глубине души Дарси считал это дежурство ненужной затеей. Парадная дверь Пемберли была укреплена двойным замком и засовами, и даже если Денни убил незнакомец вроде армейского дезертира, которому угрожали, и на угрозу он ответил с беспощадной жестокостью, то и в этом случае Пемберли или его обитателям вряд ли угрожала опасность.

Дарси был одновременно усталым и возбужденным – тревожное состояние, при котором погрузиться в глубокий сон, даже будь такое возможно, означало бы отказ от ответственности. Его не оставляло предчувствие, что какая-то опасность угрожает Пемберли, хотя он не смог бы логически обосновать, в чем может проявиться опасность. Возможно, легкая дремота в одном из кресел библиотеки в компании с полковником – как раз тот отдых, на который он только и может рассчитывать в эти оставшиеся ночные часы. Когда они удобно устроились в двух мягких креслах – полковник ближе к камину, Дарси дальше, – последнему пришла в голову мысль, что кузен мог предложить это дежурство, желая сообщить ему что-то по секрету. Никто не расспрашивал полковника о его верховой прогулке как раз в районе девяти часов, и Дарси знал, что не только он, но Элизабет, Бингли и Джейн тоже хотели бы получить по этому поводу объяснения. Так как время пока не поджимало, чувство деликатности мешало задавать лишние вопросы, но это чувство не остановит Хардкасла, когда он вернется; Фицуильям должен знать, что у него, единственного из членов семьи и гостей, нет алиби. Дарси даже не рассматривал возможность причастности полковника к смерти Денни, но молчание кузена настораживало, и, что еще удивительнее для человека столь безукоризненных манер, это было невежливо.

К своему удивлению, Дарси почувствовал, что проваливается в сон гораздо быстрее, чем ожидал, он с трудом отвечал на простые вопросы, доносившиеся откуда-то издалека. Было краткое мгновение, когда Дарси обрел некое подобие сознания, это произошло при смене положения в кресле, и понял, где находится. Он бросил беглый взгляд на растянувшегося в кресле полковника – огонь озарял красивое лицо кузена, дыхание было ровным и глубоким, а потом перевел взгляд на догорающие огоньки, мелко вспыхивающие на почерневшем бревне. Расправив затекшие члены, Дарси поднялся с кресла, бережно положил в камин несколько поленьев, добавил угля и подождал, пока огонь разгорится. Потом снова забрался в кресло, натянул на себя одеяло и заснул.

Его следующее пробуждение было необычным. Он проснулся резко и мгновенно обрел сознание, все его чувства были в состоянии боевой готовности, словно он только и ждал этого момента. Свернувшись калачиком, Дарси сквозь полуприкрытые веки видел, как полковник двигался у камина, иногда закрывая собой огонь – единственный источник света в комнате. Возможно, это и разбудило его. Дарси не составляло труда притвориться спящим и следить за происходящим краешком глаза. Китель полковника висел на спинке стула, и, порывшись в кармане, он вытащил конверт. Все еще стоя, он извлек оттуда какую-то бумагу и некоторое время внимательно ее изучал. Потом Дарси видел только спину полковника, резкое движение руки и вспышку пламени – бумага сгорела. Дарси издал звук, похожий на легкий храп, и отвернулся от камина. В другое время он не скрыл бы от кузена, что бодрствует, и поинтересовался, удалось ли тому поспать; вообще этот мелкий обман выглядел неблагородно. Но страшный шок, который он испытал, увидев труп Денни в нервующем лунном свете, вызвал психическое потрясение, отчего ему стало казаться, что земля ушла из-под ног и разрушились все привычные понятия и устои, с детских лет управлявшие его жизнью. В сравнении с тем решающим моментом странное поведение полковника, отсутствие объяснений по поводу верховой прогулки и тайное сожжение какого-то документа были не столь значительными фактами, и все же они настораживали.

Дарси знал кузена с детства, и он всегда казался ему человеком простым, меньше других склонным к уловкам или обману. Но теперь жизнь его изменилась: он стал старшим сыном и наследником графского титула. Что произошло с этим галантным, беспечным молодым полковником, чья уверенность и свободная общительность так отличались от робости Дарси, под-

час парализующей? Полковник казался самым любезным, самым популярным среди мужчин. Но даже тогда он сознавал ответственность, налагаемую на него семейной традицией, определенные ожидания от него как от младшего сына. Он никогда не женился бы на Элизабет Беннет, и Дарси иногда чувствовал, что до какой-то степени утратил уважение в глазах кузена, поставив любовь к женщине выше обязательств перед семьей и классом. Похоже, Элизабет заметила перемену в полковнике, хотя никогда не обсуждала ее с Дарси, она только сказала мужу, что кузен ждет удобного момента, чтобы попросить у него руки Джорджианы. Элизабет сочла своим долгом предупредить его о предстоящем разговоре, который, естественно, не успел произойти и теперь уже никогда не произойдет; с того момента, когда пьяного Уикхема почти внесли в Пемберли, Дарси знал, что виконт Хартлеп будет искать будущую графиню в другом месте. Но больше всего его удивляло не то, что предложения руки и сердца не будет, а то, что он сам, ранее вынашивавший мысли о таком великолепном замужестве сестры, теперь был рад, что у сестры не будет подобного искушения.

Он не видел ничего странного в том, что кузен чувствовал возросшую ответственность в связи с новыми обстоятельствами. Еще бы – огромный фамильный замок; шахты, растянувшиеся на целые мили по поверхности угольных залежей, теперь принадлежавших полковнику; особняк в Уорикшире, стоящий на плодороднейших землях; и возможность, добившись такого успеха, отказаться от военной карьеры и занять место в палате лордов. Все выглядело так, словно кузен старался сознательно изменить свою личность, и Дарси задумался: может ли такое быть, и если может, то мудро ли это? Возможно, у него есть какие-то личные обязательства или проблемы, не относящиеся к вопросу наследования. Дарси в очередной раз подумал: странно, что кузену так хотелось провести ночь в библиотеке. Если ему надо было уничтожить письмо, он мог улучшить минуту и бросить его незаметно в любой камин. А может, что-то случилось и от документа пришлось срочно избавиться? Стараясь устроиться поудобнее, чтобы заснуть, Дарси сказал себе, что секретов и так хватает, так что нечего задумываться о новых, и незаметно для себя погрузился в сон.

Его разбудил полковник, раздвигавший шторы; глянув наружу, он снова их задернул со словами:

– Только начинает светать. Надеюсь, ты спал хорошо?

– Так себе. – Дарси потянулся за часами.

– Сколько времени?

– Ровно семь.

– Пожалуй, пойду взгляну, проснулся ли Уикхем. Если проснулся, его надо накормить и напоить, да и охране нужно подкрепиться. Отпустить их нельзя – инструкции Хардкасла на этот счет строгие, но, думаю, заглянуть в комнату стоит. Если Уикхем проснулся и продолжает находиться в том же состоянии, что описал доктор Мерфи, Браунригу и Мейсону придется туговато.

Дарси встал:

– Я сам пойду. А ты позвони, тебе принесут завтрак. В столовой его не подадут раньше восьми.

Но полковник уже стоял в дверях. Повернувшись, он сказал:

– Предоставь это дело мне. Чем меньше ты будешь общаться с Уикхемом, тем лучше. Хардкасл все время следит, не вмешиваешься ли ты в процесс. Он ведет дело. Тебе нельзя восстанавливать его против себя.

В глубине души Дарси признал правоту полковника. Сам он по-прежнему видел в Уикхеме гостя, но глупо игнорировать реальные вещи. Уикхем – главный подозреваемый в расследовании убийства, и у Хардкасла есть полное право рассчитывать, что Дарси не будет общаться с ним хотя бы до окончания допроса.

Только полковник вышел, как появился Стаутон с кофе, за ним служанка, занявшаяся камином, и миссис Рейнолдс с вопросом, нести ли завтрак. Издававшее резковатый запах тлеющее полено мгновенно вспыхнуло, когда подбросили сухих дров; пляшущие огоньки озарили углы библиотеки, одновременно подчеркнув сумрачность осеннего утра. Начался день, не суливший Дарси ничего, кроме неприятностей.

Полковник вернулся минут через десять, когда миссис Рейнолдс уже уходила; он сразу направился к столу и налил себе кофе.

– Уикхем мечется в постели, что-то бормочет, но по-прежнему спит и, похоже, не проснется еще какое-то время, – сказал он, усаживаясь в кресло. – Я зайду к нему еще раз около девяти и подготовлю к посещению Хардкасла. Браунрига и Мейсона хорошо накормили и напоили ночью. Браунриг сейчас дремлет в кресле, а Мейсон пожаловался, что у него затекают ноги и ему надо их размять. Но думаю, на самом деле ему требовалось посетить ватер-клозет, это новомодное устройство, которое ты у себя установил и которое вызывает непристойный интерес у всей округи; я показал ему, куда идти, и сам исполнил роль стража до его возвращения. Насколько могу судить, Уикхем успеет выспаться к началу допроса Хардкасла в девять часов. Ты собираешься при этом присутствовать?

– Уикхем находится в моем доме, а Денни убит на моей земле. Только справедливо, что мне не следует принимать участия в расследовании, которым будет руководить главный констебль, когда Хардкасл доложит ему обстоятельства дела; непохоже, что до этого главный констебль будет активно себя вести. Боюсь, все это принесет тебе лишнее беспокойство; впрочем, Хардкасл захочет провести дознание как можно скорее. К счастью, в Ламтоне есть коронер, так что проблем с отбором двадцати трех человек, которые войдут в жюри присяжных, не будет. Наберут из местных, но не уверен, что это к лучшему. Все знают, что Уикхема в Пемберли не принимают, пойдут сплетни – что да почему? Нам обоим придется давать показания, и это отодвинет на второй план твои прямые обязанности.

– Ничто не может отодвинуть их на второй план, – ответил полковник Фицуильям, – но если следствие пойдет быстро, проблем не возникнет. У Элвестона нет таких уж важных обязанностей; похоже, он с легкостью может оставить то, что называется напряженной работой в Лондоне, и жить в свое удовольствие в Хаймартене и Пемберли.

На это Дарси ничего не ответил.

– А у тебя какие планы на сегодня? – спросил после непродолжительного молчания полковник Фицуильям. – Думаю, прислуге следует сообщить, что происходит, и подготовить к допросу Хардкасла.

– Сейчас пойду к Элизабет; полагаю, она не спит, и мы вместе поговорим со слугами. Если Уикхем пришел в себя, Лидия захочет его видеть, и у нее есть на это право; потом нам всем надо подготовиться к даче показаний. Хорошо, что у нас есть алиби, и Хардкаслу не придется тратить время на тех, кто находился в Пемберли вчера вечером. Он, конечно, задаст тебе вопрос, когда ты отправился на прогулку и когда вернулся обратно.

– Надеюсь, мне удастся удовлетворить его любопытство, – сухо сказал полковник.

– Когда придет миссис Рейнолдс, скажи ей, пожалуйста, что мы с миссис Дарси позавтракаем, как обычно, в малой столовой, – попросил Дарси и покинул комнату. Прошедшая ночь была неприятной во многих отношениях, и он был рад, что она закончилась.

3

Джейн, которая ни разу со дня свадьбы не спала отдельно от мужа, чувствовала себя неуютно на диванчике близ постели Лидии; краткие периоды беспокойного сна то и дело прерывались из-за необходимости убедиться, что сестра все еще спит. Снотворное доктора Мерфи оказалось эффективным, Лидия спала крепко, но полшестого пробудилась к жизни и потребо-

вала, чтобы ее тотчас отвели к мужу. Для Джейн такая просьба была естественной и разумной, но она сочла необходимым предупредить сестру, что Уикхем скорее всего еще спит. Лидия не собиралась ждать, поэтому Джейн помогла ей одеться, что затянулось надолго: Лидия хотела выглядеть как можно лучше, она перевернула весь чемодан, показывала Джейн разные платья, требуя ее мнения, некоторые она просто швыряла на пол и ужасно беспокоилась из-за прически. Джейн задавалась вопросом, простительно ли будет разбудить Бингли, но, прислушавшись, убедилась, что из соседней комнаты не доносится ни звука, и решила не тревожить его сон. Конечно, находиться рядом с Лидией при ее первой встрече с мужем, прошедшим через серьезные испытания, – женское дело, и ей не стоит пользоваться бесконечной добротой Бингли и взваливать на него дополнительные заботы ради собственного удобства. Когда Лидию наконец удовлетворил ее вид, они взяли зажженные свечи и пошли темными коридорами к комнате, где держали Уикхема.

Их впустил Браунриг; при появлении женщин дремавший в кресле Мейсон вздрогнул и проснулся. После этого все пошло кувырком. Лидия подбежала к кровати, на которой продолжал спать Уикхем, упала на мужа, словно он умер, и зарыдала в голос. Джейн потребовалось некоторое время, чтобы осторожно отвести сестру от кровати; она прошептала Лидии, что той лучше прийти позже, когда муж проснется и сможет с ней говорить. Издав последний взрыв рыданий, Лидия позволила увести себя в свою комнату, где Джейн наконец смогла ее успокоить, а потом позвонила, чтобы им принесли ранний завтрак. Его принесла не обычная служанка, а сама миссис Рейнолдс, и Лидия, удовлетворенно отметив, с какой заботой та отобрала вкуснейшие лакомства, обнаружила, что переживания пробудили в ней голод, и с аппетитом поела. Джейн удивило, что она не поинтересовалась судьбой Денни, которого выделяла из прочих офицеров, служивших с Уикхемом в Меритоне, и новость о его ужасной смерти, преподнесенной Джейн с величайшим тактом, оставила ее почти равнодушной.

После завтрака настроение Лидии вновь изменилось, она заливалась слезами, жалела себя, говорила со страхом об их будущем с любимым Уикхемом и выражала негодование поведением Элизабет. Если б ее с мужем, как положено, пригласили на бал, они отправились бы утром надлежащим образом. Ее появление было сюрпризом, потому они и поехали лесом, иначе Элизабет могла ее и не пустить. Вина Элизабет и в том, что им пришлось нанять экипаж и остановиться в «Грин-Мэн», гостинице не того сорта, к которым привыкли она и дорогой Уикхем. Если б Элизабет была щедрее, они могли бы провести ночь пятницы в «Кингз-Армс» в Ламтоне, а на утро поехали бы на бал в экипаже, присланном из Пемберли; в этом случае Денни не поехал бы с ними и ничего бы не случилось. Джейн пришлось все это с болью выслушать; как обычно, она пыталась смягчить негодование, воззвать к терпению, вселить надежду, но Лидия слишком упивалась своим несчастьем, чтобы внимать голосу разума или следовать советам сестры.

В этом не было ничего удивительного. Лидия с детства не любила Элизабет: между такими разными людьми невозможна симпатия или нежная сестринская привязанность. Лидия, шумная, необузданная, грубая, с вульгарной речью, не поддающаяся никаким попыткам направить ее на правильную стезю, постоянно приводила в смущение старших сестер. Она была любимицей матери и во многом ее повторяла, но вражда между Элизабет и младшей сестрой объяснялась и другими причинами. Лидия подозревала – и не без оснований, – что Элизабет убеждала отца не пускать ее в Брайтон. Китти донесла, что видела, как Элизабет стучалась в дверь библиотеки и была допущена в святилище – редкая привилегия: мистер Беннет всегда настаивал, что библиотека – единственная комната, в которой он обретает мир и покой. Попытку лишить ее любимых удовольствий Лидия считала страшным преступлением, и для нее было вопросом принципа никогда об этом не забывать и не прощать.

Была и еще одна причина для неприязни: Лидия знала, что в свое время Уикхем был неравнодушен к старшей сестре. Джейн однажды услышала разговор Лидии с экономкой в оче-

редной ее приезд в Хаймартен. Это была все та же Лидия, эгоистичная и бестактная. «Естественно, что меня и мистера Уикхема никогда не пригласят в Пемберли. Миссис Дарси ревнует меня, и все в Меритоне знают почему. Она с ума сходила по Уикхему, когда его полк стоял в Меритоне, но ей не удалось его заполучить. Он выбрал другую – на мое счастье! Но думаю, Элизабет все-таки не вышла бы за Уикхема: ей нужны деньги – были бы они, тогда она с удовольствием стала бы миссис Уикхем. Ведь она вышла замуж за Дарси – этого ужасного, самодовольного, злобного человека – только из-за Пемберли и его денег. Все в Меритоне это знают».

Посвящение экономки в семейные отношения и эта смесь лжи и вульгарности в передаче безрассудных сплетен заставили Джейн задуматься, права ли она, поощряя неожиданные визиты сестры; подумав, Джейн дала себе слово в будущем прекратить их ради благополучия Бингли, детей и своего собственного. Но еще один визит придется выдержать. Джейн обещала забрать Лидию в Хаймартен днем в воскресенье, когда, как и планировалось, они с Бингли уедут; она понимала, что этим очень облегчит жизнь Элизабет: той не придется постоянно оказывать Лидии знаки внимания, смягчать неожиданные взрывы горя, выслушивать капризные жалобы. Джейн беспомощна перед обрушившейся на Пемберли трагедией, но посильную помощь она могла оказать своей любимой Элизабет.

4

Элизабет спала урывками; короткие периоды блаженного беспомыслия сменялись кошмарами, которые выводили ее из сна, возвращая к ужасным событиям, погрузившим Пемберли во мрак. Инстинктивно она тянулась к мужу, но сразу вспоминала, что он остался на ночь в библиотеке с полковником Фицуильямом. Она подавляла почти бессознательное желание встать с кровати и ходить по комнате и усилием воли заставляла себя вновь пытаться заснуть. Тонкие простыни, обычно такие прохладные и удобные, ощущались как путы, а набитые тончайшим пухом подушки казались горячими и жесткими, их приходилось постоянно взбивать и переворачивать.

Мысли ее перенесли к Дарси и полковнику. Нелепо, что они спят или пытаются спать в неудобных условиях, особенно после такого тяжелого дня. И зачем полковник Фицуильям это предложил? Элизабет знала: то была его идея. Может быть, он хотел сказать Дарси что-то важное и ему требовалось провести с ним несколько часов наедине? Касалось ли это его таинственной вечерней поездки или Джорджианы? Потом ей пришло в голову, что, возможно, он хотел помешать ей и Дарси провести время наедине; после возвращения мужчин из леса они с мужем провели вместе всего несколько минут. Но Элизабет отбросила эту мысль, сочтя ее абсурдной, и стала искать удобное положение, чтобы заснуть.

Она чувствовала, что очень ослабела физически, но мозг ее работал активно как никогда. До приезда сэра Селвина Хардкасла нужно многое сделать, думала Элизабет. Надо известить пятьдесят семейств об отмене бала; было бессмысленно отправлять письма вчера поздно вечером, когда большинство адресатов, без сомнения, уже легли спать; но, возможно, ей следовало лечь еще позже и начать-таки заниматься этим делом. Однако она знала, что у нее есть более неотложная обязанность. Вчера Джорджиана легла рано и еще ничего не знает о ночной трагедии. После попытки ее обольстить семь лет назад Уикхема никогда не принимали в Пемберли, даже имя его здесь не упоминали. Считалось, что этого случая как бы не было. Однако Элизабет понимала, что прошлая боль только усилит новую, связанную со смертью Денни. Сохранилось ли у Джорджианы какое-то чувство к Уикхему? И как сейчас, особенно в присутствии двух поклонников в доме, выдержит она встречу с ним, тем более в обстановке подозрений и тревоги? Элизабет и Дарси планировали собрать всех слуг после того, как те позавтракают, и сообщить им трагическую новость, но невозможно хранить в секрете пребывание в доме

Лидии и Уикхема от горничных, которые с пяти часов моют и убирают комнаты и разводят огонь в каминах. Элизабет знала, что Джорджиана просыпается рано, горничная раздвигает шторы и приносит ей утренний чай ровно в семь. Именно Элизабет должна первая поговорить с Джорджианой – раньше, чем кто-нибудь другой неосторожно выпалит ей все эти новости.

Она взглянула на маленькие позолоченные часы на ночном столике – было пятнадцать минут седьмого. Сейчас, когда спать нельзя, Элизабет почувствовала, как ее неодолимо тянет в сон, но ей надо прийти в форму еще до семи, и за десять минут до нужного времени она зажгла свечу и тихо пошла по коридору к комнате Джорджианы. Элизабет всегда просыпалась рано, когда дом только начинал оживать, в предчувствии счастья будущих часов, наполненных делом и радостью мирного общения. Она и сейчас слышала негромкие отдаленные звуки, словно скреблись мыши, это означало, что прислуга уже работает. На этом этаже она вряд ли встретит кого-нибудь, а если встретит, служанки улыбнутся и прижмутся к стенам, давая ей пройти.

Элизабет тихонько постучала в дверь Джорджианы и, войдя, увидела, что та уже стоит у окна в халате и смотрит в темноту. Почти сразу же вошла горничная; Элизабет взяла у нее поднос и поставила на ночной столик. Джорджиана как будто чувствовала, что не все в порядке. Как только горничная вышла из комнаты, она торопливо подошла к Элизабет и озабоченно спросила:

– Ты не заболела, дорогая Элизабет? Выглядишь усталой.

– Не заболела, но встревожена. Давай присядем, Джорджиана, я должна кое-что сказать тебе.

– Это касается мистера Элвестона?

– Нет, не мистера Элвестона.

И Элизабет вкратце рассказала о том, что случилось прошлым вечером. Она описала сцену, как глубоко потрясенный Уикхем стоял на коленях перед телом капитана Денни, но скрыла произнесенные им слова, которые передал ей Дарси. Пока она говорила, Джорджиана сидела молча, сложив руки на коленях. Взглянув на нее, Элизабет увидела, как две слезы блеснули в глазах девушки и непроизвольно скатились по щекам. Она сжала в своей руке руку Джорджианы.

Спустя мгновение Джорджиана вытерла глаза и спокойно произнесла:

– Тебе, должно быть, кажется странным, дорогая Элизабет, что я оплакиваю незнакомого молодого человека, но мне вспомнилось, как счастливы мы были в музыкальном салоне, а ведь когда я играла и пела с мистером Элвестоном, меньше чем в двух милях от нас капитана Денни хладнокровно убили. Что будет с его родителями, когда они получат это ужасное известие? Какая потеря, какой удар для его друзей! – И, увидев удивление на лице Элизабет, прибавила: – Дорогая сестра, может быть, ты думаешь, что я оплакиваю мистера Уикхема? Но он жив, и они с Лидией скоро опять будут вместе. Я рада за них. Неудивительно, что мистера Уикхема так потрясла смерть друга и невозможность его спасти, но, Элизабет, пожалуйста, не думай, что меня волнует его появление в нашей жизни. Время, когда мне казалось, что я влюблена в него, давно прошло, и теперь я знаю: то чувство не было любовью, просто я помнила, как по-доброму относился он ко мне в детстве, испытывала благодарность за его внимание в то время, когда была одинока. Я уверена, что никогда не убежала бы с ним. Даже в то время бегство казалось детским приключением, а не реальностью.

– Джорджиана, он действительно намеревался жениться на тебе. И никогда этого не отрицал.

– Да, он к этому относился серьезно. – Джорджиана покраснела и прибавила: – Но он обещал, что до свадьбы мы будем жить как брат и сестра.

– И ты ему поверила?

Голос Джорджианы стал печальнее.

– Да, я поверила. Но он никогда не любил меня, ему были нужны деньги, только деньги. У меня нет к нему недобрых чувств, но он причинил боль и обиду моему брату, и мне не хотелось бы его видеть.

– Так лучше всего; тебе нет необходимости его видеть, – сказала Элизабет. Она не договорила, что если только Джорджу Уикхему не повезет, его еще утром увезут из Пемберли под охраной полиции.

Они выпили чай, лишь изредка перекидываясь отдельными словами. Когда Элизабет поднялась, собираясь уходить, Джорджиана сказала:

– Фицуильям никогда не говорит о мистере Уикхеме или о том, что тогда случилось. Лучше, если б говорил. Так важно, чтобы любящие люди могли открыто и откровенно обсуждать все, что для них важно.

– Я тоже так считаю, – поддержала ее Элизабет, – но иногда это трудно. Нужно найти подходящий момент.

– Мы его никогда не найдем. От той истории остался только горький осадок – стыд, что я разочаровала горячо любимого брата, и уверенность в том, что он никогда больше не будет доверять моему мнению. Но, Элизабет, мистер Уикхем не злой человек.

– Только опасный и очень глупый, – вставила Элизабет.

– Я рассказала эту историю мистеру Элвестону, и он думает, что мистер Уикхем был влюблен, хотя и руководствовался потребностью в деньгах. С мистером Элвестоном я говорю свободно, почему же не могу так говорить со своим братом?

– Выходит, мистер Элвестон посвящен в тайну, – сказала Элизабет.

– Конечно, мы ведь близкие друзья. Но мистер Элвестон поймет, как понимаю и я, что мы не можем стать еще ближе, пока над Пемберли не разошлись темные тучи. Он еще не объяснился, и у нас нет тайной помолвки. Я не стала бы скрывать такое от тебя, дорогая Элизабет, или от брата, но мы оба знаем, что таится в наших сердцах, и будем смиренно ждать.

Итак, в семье есть еще один секрет. Элизабет казалось, она понимает, почему Генри Элвестон еще не посватался к Джорджиане и не открыл своих намерений. Похоже, он воспользовался случаем, чтобы оказать Дарси посильную помощь, и оба они, Элвестон и Джорджиана, обладают достаточной чувствительностью, чтобы понять: великое счастье разделенной любви не празднуют в тени виселицы. Но она только поцеловала Джорджиану, шепнула, что ей очень нравится мистер Элвестон, и пожелала счастья им обоим.

Пора одеваться и начинать день. Мысль, как много надо успеть сделать до приезда в девять часов сэра Селвина Хардкасла, угнетала Элизабет. Главное – разослать письма приглашенным гостям с объяснениями – без подробностей, – почему бал отменили. Джорджиана сказала, что заказала завтрак к себе в комнату, но кофе пить будет со всеми в столовой и постарается чем может ей помогать. Лидии тоже принесли завтрак в комнату, Джейн составила ей компанию, а так как дамы уже оделись и комнату привели в порядок, скучавший без жены Бингли присоединился к ним.

Как только Элизабет оделась и Белтон оставила ее, чтобы узнать, не нужна ли помощь Джейн, Элизабет разыскала Дарси, и они вместе отправились в детскую. Обычно этот ежедневный визит проходил после завтрака, но сейчас обоих преследовал суеверный страх, что нависшее над Пемберли несчастье может затронуть детей, и им не терпелось убедиться, что в детской все благополучно.

Но в этом безмятежном, изолированном мирке ничего не изменилось. Мальчики с восторгом встретили родителей, пришедших в необычное время, и после первых крепких объятий миссис Донован отвела Элизабет в сторону и тихо сказала:

– Миссис Рейнолдс была так добра, что пришла ко мне чуть свет и сообщила о смерти капитана Денни. Для нас всех это большой шок, но смею заверить вас, что мастер Фицуильям

ничего не узнает, пока сам мистер Дарси не сочтет необходимым рассказать ему то, что можно сообщить ребенку. Не волнуйтесь, мадам, ни одна служанка не придет сюда сплетничать.

Когда они вышли из детской, Дарси поблагодарил Элизабет, сказав, что испытал большое облегчение, когда узнал, что Джорджиане все известно и что сестра приняла печальные новости достаточно твердо. Однако Элизабет не могла не почувствовать, что в сознании мужа вновь всплыли старые сомнения и тревоги и что он хотел бы оградить Джорджиану от всего, что напоминает ей о прошлом.

За несколько минут до восьми Элизабет и Дарси вошли в столовую, где за столом сидел только один Генри Элвстон; кофе выпили много, но обычный завтрак из яиц, домашнего бекона, сосисок и почек, расставленный на буфете под серебряными крышками, почти никто не тронул.

За завтраком ощущалась неловкость, чего обычно никогда не было; положение не изменилось с приходом полковника и следом за ним – Джорджианы. Девушка села между Элвстоном и полковником и, когда Элвстон передавал ей кофе, сказала:

– Если хочешь, Элизабет, давай после завтрака займемся письмами. Составь текст, а я стану делать копии. Всем можно послать одинаковые письма, и они, конечно, должны быть краткими.

Последовало молчание, которое всеми переживалось тягостно, потом полковник обратился к Дарси:

– Думаю, мисс Дарси следует покинуть Пемберли, и как можно скорее. Ей не стоит иметь отношение к этому делу и давать показания сэру Селвину или констеблям, если они этого потребуют.

Джорджиана побледнела, но голос ее звучал твердо:

– Я хочу быть полезной. – Она повернулась к Элизабет: – У тебя сегодня будет много дел, поэтому дай мне текст, я напишу сама все письма, тебе останется только подписать.

– Прекрасный план, – поддержал ее Элвстон. – Записки должны быть предельно краткими. – И обратился к Дарси: – Позвольте и мне помочь, сэр. Если мне дадут быстрого коня, я могу развезти письма. Большинству гостей я незнаком, что поможет избежать ненужных объяснений, которые пришлось бы давать члену семьи. Мы с мисс Дарси могли бы внимательно изучить карту местности и разработать быстрый и рациональный маршрут. Семейства, у которых есть приглашенные близкие соседи, могут сами передать письма.

Элизабет подумала, что кто-то из гостей, несомненно, получит удовольствие от такой задачи. Если что и может компенсировать отсутствие бала, так это разыгравшаяся в Пемберли драма. Конечно, друзья посочувствуют их переживаниям и напишут ответные послания со словами утешения и поддержки и во многих письмах будут искренние чувства и подлинное беспокойство. Нельзя позволять цинизму принижать порывы любви и сострадания.

– Моя сестра не будет принимать никакого участия в происходящем, – произнес Дарси ледяным голосом. – Она не имеет ни к чему отношения, и будет неуместно втягивать ее в эту историю.

Голос Джорджианы звучал тихо, но не менее твердо:

– Но, Фицуильям, я имею к этому отношение. Все имеют.

Прежде чем Дарси успел ответить, заговорил полковник:

– Мисс Джорджиана, важно, чтобы вы не находились в Пемберли, пока расследование не закончилось. Сегодня вечером я отправлю с курьером письмо леди Кэтрин и не сомневаюсь, что она тут же пригласит вас в Розингс. Я знаю, что вы не очень любите там бывать и это приглашение будет до некоторой степени нежеланным, но ваш брат должен знать, что вы в надежном месте и что ни ему, ни миссис Дарси не надо волноваться о вашей безопасности и благополучии. Не сомневаюсь, что вы с вашим здравым смыслом увидите мудрость – и надлежащее приличие – в том, что вам предлагают.

Не обратив внимания на его слова, Джорджиана сказала брату:

– Тебе не надо беспокоиться. Пожалуйста, не отсылай меня. Я только хочу помочь Элизабет и надеюсь, у меня это получится. Не понимаю, что тут неприличного.

– Простите меня, сэр, – неожиданно вмешался Элвестон, – но я не могу молчать. Вы указываете мисс Дарси, что ей делать, словно она ребенок. Мы вступили в девятнадцатое столетие; и не надо быть учеником миссис Уолстонкрафт⁷, чтобы понять: женщина имеет право голоса, когда дело касается ее самое. Прошло несколько столетий с тех пор, как признали, что у женщины есть душа. Не пора ли признать, что у нее есть и разум?

Полковник с трудом сдержался:

– Советую приберечь эту речь для Олд-Бейли.

– Я думал только о твоем благополучии, – сказал Дарси сестре. – Конечно, если хочешь, оставайся. Элизабет пригодится твоя помощь.

Все это время Элизабет молчала, боясь, как бы ее вмешательство не усложнило дело, но теперь заговорила:

– Еще как пригодится. Когда приедет сэр Селвин Хардкасл, мне придется окружить его вниманием, и я просто не представляю, как смогу одна справиться с письмами. Тогда, может быть, прямо сейчас и приступим?

С силой оттолкнув стул, полковник сухо поклонился Элизабет и Джорджиане и вышел из комнаты.

Элвестон встал и обратился к Дарси:

– Просите, сэр, что позволил себе вмешаться в семейные дела, которые меня не касаются. Я говорил неразумно, а излишняя пылкость была невежлива.

– Извинения скорее надо приносить полковнику, а не мне, – поправил его Дарси. – Ваша критика была, возможно, неуместна и дерзка, но это не значит, что она была несправедлива. – И, повернувшись к Элизабет, произнес: – Когда ты решишь проблему с письмами, дорогая, думаю, нам сразу надо пойти и поговорить со слугами – и с домашними, и с наемными. Миссис Рейнолдс и Стаутон скажут им только то, что произошел несчастный случай и бал отменили, и это, конечно, вызовет переполох и волнение. Сейчас я вызову миссис Рейнолдс и скажу, что мы спустимся к слугам в холл, как только ты составишь черновик для Джорджианы.

5

Уже через тридцать минут Дарси и Элизабет вошли в служебный холл под скрип шестнадцати отодвигаемых стульев и разногласного «Доброе утро, сэр» в ответ на приветствие Дарси, произнесенного так тихо, что его с трудом можно было услышать. Элизабет поразили накрахмаленные и сверкающие белизной фартуки и гофрированные чепчики, пока она не вспомнила, что в день бала леди Энн вся прислуга по указанию миссис Рейнолдс уже с утра безукоризненно одета. В воздухе пахло выпечкой и прочими дразнящими ароматами; так как других приказов не поступало, часть пирогов и закусок уже готовились. Когда Элизабет проходила мимо открытой двери в зимний сад, ее оглушил сладковатый запах срезанных цветов, теперь уже ненужных; сколько из них доживет до понедельника, подумала она. И что делать с множеством птиц, ощипанных для жарки, огромными кусками мяса, фруктами из теплиц, белым супом и освежающими напитками? Что-то еще не пустили в дело, но если не вмешаться, образуется гора деликатесов, которым нельзя дать испортиться. Казалось, сейчас не время беспокоиться о том, что может показаться мелочью, но все так перемешалось. Почему полковник Фицуильям молчит о своей вечерней верховой прогулке и не рассказывает, где он был? Вряд ли просто катался вдоль реки при сильном ветре. И что будет с Лидией, если Уикхема арестуют и увезут?

---

⁷ Мэри Уолстонкрафт (1759–1797) – английская писательница, философ, феминистка. Мать Мэри Шелли.

Все допускали такую возможность, хотя не говорили об этом открыто. Сомнительно, что она захочет остаться в Пемберли, однако ей нужно предложить кров где-то неподалеку от местопребывания мужа. Наверное, лучше и удобнее всего ей пожить в Хаймартене, но справедливо ли это по отношению к Джейн?

Прокручивая в голове все эти мысли, она почти не вникала в то, что говорит муж, хотя в холле стояла абсолютная тишина; только последние предложения дошли до ее сознания. Ночью вызвали сэра Селвина Хардкасла, и тело Денни отвезли в Ламтон. Сэр Селвин вернется в девять часов утра, чтобы опросить всех, кто находился вчера вечером в Пемберли. При разговоре с персоналом он и миссис Дарси будут присутствовать. Никого из слуг ни в чем не подозревают, но очень важно отвечать правдиво на вопросы сэра Селвина. В остальное время им следует заниматься своими делами, не обсуждая случившееся и не сплетничая по этому поводу. В лес пока никому ходить нельзя, за исключением мистера и миссис Бидуэлл и их родственников.

Сообщение было встречено молчанием, и Элизабет понимала, что от нее ждут пояснений. Поднявшись, она встретила шестнадцать пар устремленных на нее расстроенных и встревоженных глаз, люди ждали, что им скажут: все в конце концов будет хорошо, лично им бояться нечего, и Пемберли останется, как и прежде, их надежным родным домом.

– Бал, конечно, теперь не состоится, – начала Элизабет, – приглашенным гостям мы разошлем письма, кратко сообщив о случившемся. В жизнь Пемберли вошла большая трагедия, но я знаю, что все вы будете по-прежнему честно исполнять свой долг, сохранять спокойствие, сотрудничать с сэром Селвином Хардкаслем и помогать следствию, как всем нам следует. Если вас что-то особенно беспокоит или вы хотите предоставить какую-то информацию, сначала обратитесь к мистеру Стаутону или миссис Рейнолдс. Мне же хочется поблагодарить вас за многочасовой труд по подготовке бала леди Энн. Мы с мистером Дарси глубоко сожалеем, что по не зависящим от нас трагическим причинам все было зря. И верим в нашу взаимную преданность и верность, которые всегда лежат в основе жизни в Пемберли. Не бойтесь за вашу безопасность и за ваше будущее: за свою долгую историю Пемберли пережил не одно испытание, переживет и это.

Ее последние слова были встречены аплодисментами, которые быстро остановил Стаутон; он и миссис Рейнолдс выразили от лица присутствующих сочувствие хозяевам и подтвердили намерение следовать инструкциям мистера Дарси. Затем все вернулись к своим обязанностям, зная, что их снова соберут, когда приедет сэр Селвин Хардкасл. Когда Дарси и Элизабет вернулись к себе, Дарси сказал:

– Наверное, я сказал меньше, чем надо, а ты, дорогая, чуточку больше, но вместе, думаю, мы справились. А сейчас надо собраться с духом перед встречей с законом в лице сэра Селвина Хардкасла.

6

Визит сэра Селвина оказался гораздо короче и не такой напряженный, как опасались супруги Дарси. Сэр Майлс Калпеппер, главный констебль, написал в прошлый четверг своему дворецкому, что вернется в Дербишир в понедельник к обеду, о чем дворецкий благоразумно сообщил сэру Селвину. Причина изменений планов сэра Майлса не называлась, но сэр Селвин сразу понял, в чем дело. Посещение сэром Майлсом и леди Калпеппер Лондона с его великолепными магазинами и заманчивыми развлечениями послужило к раздору, обычному в браках, где старый муж считает, что деньги созданы для того, чтобы их приумножать, а молодая и хорошенькая жена твердо уверена, что их следует тратить: иначе как люди узнают, что у них вообще водятся деньги? Получив первые счета за экстравагантные расходы жены в столице, главный констебль почувствовал неудержимое стремление вернуться к исполнению служеб-

ного долга и объявил жене, что надо срочно возвращаться домой. Хотя Хардкасл сомневался, что его письмо с изложением произошедшей трагедии успело попасть в руки сэра Майлса, но одно он знал наверняка: узнав о случившемся, главный констебль потребует полный отчет о ходе расследования. Было нелепо подозревать, что полковник виконт Хартлеп или другие обитатели Пемберли имеют какое-то отношение к смерти Денни, и потому сэр Селвин не собирался надолго задерживаться в Пемберли. Старший констебль Браунриг по приезде выяснил, что после отъезда полковника Фицуильяма на прогулку никто ни верхом, ни в карете не покинул Пемберли. Основным подозреваемым, которого требовалось срочно допросить, был Уикхем. Сэр Селвин приехал в поместье, не забыв о тюремном фургоне и двух офицерах, с намерением доставить подозреваемого в более подходящие условия, а именно в тюрьму Ламтона; там он собирался вытрясти из него всю необходимую информацию и представить главному констеблю полный и внушительный отчет о своей деятельности и работе своих помощников.

Так что теперь Дарси имели дело с необычно любезным сэром Селвином, который даже согласился позавтракать перед разговором с членами семьи; их вместе с Генри Элвестоном и полковником допросили в библиотеке. Интерес был проявлен только к рассказу полковника. Тот начал с того, что извинился перед супругами Дарси за свое молчание. Он ездил в «Кингз-Армс» по договоренности с одной дамой, которой требовались его совет и помощь в деликатном деле, связанном с ее братом, служившим ранее под его началом. Она гостила у родственников в городке, и полковник предложил встретиться в гостинице, что было не так официально, как встреча в его лондонском ведомстве. Он не говорил ранее об этой встрече, ожидая, что дама покинет Ламтон прежде, чем о ее посещении гостиницы станет известно и она окажется предметом всеобщего любопытства. Если потребуется, он может назвать ее имя и лондонский адрес; однако свидетельства хозяина гостиницы и клиентов, которые пьянствовали там в момент его приезда и последующего отъезда, и без этого обеспечат ему алиби.

– Это вряд ли понадобится, лорд Хартлеп, – сказал самодовольно Хардкасл. – По дороге сюда мне не составило труда заехать в «Кингз-Армс» и поинтересоваться, не останавливались ли у них в пятницу неизвестные люди, и мне сразу рассказали об этой даме. Ваша подруга произвела большое впечатление в гостинице: она приехала в красивой карете, взяв с собой горничную и слугу. Думаю, она не скупилась на чаевые, и хозяин расстроился, когда она уехала.

Подошло время допрашивать прислугу. Людей собрали, как и прежде, в служебном холле, отсутствовала лишь миссис Донован, отказавшаяся оставить детскую без надзора. Так как чувство вины больше присуще невинным людям, чем преступникам, атмосфера в холле была не столько выжидательная, сколько тревожная. Хардкасл твердо решил, насколько возможно, сделать свою речь обнадеживающей и краткой, но этому намерению частично помешали его обычные суровые предупреждения об ужасных последствиях для лиц, отказавшихся сотрудничать с полицией или утаивших нужную информацию.

Уже более спокойным голосом Хардкасл продолжил:

– Я несколько не сомневаюсь, что в вечер накануне бала леди Энн у вас было много важных забот и никакого желания отправиться в бурную ночь в густой лес, чтобы убить незнакомого вам человека. А сейчас я попрошу поднять руки тех, у кого есть какая-то информация по этому делу, и тех, кто отлучался из Пемберли с семи вечера до семи утра сегодняшнего дня.

Поднялась только одна рука.

– Бетси Коллард, сэр, горничная, – шепнула миссис Рейнолдс.

Хардкасл потребовал, чтобы она встала, и Бетси тут же поднялась без тени смущения. Эта плотная, уверенная в себе девушка говорила ясно и четко:

– В среду я и Джоан Миллер ходили в лес, сэр, и видели призрак старой миссис Рейли так же отчетливо, как я вижу вас. Она пряталась среди деревьев в черном плаще с капюшоном, но в лунном свете ее лицо было хорошо видно. Мы испугались и быстро бросились бежать. Она не преследовала нас. Но мы видели ее, сэр, клянусь Богом!

Попросили встать и Джоан Миллер, и та, явно перепуганная, робко пробормотала, что Бетти говорит правду. Хардкасл почувствовал, что вторгается в таинственный и зыбкий женский мир. Он просительно посмотрел на миссис Рейнолдс, которая пришла ему на помощь.

– Вы хорошо знаете, Бетси и Джоан, что покидать Пемберли вечером без сопровождения запрещено, а верить, что мертвые могут ходить по земле, глупо и не по-христиански. Мне стыдно, что у вас в голове такие извращенные представления. Я жду вас обеих у себя в гостиной после того, как сэр Селвин Хардкасл закончит допрос.

Сэр Селвин понял, что такая перспектива испугала девушек больше, чем все его слова. Они пробормотали: «Хорошо, миссис Рейнолдс» – и быстро сели.

На Хардкасла произвела большое впечатление мгновенная реакция на слова экономки, и он счел уместным восстановить свой статус окончательным увещанием:

– Я удивлен, что девушки, которым повезло работать в Пемберли, разделяют такие суеверия. Вы изучали катехизис?

В ответ раздалось разноголосое: «Да, сэр».

Хардкасл вернулся на хозяйскую половину, к Дарси и Элизабет; его откровенно радовало, что осталась самая легкая часть задачи – увезти Уикхема. На арестованного надели наручники и, чтобы не подвергать дальнейшему унижению, вывели из дома тайно; сопровождал его только Дарси, который считал своим долгом пожелать Уикхему удачи и проводить его взглядом, пока Браунриг и Мейсон усаживали несчастного в тюремный фургон. Затем Хардкасл забрался в свой экипаж, но не успел еще кучер щелкнуть кнутом, как судья выглянул из окна и крикнул Дарси:

– Ведь катехизис запрещает поклонение идолам и суеверия, не так ли?

Дарси помнил, как мать учила его катехизису, но в его памяти осталось только то, что нельзя красть; этот запрет всплывал в его памяти со смущающей частотой в детстве, когда он и Джордж Уикхем ездили на пони в Ламтон и видели согнувшиеся под тяжестью спелых яблок ветви, которые свисали с забора сэра Селвина и словно манили к себе.

– Я думаю, сэр Селвин, – сказал серьезно Дарси, – можно считать, что катехизис не содержит ничего, что противоречит уставу и практике англиканской церкви.

– Именно так. Именно так. Я разделяю ваше мнение. Глупые девчонки.

И сэр Селвин, удовлетворенный успешным визитом, дал знак кучеру, и экипаж, за которым следовал тюремный фургон, покотился с грохотом по подъездной аллее, провожаемый, пока не скрылся из виду, взглядом Дарси. Хозяину Пемберли пришло на ум, что у него стало привычкой встречать и провожать гостей поместья, но тюремный фургон с Уикхемом приподнял завесу над тяжелыми воспоминаниями и несчастьями, связанными с Пемберли, и он от всей души пожелал, чтобы не возникла необходимость еще раз до следствия встретиться с сэром Селвином Хардкаслем.

Часть четвертая. Следствие

1

Считалось само собой разумеющимся и в семье, и среди прихожан, что мистера и миссис Дарси, а также всех их домочадцев можно видеть каждое воскресенье в одиннадцать часов утра в сельской церкви Святой Марии. Известие о смерти капитана Денни распространилось с потрясающей быстротой, и отсутствие семейства на службе приписали бы или косвенному признанию в причастности к преступлению, или уверенности в вине мистера Уикхема. По общепринятому мнению, церковная служба дает законную возможность пастве оценить не только внешний вид, манеры, умение одеваться и возможный достаток новичков, но и поведение некоторых соседей, про которых известно, что они находятся в интересном положении, к коему причисляется не только беременность, но и многое другое, вплоть до банкротства. Хладнокровное убийство, совершенное в поместье одного из прихожан его сводным родственником, с которым тот находился во враждебных отношениях, неизбежно вызвало приток людей, явившихся на воскресную службу, приехали даже давно болевшие члены конгрегации, чья болезнь не позволяла им много лет присутствовать на богослужениях. Конечно, никто не был до такой степени невоспитан, чтобы открыто проявлять любопытство, но многое можно понять по рукам, воздеваемым в молитве, или по взгляду из-под шляпки во время пения гимна. Преподобный Персивал Олифант, который уже нанес частный визит в Пемберли, чтобы выразить соболезнование и сочувствие, сделал все, что смог, желая смягчить испытания, выпавшие на долю семьи: во-первых, он произнес невероятно длинную, маловразумительную проповедь об обращении святого Павла, а во-вторых, вовлек мистера и миссис Дарси при выходе из церкви в такой пространный разговор, что остальным прихожанам, которым не терпелось скорее попасть к ленчу с холодным мясом, пришлось довольствоваться реверансом или поклоном, перед тем как сесть в карету или ландо.

Лидия не выходила из своей комнаты, и Бингли задержались в Пемберли, ухаживая за ней и делая приготовления для возвращения в тот же день домой. Так как Лидия после приезда разворошила всю одежду, то, чтобы уложить вещи в чемодан по ее вкусу, потребовалось гораздо больше времени, чем упаковать все чемоданы семейства Бингли. Однако к возвращению Дарси и Элизабет к ленчу все было наконец закончено, и в двадцать минут третьего Бингли уже сидели в экипаже. Последние прощальные слова сказаны, и кучер натянул поводья. Экипаж тронулся, выехал на широкую дорогу, идущую вдоль реки, затем покатился вниз по склону и вскоре исчез. Элизабет стояла, глядя вслед карете, словно могла взглядом вернуть ее, а затем все, кто стоял на крыльце, повернулись, чтобы вернуться в дом.

В холле Дарси остановил Фицуильяма и Элвестона:

– Буду признателен, если вы через полчаса присоединитесь ко мне в библиотеке. Именно мы трое нашли убитого Денни, и нам придется давать показания на следствии. Сегодня утром после завтрака приезжал посыльный от сэра Селвина с сообщением, что коронер, доктор Иона Мейкпис, назначил заседание на одиннадцать часов в среду. Хочется убедиться, что наши воспоминания сходятся, особенно в том, что было сказано Уикхемом в первые минуты, и вообще полезно обсудить, как себя вести. То, что мы видели и слышали, так невероятно, а лунный свет настолько обманчив, что подчас мне нужно убеждать себя, что все произошло на самом деле.

Раздались слова одобрения, и в точно назначенное время полковник Фицуильям и Элвестон вошли в библиотеку, где их уже ждал Дарси. У прямоугольного стола со столешницей, расписанной картами, стояли три стула, а по разным сторонам камина – два кресла с чехлами на пуговицах. После некоторого колебания Дарси жестом предложил гостям сесть в кресла, а

сам, придвинув стул, расположился между ними. Ему показалось, что Элвестон, присевший на край кресла, чувствует себя неловко и чуть ли не смущен. Это так не вязалось с его обычной уверенностью в себе, что Дарси даже удивился, когда Элвестон заговорил с ним первый:

– Вы, конечно, свяжетесь со своим адвокатом, сэр, но в его отсутствие, если я могу чем-то помочь, то я к вашим услугам. Будучи свидетелем, я не могу представлять в суде интересы мистера Уикхема или хозяев Пемберли, но если вы сочтете, что от меня может быть польза, я могу воспользоваться на некоторое время гостеприимством миссис Бингли. Она и мистер Бингли были так добры, что предложили еще пожить у них.

Он говорил нерешительно; этот умный, удачливый, даже несколько высокомерный молодой адвокат вдруг превратился в неуверенного и неловкого юнца. И Дарси понимал почему. Элвестон боялся, что его предложение может быть истолковано, особенно полковником Фицуильямом, как хитрость, позволяющая быть поблизости от Джорджианы. Дарси колебался лишь несколько секунд, но этого времени хватило, чтобы Элвестон продолжил:

– У полковника Фицуильяма есть опыт в проведении военно-полевых судов, так что, возможно, вам не нужны мои советы, тем более что полковник в отличие от меня хорошо знает местные проблемы.

Дарси повернулся к полковнику Фицуильяму:

– Думаю, ты согласишься, Фицуильям, что нам пригодится любая юридическая помощь.

– Я не мировой судья и никогда им не был, – заявил невозмутимо полковник, – также не могу утверждать, что редкое участие в практике военно-полевых судов позволяет мне считать себя специалистом в гражданском уголовном праве. Так как я, в отличие от Дарси, не являюсь родственником Джорджа Уикхема, то у меня нет другого *locus standi*⁸, кроме как в роли свидетеля. А какие советы полезны, пусть решает Дарси. Как признает сам мистер Элвестон, трудно понять, чем он может помочь в теперешней ситуации.

– Думаю, ездить ежедневно из Хаймартена в Пемберли – бессмысленная трата времени, – сказал Дарси Элвестону. – Миссис Дарси поговорила с сестрой, и мы все надеемся, что вы примете наше приглашение остаться в Пемберли. Сэр Селвин Хардкасл может потребовать, чтобы вы не уезжали до конца следствия, хотя не уверен, что это будет справедливое требование: ведь вы дадите показания коронеру. Но не повредит ли долгое отсутствие вашей практике? Говорят, вы очень заняты. Мы не хотим, чтобы вы помогли нам в ущерб себе.

– В течение восьми дней у меня нет дел, требующих личного присутствия, а мой партнер достаточно компетентен, чтобы справиться с текущими вопросами, – ответил Элвестон.

– Тогда я буду благодарен вам за любой совет, какой вы сочтете нужным дать. Юристы, представляющие Пемберли, имеют в основном дело с семейными проблемами – завещаниями, покупкой и продажей собственности, местными разногласиями и, насколько я знаю, совсем не занимаются убийствами, во всяком случае в Пемберли. Я уже написал им о случившемся, и теперь пошлю еще одно сообщение – о вашем участии. Должен вас предупредить, что сэр Селвин Хардкасл вряд ли пойдет на сотрудничество. Он опытный и справедливый мировой судья, подробно вникающий в уголовные следствия, которые обычно перекладываются на деревенских констеблей, и никогда не допускает никакого ущемления своей власти.

Полковник оставил эти его слова без комментария.

– Мне кажется, будет полезно, – сказал Элвестон, – если мы вначале обсудим нашу первую реакцию на преступление, уделив особое внимание кажущемуся признанию подсудимого. Верим ли мы утверждению Уикхема, что, если б он не поссорился с другом, Денни не вышел бы из коляски навстречу своей гибели? Или он пошел за Денни с целью его убить? Здесь все упирается в характер. Я не знаком лично с мистером Уикхемом, но, как понимаю, он сын

---

⁸ Право быть выслушанным в суде (*лат.*).

покойного слуги вашего отца, и вы знаете его с детства. Считаете ли вы, сэр, и вы, полковник, его способным на убийство?

Элвестон взглянул на Дарси, а тот, немного помолчав, ответил:

– До его женитьбы на младшей сестре моей жены мы много лет почти не виделись, а после этого события – вообще ни разу. У меня осталась память о нем как о неблагодарном, завистливом, бесчестном и лживом человеке. Он красив, умеет вести себя в обществе, дамы его обожают; насколько долго продолжается это обожание – другой вопрос, однако я никогда не видел Уикхема в ярости и не слышал, чтобы кто-нибудь обвинял его в жестокости. Его пороки более низкие, не хотелось бы их обсуждать – ни для кого не закрыт путь к исправлению. Скажу только, что не могу поверить, что Уикхем, которого я прежде знал, несмотря на все его недостатки, способен на зверское убийство бывшего сослуживца и друга. На мой взгляд, он питал неприязнь к насилию и избегал его, когда было возможно.

– Уикхем успешно противостоял ирландским бунтовщикам, его наградили за проявленное мужество. Нельзя упускать из виду его физическую отвагу, – сказал полковник Фицуильям.

– Сомнений нет, – согласился Элвестон, – если будет стоять выбор – убить или быть убитым, он проявит жесткость. Я не хочу бросить тень на его смелость, но война и участие в боях могут даже обычного мирного человека сделать менее чувствительным, и тогда насилие уже не покажется ему отвратительным. Разве не стоит рассмотреть такую возможность?

Дарси видел, что полковник с трудом сдерживает раздражение, которое вылилось и в его словах.

– Никого еще не испортило верное служение королю и отечеству. Если бы вам, молодой человек, довелось воевать, думаю, вы не стали бы говорить так пренебрежительно о случаях проявления исключительной храбрости.

Дарси решил, что пора вмешаться:

– Я читал кое-что в газетах об ирландском восстании 1798 года, но заметки были довольно краткими. Возможно, я многое пропустил. При каких обстоятельствах Уикхем был ранен и за что получил медаль? Какую роль он сыграл на самом деле?

– Как и я, он участвовал в сражении 21 июня под Эннискортти, когда мы атаковали высоту и обратили бунтовщиков в бегство. Затем 8 августа генерал Жан Юмбер высадился на берег с тысячным французским войском и направился маршем на юг, к Каслбару. Французский генерал поддержал своих бунтующих союзников в желании создать так называемую Республику Коннахт, а 27 августа наголову разбил под Каслбаром войско генерала Лейка, нанеся унижающее поражение британской армии. Тогда лорд Корнуоллис потребовал подкрепления. Он сосредоточил свои силы между французскими захватчиками и Дублином и заманил Юмбера в ловушку, окружив его вместе с генералом Лейком. С французами было покончено. Британские драгуны атаковали одновременно ирландские войска с фланга и французов, и Юмберу пришлось сдаться. Уикхем принимал участие в атаке, в захвате бунтовщиков и разгроме Республики Коннахт. Тогда пролилось много крови, бунтовщиков выслеживали и наказывали.

Для Дарси было очевидно, что полковник не раз давал эту подробную справку и получал от этого удовольствие.

– И Джордж Уикхем принимал в этом участие? – задал риторический вопрос Элвестон. – Мы знаем, как подавляли восстание. Разве этого не достаточно, чтобы привить мужчине если не вкус к жестокости, то по меньшей мере привычку к ней? В конце концов, мы пытаемся здесь прийти к определенному выводу относительно того, каким человеком стал Джордж Уикхем.

– Хорошим и храбрым солдатом, – ответил полковник Фицуильям. – Я согласен с Дарси: не могу представить его убийцей. А знаем ли мы, как он и его жена жили после того, как в 1800 году он вышел в отставку?

– Он не был принят в Пемберли, и все это время мы не общались, но миссис Уикхем неоднократно гостила в Хаймартене, – сказал Дарси. – Они не преуспели. После ирландской

кампании Уикхем стал кем-то вроде национального героя, что давало ему возможность получить хорошую должность, но ее надо было еще постараться удержать. Очевидно, когда мистер Уикхем терял работу и деньги были на исходе, супруги ехали в Лонгборн, где миссис Уикхем с удовольствием навещала подруг, хвастаясь успехами мужа, но эти визиты редко продолжались более трех недель. Должно быть, кто-то регулярно помогал им с финансами, но миссис Уикхем никогда до конца не раскрывала карты, а миссис Бингли, естественно, ее не спрашивала. Боюсь, это все, что я знаю и, более того, хочу знать.

– Я никогда вплоть до вечера пятницы не видел мистера Уикхема, и могу судить о его виновности или невинности, основываясь не на свойствах его личности или на воспоминаниях, а исключительно на впечатлении от самой ситуации, – сказал Элвестон. – Я думаю, у него отличная защита. Так называемое признание могло быть вызвано всего лишь чувством вины: ведь это он вынудил друга выйти из экипажа. Он был пьян, а слезливая сентиментальность после пережитого шока – довольно частое явление у крепко выпивших людей. Но возьмем вещественные доказательства. Основная загадка – почему капитан Денни углубился в лес. Почему Уикхем внушал ему страх? Денни крупнее и сильнее Уикхема, и у него было оружие. Если он намеревался вернуться в гостиницу пешком, почему не пошел по дороге? Конечно, коляска могла его нагнать, но, повторяю, опасность ему вряд ли грозила. В присутствии жены Уикхем никогда не напал бы на него. Можно предположить, что Денни почувствовал желание избавиться от общества Уикхема из-за отвращения к плану друга оставить в Пемберли жену, которую не пригласили на бал, не известив к тому же миссис Дарси. План неосмотрительный и вульгарный, и все-таки он вряд ли заставил бы Денни выйти из коляски в такой драматической манере. Лес был погружен во мрак, а у него не было фонаря; его поступок для меня непонятен.

Есть еще одно более важное доказательство. Где орудия убийства? Их должно быть два. Первый удар по лбу вызвал только небольшое кровотечение, но кровь, залившая глаза, мешала Денни видеть и лишила устойчивости. Рана на затылке от другого орудия, более массивного и гладкого, – возможно, камня. И как свидетельствуют те, кто видел рану, в том числе и вы, мистер Дарси, она настолько велика и глубока, что суеверный человек сказал бы, что удар нанесен не человеческой рукой и, уж конечно, не рукой Уикхема. Я сомневаюсь, чтобы он мог вообще поднять столь тяжелый камень так высоко и ударить точно в цель. И еще надо допустить, что по удачному стечению обстоятельств камень лежал прямо под рукой. А эти царапины на лбу и руках Уикхема? Они заставляют предположить, что он заблудился в лесу после того, как первый раз набрел на труп капитана Денни.

– Значит, вы полагаете, если дело дойдет до суда, его оправдают? – спросил полковник Фицуильям.

– Судя по всему, должны, но, когда нет других подозреваемых, всегда есть риск, что присяжные зададутся вопросом: если не он, то кто? Судье или представителю защиты трудно предостеречь присяжных от этой ошибки и в то же время не внедрить ее в их сознание. Уикхему потребуется хороший адвокат.

– Это моя проблема, – сказал Дарси.

– Предлагаю вам пригласить Джереми Микледора. Он лучший специалист по таким делам и с присяжными умеет ладить. Однако он берет только те дела, которые ему интересны, и терпеть не может уезжать из Лондона.

– А есть вероятность, что дело отправят в Лондон? – спросил Дарси. – В противном случае слушание состоится не раньше выездной судебной сессии в Дерби перед Пасхой или летом. – И обратился к Элвестону: – Напомните мне процедуру.

– Согласно государственному положению, дело обвиняемого рассматривается в местном суде, – прояснил Элвестон. – Аргументация такова: люди воочию видят, что правосудие вершится. Если дело откладывается, то только до следующей судебной сессии графства и по такой серьезной причине, как сомнение в справедливости суда в данном городе, в нарушении

законности, связанном с возможным подкупом присяжных и судей. С другой стороны, местное общество может относиться к обвиняемому с такой враждебностью, что непредвзятого суда просто не может быть. Но только у генерального прокурора есть право взять под контроль и остановить уголовное преследование, и, следовательно, в его власти перенести суд в любое место.

– Значит, все зависит от Спенсера Персивала? – спросил Дарси.

– Именно. Можно попробовать привести следующий аргумент: преступление совершено во владениях мирового судьи, вследствие чего его и семью могут безосновательно вовлечь в перипетии этого дела, а местные сплетни и косвенные намеки на связь между обвиняемым и Пемберли могут препятствовать правосудию. Не думаю, что будет легко перенести слушание дела, но тот факт, что Уикхем посредством брака связан с вами и мистером Бингли родственными узами, является тем осложнением, которое может убедить генерального прокурора пойти на это. Его решение будет зависеть не от личных пристрастий, а от того, принесет ли пользу правосудию перенос процесса. Но где бы ни состоялся суд, думаю, стоит попытаться привлечь в качестве защитника Джереми Микледора. Два года назад я работал у него помощником и, полагаю, имею на него некоторое влияние. Предлагаю вам послать ему письмо с изложением фактов, а я, вернувшись в Лондон после дознания, подробно поговорю с ним об этом деле.

Дарси выразил Элвестону благодарность, и предложение было принято.

– Думаю, джентльмены, – продолжил Элвестон, – нам надо подумать о наших свидетельских показаниях и ответить на вопрос, что говорил Уикхем, стоя на коленях над трупом. Эти слова определяют весь ход процесса. Несомненно, мы скажем правду, но любопытно, до какой степени совпадают наши воспоминания.

Опередив остальных, полковник Фицуильям заговорил первым:

– Эти слова четко отпечатались в моей памяти, что неудивительно, и, думаю, я могу точно их воспроизвести. Уикхем сказал: «Он мертв. О Боже, Денни мертв. Он был моим другом, моим единственным другом, и я его убил. Это моя вина». Конечно, вопрос спорный, что он имел в виду, говоря, что смерть Денни его вина.

– Я помню то же, что и полковник, – сказал Элвестон, – и, как он, затрудняюсь в трактовке этих слов. Пока у нас нет расхождений.

Настал черед Дарси.

– Не могу с точностью повторить слова Уикхема, но с уверенностью подтверждаю, что он сказал, что убил своего друга, своего единственного друга, и это его вина. Я тоже считаю, что последние слова позволяют толковать их по-разному, но не буду пытаться это делать – разве только под нажимом, но, возможно, не стану и тогда.

– Коронер вряд ли станет оказывать на нас давление, – сказал Элвестон. – Если такой вопрос возникнет, он может заметить, что никто не знает мыслей другого человека. Лично мне кажется – но это лишь предположение, – что Уикхем имел в виду то, что Денни не пошел бы в лес на свою погибель, если б не их ссора, и потому он в ответе за действия или слова, вызвавшие у Денни такую неприязнь. Смысл этих слов Уикхема – главное в его деле.

Казалось, встреча закончена, но прежде чем мужчины встали, Дарси сказал:

– Выходит, судьба Уикхема, его жизнь или смерть, зависит теперь от двенадцати людей с их предубеждениями и предрассудками, от убедительности заявления обвиняемого и красноречия обвинителя.

– А как иначе? – отозвался полковник. – Он вверяет себя своим соотечественникам, и нет большей уверенности в торжестве справедливости, чем вердикт двенадцати честных англичан.

– И никакого права на апелляцию, – заметил Дарси.

– Разве это возможно? Решение суда присяжных священно. А что ты предлагаешь, Дарси, второе жюри, согласное или не согласное с первым, а потом еще одно? Это будет полный бред,

и если будет продолжаться *ad infinitum*⁹, то процесс, возможно, перейдет в иностранный суд, который станет рассматривать английские дела. И это будет концом нашей системы правосудия.

– Разве нельзя создать апелляционный суд из трех или пяти судей, который собирался бы в случае разногласий в трудном деле? – спросил Дарси.

В спор вступил Элвстон:

– Могу себе представить реакцию английских присяжных, узнавших, что их вердикт обжалован и дело передано трем судьям. Решения по правовым вопросам принимает судья на самом процессе, и если он не способен с этим справиться, то, значит, занимается не своим делом. Но апелляционный суд в определенной форме существует. Участвующий в рассмотрении дела судья может инициировать процесс о даровании помилования, если он не согласен с результатом, а вынесенный вердикт, который представляется собравшейся публике несправедливым, вызывает крики несогласия, а иногда и более резкий протест. Уверяю вас, нет никого сильнее англичанина, если он обьят праведным негодованием. Как вы, возможно, знаете, я вхожу в группу адвокатов, изучающих эффективность нашего законодательства по уголовному праву, и нам хотелось бы провести одну реформу: право обвинителя произносить свою окончательную речь, прежде чем заключение передается защите. Я не вижу возражений против такой реформы, и мы надеемся, что она осуществится еще в этом столетии.

– А какие могут быть возражения? – поинтересовался Дарси.

– Все упирается во время. Лондонские суды завалены работой, и многие дела рассматриваются с неприличной быстротой. Англичане не то чтобы не любят адвокатов, они просто не хотят сидеть часами и слушать дополнительные речи. Считается, что обвиняемый может сам постоять за себя, а перекрестного допроса обвинителя и защитника достаточно, чтобы гарантировать справедливость. Я не считаю эти аргументы убедительными, но они искренне поддерживаются многими.

– А ты говоришь как радикал, Дарси, – заметил полковник. – Я и не подозревал, что ты так интересуешься законодательством и сторонник его реформирования.

– Я и сам этого не знал, но когда сталкиваешься, как мы сейчас, с реальностью, от которой зависит судьба Джорджа Уикхема, и видишь, как узка грань между жизнью и смертью, то, естественно, тебя это начинает интересовать и волновать. – Помолчав, Дарси прибавил: – Если это все и нам нечего больше сказать друг другу, может быть, присоединимся к дамам, которые ждут нас к обеду?

2

Утро вторника обещало впереди прекрасный день, теплилась даже надежда, что проглянет солнце. У кучера Уилкинсона была заслуженная репутация надежного предсказателя погоды, и два дня назад он обещал, что дождь и ветер сменятся солнцем, а дожди будут мелкими и короткими. В этот день Дарси должен был встретиться за ленчем со своим управляющим Джоном Вулером и уже затем отправиться верхом в Ламтон, чтобы повидать Уикхема, хотя он отдавал себе отчет, что эта встреча не принесет радости ни одному из них.

Во время его отсутствия Элизабет планировала посетить вместе с Джорджианой и мистром Элвстоном Лесной коттедж, справиться о здоровье Уилла и отнести вина и разных вкусовых, которые, как она и миссис Рейнолдс надеялись, вызовут у него аппетит. Она также хотела убедиться, что его мать и сестра не боятся находиться одни в те дни, когда Бидуэлл работает в Пемберли. Джорджиана изъявила горячее желание ее сопровождать, Генри Элвстон тут же предложил себя в попутчики, что одобрил Дарси, да и дамы понимали, что с ним

---

⁹ Бесконечно долго (*лат.*).

им будет спокойнее. Элизабет торопилась выйти раньше, сразу же после ленча; осеннее солнце – дар судьбы, который не может длиться вечно, к тому же Дарси настаивал, чтобы они вернулись из леса до сумерек.

Но прежде надо было написать письма, и после раннего завтрака Элизабет посвятила несколько часов этому занятию. Надо было ответить на письма приглашенных на бал друзей, они все еще приходили, полные сочувствия и расспросов; и Элизабет знала, что родные в Лонгборне, которым Дарси послал срочное уведомление, ждут от них чуть ли не ежедневных отчетов. Еще надо сообщить, как идут дела, сестрам Бингли, миссис Херст и мисс Бингли, но, пожалуй, это может сделать сам Бингли. Они навещали брата и Джейн дважды в год, но больше месяца жить в деревне не могли, их как магнитом тянуло к лондонским развлечениям. Живя в Хаймартене, они снисходили и до посещения Пемберли. Тот факт, что впоследствии они могли хвастаться родством с мистером Дарси, роскошью его дома и великолепием поместья, был очень важен и перевешивал воспоминание о несбывшихся надеждах и чувство обиды, хотя видеть Элизабет в роли хозяйки Пемберли по-прежнему оставалось для них болезненным испытанием. Так что их визиты, к большому облегчению для Элизабет, были редкими.

Она знала, что брат тактично отговорит их от посещения Пемберли в это трудное время, и они, конечно, послушаются его. Убийство в известной семье может шекотать нервы на светских приемах, но кому интересна жестокая расправа с никому не известным пехотным капитаном, незнатным и небогатым? Даже самые щепетильные из нас редко откажутся послушать сплетни о любовных делах – раз уж их не избежать, лучше посмаковать, поэтому и в Лондоне, и в Дербишире знали, что мисс Бингли совсем не хочется именно сейчас покидать столицу. Ее охота на богатого пэра-вдовца вступала в подающую большие надежды фазу. По правде говоря, без звания пэра и денег он считался бы самым скучным человеком в Лондоне, но, если к тебе обращаются «ваша милость», можно смириться с некоторыми недостатками, и борьба за его богатство, титул и остальные привилегии была, по понятным причинам, исключительно острой. Парочка алчных мамаш, понаторевших в матримониальных баталиях, яростно сражалась за счастье своих дочерей, и мисс Бингли не собиралась оставлять Лондон в такой решающий момент.

Элизабет уже успела написать письма родным в Лонгборн и тете Гардинер, когда вошел Дарси с письмом, пришедшим еще вчера вечером срочной почтой, но которое он распечатал лишь сейчас.

– Леди Кэтрин, разумеется, все рассказала мистеру Коллинзу и Шарлотте и вложила в конверт их письма вместе со своим. Не думаю, что они доставят тебе удовольствие или удивят. Я буду в кабинете с Джоном Вулером, но надеюсь увидеть тебя за ленчем, прежде чем отправлюсь в Ламтон.

В своем письме леди Кэтрин писала:

Дорогой племянник!

Как ты понимаешь, твое письмо стало для меня настоящим шоком, однако могу заверить тебя и Элизабет, что, к счастью, я выдержала испытание. Хотя все-таки пришлось пригласить доктора Эвериджа, который похвалил меня за крепость духа. Не сомневайся, я в порядке. Смерть этого несчастного молодого человека (о котором я, конечно, ничего не знаю) неизбежно станет национальной сенсацией, которую трудно избежать, учитывая значение Пемберли. У мистера Уикхема, заслуженно арестованного полицией, прямо талант приносить неприятности и несчастья достойным людям, и я не могу отделаться от мысли, что потворство твоих родителей его детским капризам, о чем я часто серьезно говорила с леди Энн, лежит в основе его поздних проступков. Однако я верю, что хотя бы в этом чудовищном преступлении он не виновен, так как в противном случае тебе придется потратиться на адвоката: ведь он вследствие постыдной женитьбы на сестре твоей жены стал тебе род-

ственником. Будем надеяться, что это не навредит тебе и твоим сыновьям. Тебе понадобится хороший адвокат. Ни в коем случае не нанимай кого-нибудь из местных; ты получишь ничтожество, сочетающее в себе неэффективность и необоснованные надежды на солидное вознаграждение. Я уступила бы тебе своего адвоката мистера Пегурти, но он нужен сейчас здесь. Давний спор из-за границы с соседом, о котором тебе известно, достиг критического уровня: в прошлом месяце прискорбно участились вторжения на мою территорию. Я приехала бы сама – мистер Пегурти говорит, будь я мужчиной и занимайся юриспруденцией, могла бы стать украшением английского суда, – но сейчас мое присутствие необходимо здесь. Если я буду ездить ко всем, кто нуждается в моем совете, то никогда не буду дома. Предлагаю тебе нанять адвоката из «Иннер-Темпл». Говорят, там настоящие джентльмены. Сошлись на меня, и тебя там прекрасно примут.

Я рассказала о произошедшем мистеру Коллинзу, так как это событие не утаить. Как священнослужитель, он изъявил желание написать вам свои обычные, наводящие тоску слова утешения, и я пошлю его письмо вместе со своим, потребовав только, чтобы оно не было слишком длинным.

Шлю мое искреннее сочувствие тебе и миссис Дарси. Без колебаний посылайте за мной, если дела примут плохой оборот, и я, бросив вызов осенним туманам, примчусь к вам.

От письма мистера Коллинза Элизабет не ожидала ничего интересного, если не считать удовольствия от смакования уникального сочетания помпезности и глупости. Письмо оказалось длиннее, чем она ожидала. Несмотря на свое заявление, леди Кэтрин де Бер отнеслась снисходительно к многословию преподобного. В начале письма он говорил, что у него нет слов для выражения потрясения и отвращения к преступлению, но потом отыскал их в достаточном количестве, из которых несколько были уместны, однако ни одно не оказалось полезным. Он объяснял случившееся, как и в случае помолвки Лидии, отсутствием надлежащего контроля мистера и миссис Беннет над дочерьми и поздравлял себя с тем, что не связал судьбу ни с одной из них, ведь это неминуемо покрыло бы и его позором. Он предрек череду бед для несчастного семейства, худшим из которых было недовольство леди Кэтрин и отлучение от Розингса, а также публичный позор, банкротство и смерть. Заканчивалось письмо сообщением, что через несколько месяцев его дорогая Шарлотта подарит ему их четвертого ребенка. Хансфордский приход становится тесен для его постоянно увеличивающейся семьи, но он верит, что провидение в нужное время пошлет ему и достойное содержание, и большой дом. Элизабет отметила, что это был прямой призыв – и не первый – к Дарси помочь священнослужителю деньгами, и, как все остальные, этот призыв тоже останется без ответа. Провидение до сих пор не выказывало никакого желания ему помогать, и Дарси, естественно, тоже.

Незапечатанное письмо Шарлотты было, как и ожидала Элизабет, всего лишь кратким, традиционным соболезнованием в связи с постигшим их горем и заверениями, что все мысли ее и мужа с ними. Ничего более теплого и личного ожидать не приходилось: без сомнения, мистер Коллинз прочел письмо жены. Шарлотта Лукас была подругой Элизабет в годы детства и юности, только с ней и Джейн можно было вести беседы на отвлеченные темы, и Элизабет до сих пор сожалела, что эта дружба ужалась до простого расположения и регулярной, но не искренней переписки. Во время двух посещений леди Кэтрин новобрачными официальный визит в дом священника был необходимой обязанностью, которую взяла на себя Элизабет, не желая, чтобы муж выслушивал вымученные любезности мистера Коллинза. Элизабет пыталась понять, почему Шарлотта приняла предложение мистера Коллинза, сделанное в тот же день, когда она сама его отвергла, но Шарлотта, по-видимому, не забыла и не простила удивленную реакцию подруги на эту новость.

Элизабет подозревала, что однажды Шарлотта нашла способ ей отомстить. Она часто думала, как леди Кэтрин узнала, что она и Дарси могут обручиться. О его первом ужасном

предложении она никому не рассказывала, кроме Джейн, и потому сделала вывод, что ее предала Шарлотта. Она припомнила вечер, когда Дарси вместе с семейством Бингли впервые появился в меритонском зале для приемов, и Шарлотта, заподозрив, что Дарси может заинтересоваться подругой, сказала Элизабет, уделявшую внимание Уикхему, не проявлять повышенного интереса к Дарси. Позже, когда Элизабет вместе с сэром Уильямом Лукасом и его дочерью приехали в пасторат, Шарлотта заметила, что мистер Дарси и полковник Фицуильям стали заходить в их дом куда чаще, и отнесла это за счет чар Элизабет. Потом последовало само предложение. После ухода Дарси Элизабет бродила одна по саду, пытаясь унять смутение и гнев, а когда вернулась, Шарлотта, должно быть, поняла, что в ее отсутствие случилось что-то предосудительное.

Нет, никто, кроме Шарлотты, не мог догадаться о причине ее душевных страданий, и та в момент супружеских игр поделилась своими подозрениями с мистером Коллинзом. Тот же, не теряя времени, предупредил леди Кэтрин и, возможно, преувеличил опасность, переведя догадки в разряд фактов. Его мотивы представляли странную смесь. Случись этот брак, от родства с богатым мистером Дарси могла быть выгода; чего только тот не мог себе позволить? Но осторожность и чувство мести оказались более сильными мотивами. Он так и не простил Элизабет, отказавшую ему. Она должна была понести наказание и прожить жизнь одинокой и бедной старой девы, а не найти такую блестящую партию, от которой не отказалась бы и дочь графа. Разве не вышла леди Энн за отца Дарси? У Шарлотты тоже могла быть причина для более справедливого негодования. Она, как и все в Меритоне, была убеждена, что Элизабет ненавидит Дарси; та, ее единственная подруга, не одобрявшая основанного на благоразумии замужества Шарлотты, сама приняла предложение человека, внушавшего ей отвращение, не в силах отказаться от чести быть хозяйкой Пемберли. Особенно трудно поздравить подругу с удачей, когда эта удача кажется незаслуженной.

Замужество Шарлотты можно было назвать счастливым, как и все остальные, в которых супруги получают то, на что рассчитывают. Мистер Коллинз обрел толковую жену и хозяйку, мать для его детей и одобрение покровительницы, а Шарлотта – единственную возможность получить независимость, на которую может надеяться некрасивая и не обладающая капиталом женщина. Элизабет вспомнила, как добрая и терпеливая Джейн советовала ей не порицать Шарлотту за ее помолвку, а лучше вспомнить, от чего она бежит. Элизабет никогда не нравились ее братья. Даже в юности они были буйными, недоброжелательными и малопривлекательными, и она несколько не сомневалась, что, повзрослев, они станут презирать и третировать незамужнюю сестру, видя в ней обузу, и даже не попытаются скрыть эти чувства. С самого начала Шарлотта руководила мужем с тем же искусством, с каким управлялась с прислугой и птицефермой, и Элизабет уже в первый визит в Хансфорд с сэром Уильямом и его дочерью увидела плоды усилий Шарлотты по улучшению своей ситуации. Мистеру Коллинзу устроили кабинет в передней части дома, из окна которого он, мирно сидя в кресле, видел прохожих, а иногда и леди Кэтрин в карете; днем же по большей части он, поощряемый женой, возился в саду, демонстрируя в садовых работах и энтузиазм, и талант. Работу на земле принято считать добродетельным занятием, вид прилежно трудящегося садовника обычно вызывает прилив одобрительного сочувствия, хотя бы перед ним была всего лишь горка свежевыкопанного картофеля или гороха. Элизабет подозревала, что никогда Шарлотта не была довольна мужем так, как в те часы, что он проводил, согнувшись, над грядкой.

Шарлотта не зря была старшей в большой семье, там она обрела умение справляться с мужским несовершенством, и ее метод руководства мужем был весьма искусным. Она последовательно хвалила мужа за качества, которыми он не обладал, в надежде, что, польщенный ее похвалой и одобрением, он их приобретет. Элизабет видела эту систему в действии, когда по настойчивой просьбе Шарлотты ненадолго приехала к ней одна через полтора года после собственного замужества. Когда они возвращались в пасторат в экипаже леди Кэтрин де Бер,

зашел разговор об одном из гостей, молодом священнике из соседнего прихода, дальнем родственнике леди Кэтрин.

– Несомненно, мистер Томпсон прекрасный молодой человек, но, на мой взгляд, слишком болтлив, – отметила Шарлотта. – Он хвалил каждое блюдо, это отдавало лестью, а сам он выглядел обжорой. Раз или два посреди его пространной речи я заметила недовольный взгляд на лице леди Кэтрин. Жаль, дорогой, что он не взял пример с тебя. Тогда бы он говорил меньше и к месту.

Ум мистера Коллинза не отличался достаточной утонченностью, чтобы определить иронию или заподозрить уловку. Тщеславие проглотило комплимент, на очередном обеде в Розингсе он необычно много молчал, и Элизабет даже побаивалась, что леди Кэтрин может стукнуть ложкой по столу и потребовать ответа, почему он молчит, словно воды в рот набрал.

Последние десять минут Элизабет, отложив перо, перенеслась мыслями в Лонгборн, в дни их долгой дружбы с Шарлоттой. Но подошло время покончить с бумагами и пойти взглянуть, что миссис Рейнолдс приготовила для Бидуэллов. Пока Элизабет шла к комнате экономки, ей припомнилось, как леди Кэтрин в свой прошлогодний приезд сопровождала ее в Лесной коттедж с корзинкой провизии для смертельно больного человека. Леди Кэтрин не пригласили войти в комнату больного, да она и не выказывала такого желания, а на обратном пути сказала: «Диагноз доктора Мерфи внушает подозрение. Я никогда не одобряла затяжное умирание. У аристократов это свидетельство манерности, у низших классов – возможность уклониться от работы. Второй сын кузнеца, по общему мнению, умирает последние четыре года, однако, когда я проезжаю мимо их дома, я вижу, как он помогает отцу, и по виду пребывает в добром здравии. Семья де Бер никогда не затягивала с умиранием. Люди должны для себя решить, жить им или умереть, и поступать соответственно, не доставляя неудобства другим».

Элизабет не нашла, что сказать, так она была изумлена и шокирована. Как могла леди Кэтрин так спокойно говорить о затяжной смертельной болезни, если она всего три года назад потеряла единственного ребенка, болевшего долгие годы? Однако после первого взрыва горя, несомненно, искреннего, хотя удерживаемого ею под контролем, она с удивительной быстротой восстановила душевное равновесие – а с ним и прежнюю нетерпимость. Жизнь мисс де Бер, деликатной, простой и молчаливой девушки, прошла едва замеченной в мире, такой же незаметной была и ее смерть. Элизабет, ставшая к тому времени сама матерью, делала, что могла: посылала теплые приглашения в Пемберли, ездила в Розингс, чтобы поддержать леди Кэтрин в первые недели траура; эти приглашения и искреннее сочувствие, которых несчастная мать, возможно, не ожидала, сделали свое дело. Леди Кэтрин осталась, по существу, той же самой женщиной, что и была, но теперь на Элизабет, занимавшуюся физическими упражнениями в тени деревьев, не изливался яд, и леди Кэтрин любила бывать в Пемберли и посещала супругов чаще, чем они этого желали.

3

Каждый день приносил новые заботы, и Элизабет находила в ответственности за Пемберли, семью и слуг спасение от ужасных предчувствий. Сегодня ей предстояло исполнить их с мужем долг. Она понимала, что не может больше откладывать посещение Лесного коттеджа. Выстрелы в ночи, сознание того, что жестокое убийство произошло в сотне ярдов от их жилища в то время, когда Бидуэлл находился в Пемберли, должно быть, угнетали миссис Бидуэлл, добавляя ей горя. Элизабет знала, что Дарси навещал семейство в прошлый четверг, предлагая освободить Бидуэлла от его обязанностей в вечер перед балом, чтобы в это трудное время он оставался с семьей, но и муж, и жена твердо стояли на своем, говоря, что в этом нет необходимости, и Дарси понял: его настойчивость в тягость. Бидуэлл всегда противостоял любому намеку на то, что его можно – даже на время – кем-то заменить в Пемберли; перестав

быть старшим кучером, он всегда чистил фамильное серебро вечером перед балом леди Энн и не сомневался, что нет в Пемберли другого человека, которому можно доверить это дело.

На протяжении прошлого года, когда молодому Уиллу становилось все хуже и надежда на выздоровление постепенно таяла, Элизабет регулярно посещала Лесной коттедж, и первое время ее впускали в маленькую спальню, где лежал больной. Но недавно она заметила, что ее появление вместе с миссис Бидуэлл у постели больше смущает Уилла, чем радует, и, возможно, выглядит как некий искусственный ритуал, и тогда она осталась в гостиной, утешая, как могла, убитую горем мать. Когда в Пемберли приезжало семейство Бингли, Джейн и сам Бингли неизменно сопровождали ее, и сегодня Элизабет в очередной раз осознала, как ей не хватает Джейн и какое утешение иметь рядом любимую и любящую сестру, которой можно открыть все свои печали и невзгоды и чья доброта и мягкость смягчат любое страдание. В отсутствие Джейн с ней ходила Джорджиана и кто-нибудь из старших слуг, но тактичная Джорджиана, считая, что миссис Бидуэлл легче говорить с миссис Дарси наедине, обычно ограничивалась кратким приветствием и ждала невестку возле дома на деревянной скамейке, которую сколотил Уилл, когда еще был здоров. Дарси редко к ним присоединялся: передача корзины с лакомствами, приготовленными поваром из Пемберли, считалась женским делом. Сегодня, помимо посещения Уикхема, у Дарси могли возникнуть неожиданные проблемы и в Пемберли, поэтому ему не хотелось покидать дом, и за завтраком было решено, что Элизабет и Джорджиану будет сопровождать слуга. Элвестон тихо сказал Дарси, что почтет за честь проводить дам, если они не возражают; его предложение с благодарностью приняли. Бросив быстрый взгляд на Джорджиану, Элизабет увидела на ее лице радость, которую девушка постаралась скрыть, отчего ее реакция на предложение молодого человека стала еще очевиднее.

Элизабет и Джорджиана ехали в ландо; Элвестон на своем Помпее скакал рядом. Ранний туман после сухой ночи освежил лес, утро было великолепное – холодное, но солнечное, в свежем воздухе ощущались привычные осенние запахи: листьев, влажной земли и слабой примеси паленого дерева. Казалось, даже лошади радовались погоде, они вскидывали головы и натягивали удила. Ветер стих, но о буре давали знать сорванные ветки на дороге; сухие листья хрустели под колесами или, отброшенные ими, кружили позади. Деревья еще не потеряли всю листву, алые и золотые цвета осени казались еще ярче на фоне лазурного неба. В такой день сердце Элизабет билось с учащенной силой, и первый раз с момента пробуждения она ощутила слабый прилив надежды. Со стороны может показаться, что они едут на пикник, подумала Элизабет, – развевающиеся гривы лошадей, кучер в ливрее, корзина с провизией, красивый молодой человек, гарцующий у экипажа. Когда они въехали в лес, огромные темные сучья, казавшиеся в сумерках непроницаемой тюремной крышей, теперь пропускали столбы солнечного света, освещавшего засыпанную сухой листвой дорогу и преобразившего потемневшую зелень кустов в весеннюю молодую поросль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.